

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 5

Academic Journal

Series
History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow
2015

ВЕСТНИК РГГУ
№ 5

Научный журнал

Серия «История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2015

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделлебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Клюканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крамер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тошенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополье, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шакленина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., проф. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., проф. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИРЯ РАН), И.С. Смирнов, канд. филол. н., проф. (РГГУ), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюна, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), А.С. Усачев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД РФ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Ю. Бит-Юнан, канд. филол. н. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2015

ISSN 2073-6355

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

- О.А. Ушаков*
Сотрудники газеты «Русский инвалид» 1820-х гг. 9
- М.Л. Спивак*
Андрей Белый и Иванов-Разумник в альманахе «Скифы»: о революционном и тенденциозном 15
- Е.Л. Яворская*
Одесский литературный журнал «Жизнь» в историко-политической ситуации 1918 г. 24
- О.И. Киянская, Д.М. Фельдман*
К истории антисоветских настроений в московской журналистике 1930-х годов: Уголовное дело Михаила Вольпина 29
- Ю.Г. Бит-Юнан, А.С. Митюшова*
Между «Новым миром» и «Посевом»: К судьбе запрещенных произведений Е.С. Гинзбург и В.С. Гроссмана 61
- В.Л. Гопман*
К истории журнала «The Wellsian» – издания Уэллсовского общества (Великобритания) 73

Проблемы теории журналистики

- М.С. Корнев*
Понятие «журналистика» в современной цифровой среде 79

История публицистики. Риторика

- Е.А. Зимарева*
Лечебницы при монастырях в русской словесности и публицистике XI–XIII вв. 84
- С.М. Волошина*
Н.П. Огарев: автобиографическая публицистика в стихах 90

<i>М.П. Одесский</i> Первая мировая война в публицистике Н.А. Бердяева	101
---	-----

Язык СМИ

<i>Е.В. Арутюнова</i> «Предложения по усовершенствованию орфографии» 1964 г. и их обсуждение в прессе (на материале публикаций 22 сентября – 16 октября 1964 г.)	111
---	-----

<i>Е.П. Буторина</i> Стандарт и экспрессия в языке современных медиа (по материалам Национального корпуса русского языка)	125
---	-----

Библиография

<i>П.П. Лебедев</i> Рецензия на книгу: <i>Магронт М.</i> Новости как профессия: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2015. 120 с.	133
---	-----

Хроника

VII Международная конференция «Текстология и эдичионная практика» в Институте массмедиа РГГУ (12 мая 2015 г.)	135
Abstracts	137
Сведения об авторах	142

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

O. Ushakov

The staff of the newspaper “Russky invalid” in the 1820s 9

M. Spivak

Andrey Bely and Ivanov-Razumnik in “The Scythians” almanach
on the revolutionary and the tendency 15

E. Yavorskaya

Odessa literary magazine “Zhizn”
in the historical-political situation of 1918 24

O. Kiyanskaya, D. Feldman

Historical notes on anti-soviet mood in moscow journalism
of the 1930s: M. Volpin’s criminal case 29

Yu. Bit-Yunan, A. Mityushova

Between the “Novy mir” and “Possev” journals:
On the fate of E. Ginzburg’s and V. Grossman’s banned works 61

V. Gopman

Concerning the history of the “Wellsian” journal – the official edition
of the H.G. Wells society (Great Britain) 73

Problems of the Theory of Journalism

M. Kornev

The concept of “journalism” in modern digital environment 79

History of Publicism. Rhetoric

E. Zimareva

Monastery hospitals in XI–XIII centuries Russian
literature and publicism 84

S. Voloshina

N.P. Ogarev: an autobiographic publicism in verse 90

M. Odessky
N.A. Berdyaev's publicism and the Great war 101

Language of Mass Media

E. Arutyunova
"The proposals to improve Russian orthography" 1964
and discussion in the press (on the basis of publications
of 22 september – 16 october 1964) 111

E. Butorina
The standard and expression in the language of modern media
(based on the Russian National Corpus) 125

Books in Review

P. Lebedev
Review of the book: *Magront M. Novosti kak professija:*
Ucheb. posobije dlja studentov vuzov. Moscow:
Aspekt Press, 2015. 120 p. 133

Actual events

VIIth International conference "Textology and editorial practice"
in the Institute of Massmedia of the RSUH (12 May 2015) 135

Abstracts 137

General data about the authors 144

СОТРУДНИКИ ГАЗЕТЫ «РУССКИЙ ИНВАЛИД» 1820-х гг.

В этой статье рассматривается роль сотрудников газеты «Русский инвалид» в становлении и развитии этого издания. Особое внимание уделяется двум журналистам – цензору иностранной периодической печати петербургского почтамта И.П. Оденталю и литератору В.И. Козлову. Их журналистская деятельность представляет наибольший интерес для исследователя.

Ключевые слова: П.П. Пезаровиус, «Русский инвалид», И.П. Оденталь, В.И. Козлов, «Северная пчела», А.Х. Востоков, Ф.В. Булгарин.

П.П. Пезаровиус вошел в историю России как человек, совершивший филантропический подвиг. Успешный чиновник, влиятельный масон, член могущественного Библейского общества, с 1813 по 1821 г. он собрал более миллиона рублей пожертвований для изувеченных солдат Отечественной войны и способствовал созданию государственного Комитета о раненых. И даже нелестные отзывы, которые оставили о филантропе некоторые современники – интриган, ветреник, подлый угодник, мистик и проч., – не поколебали того факта, что Пезаровиус верно служил на благо Отечества¹.

Филантропическая деятельность Пезаровиуса неразрывно связана с тем, что он был основателем и редактором влиятельной газеты «Русский инвалид». В этой статье речь пойдет о малоизвестных сотрудниках «Русского инвалида», которые работали вместе с Пезаровиусом и придавали газете ее своеобразный облик.

В 1813–1821 гг. военная и благотворительная газета Пезаровиуса выходила на русском, немецком и польском языках. С 1819 г. в

польском варианте «Русского инвалида» печатал свои стихи, рассказы и воспоминания журналист Ф.В. Булгарин. «Человек смиренный, но бесхарактерный и без всякой деликатности в чувствах; ума весьма ограниченного. До сих пор ни в чем не был замечен»² – так Булгарин охарактеризовал М. Маркьяновича, который отвечал за издание польского «Инвалида». Кстати, в 1830-х годах «Видок Фиглярин» будет слать на «интригана» Пезаровиуса доносы в III Отделение, спорить с ним по поводу «польского вопроса» и обвинять филантропа в том, что он «наделал много зла» на посту вице-президента Евангелическо-лютеранской консистории. Несмотря на это, в 1847 г. «Северная пчела» Булгарина опубликует некролог Пезаровиусу, где назовет его «человеком добрым, благотворительным, усердным и неутомимым в делах на помощь ближнему»³.

В отечественном варианте «Русского инвалида» выходили в основном материалы зарубежной прессы. Первый месяц 1813 г. статьи для газеты переводил выдающийся филолог балто-немецкого происхождения А.Х. Востоков, написавший, в частности, «Опыт о русском стихосложении». Когда Востоков из-за загруженности научной работой отказался от участия в «Инвалиде», Пезаровиусу порекомендовали взять в переводчики цензора иностранной периодической печати петербургского почтамта И.П. Оденталь – человека, по словам Пезаровиуса, талантливого, но чрезвычайно гордого и вспыльчивого. Обрусевший немец Оденталь слыл ярким патриотом и критиковал М.И. Кутузова за то, что полководец брал наполеоновских солдат живыми в плен.

Чиновник почтового ведомства согласился работать на Пезаровиуса за приличное вознаграждение. При этом Оденталь поставил одно условие: редактор «Инвалида» должен являться к нему по первому требованию. И вот однажды – Пезаровиус во всех красках рассказывает об этом в своей автобиографии – Оденталь неизвестно для чего прислал за ним поздней ночью. На улице стояла «сильная мартовская оттепель». Несмотря на плохую погоду и неурочный час, Пезаровиус поднялся с кровати и пешком – извозчика как назло не оказалось – добрался до квартиры переводчика. Сильно запачкавшийся, издатель «Русского инвалида» вошел к Оденталу, который сидел за письменным столом, обложившись иностранными газетами и журналами. Здесь Пезаровиус приводит слова Одентала: «“Вот” – сказал он мне, указывая на стол у дверей, за который я должен был сесть, – “последние Берлинские газеты. Витгенштейн побил французов при Лейпцау. Выписывайте, что нужно, и дайте мне свои выписки; – я тотчас переведу их на русский язык”»⁴.

Едва Оденталь закончил перевод, Пезаровиус помчался в типографию, и в восемь часов утра публика прочла в «Русском инвалиде» то, о чем гораздо позже – дня через 2–3 – узнала из иностранной прессы. Благодаря чиновнику почтамта газета стала опережать конкурентов, отчего вскоре разошелся слух, будто Пезаровиус завел обширную сеть иностранных корреспондентов. Это заметно увеличило подписку и позволило редактору «Русского инвалида» удержаться на плаву.

Добавим, что Оденталь, по всей видимости, был членом Библейского общества. На эту мысль наводит то обстоятельство, что президент Общества – глава Министерства духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын – руководил почтовым ведомством, а среди чиновников данного ведомства, по мнению исследователей, «редкий не был включен в какую-нибудь ложу или отдел»⁵. Пезаровиус недолго сотрудничал с Оденталем: переводчик скончался в 1816 г.

Поэт и литературный критик В.И. Козлов работал в «Русском инвалиде» с 1814 по 1822 г. После его смерти в 1825 г. «Северная пчела» сообщила, что именно Козлов написал все самое лучшее в неофициальной части «Инвалида». Дружеские письма Козлова писателю и издателю П.И. Шаликову, опубликованные в 1829 г. в «Дамском журнале», проливают свет на взаимоотношения Козлова с Пезаровиусом. Старший сын московского купца, Козлов один год проучился в Практической коммерческой академии, но не почувствовал интереса к коммерции и поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Закончив обучение, 22-летний поэт, помещавший свои стихи в «Вестнике Европы», перебрался в Санкт-Петербург, где в 1814 г. познакомился с Пезаровиусом и устроился на работу в «Русский инвалид». «Василий Иванович охотно принял сие место, которое, обеспечивая его в содержании, не препятствовало притом вести жизнь свободную и независимую»⁶, – говорилось в некрологе Козлову, опубликованном «Северной пчелой». Молодой поэт вел в газете рубрику «Разные известия», писал литературные рецензии и обзоры, а также попеременно с Пезаровиусом – статьи о пожертвованиях.

Днем Козлов сочинял статьи для «Инвалида», а вечером – отправлялся в лучшие дома Санкт-Петербурга. «Я завтракаю у Каммер-Юнкера, прогуливаюсь с Фрейлинами – что всего важнее – угощал однажды у себя завтраком пол-дюжины Графинь и Баронесс!»⁷, – писал Шаликову молодой поэт, страстный любитель большого света. Козлов считался знатоком светского этикета и, пожалуй, мог многим князьям и графам преподать урок о том, в каком costume следует делать утренние и вечерние визиты; когда

надевать сапоги, а когда – штиблеты или башмаки; как правильно поздравлять с днем рождения и именинами и т. д. Вращаясь в блистательном обществе, сотрудник «Русского инвалида» сыпал остроумными шутками, пародировал французские песни, веселил собеседниц загадками и анекдотами.

Вместе с тем Козлов, по его словам, страдал от душевной пустоты и одиночества. Российскую столицу он сравнивал с бесплодной «африканской степью», где нет «ни одного лесочка, ни одного ручейка!». Нередко поэт, под утро вернувшись в свою комнатку из гостей, предавался печальной «мечте о последнем часе жизни моей»: «И та представляет мне мало усадительного: я умру на чужой стороне, и ни одна горячая слеза не канет на мою могилу; одни поздние вздохи друзей моих утешат блуждающую в пространстве эфира тень мою! Зато одна мысль доставляет мне какое-то небесное наслаждение: мысль, что тогда спадёт маска предрассудков и случайностей и меня увидят во мне!»⁸. В одном из писем Козлов выразил надежду, что Шаликов не посчитает его «плаксивым Дон-Кихотом, который сражается с небывальными горестями»⁹.

Как заметил один из знакомых Козлова, молодого человека тяготила холостая жизнь. Сам поэт не был обделен женским вниманием, однако он грезил об идеале. В одной девушке Козлов находил острый ум и познания, во второй – мягкий характер, в третьей – веселый нрав, однако «соединения всех сих совершенств, небесной гармонии всех добрых качеств, существа, совершенно соответствующего моему идеалу, образовавшемуся в душе моей еще в лета детства, – такого существа не нахожу здесь и, может быть, не найду никогда! Не мудрено: такое совершенное творение должно быть только одно в мире!»¹⁰. Не исключено, что в конце концов Козлову удалось приблизиться к своему идеалу. Во всяком случае, «Северная пчела» в некрологе 1825 г. писала, что жизненные силы поэта подкосила не только простуда, переросшая в «злую» чахотку, но и некая «чувствительная и неожиданная потеря».

Козлов признавался, что иногда труд становился для него единственным способом забыть о душевных страданиях. Тогда он умолял «доброто Пезаровиуса» избавить его от темных мыслей, загрузив работой. «Плод такого расположения духа получите в непродолжительном времени, под титулом: “Чудесное распятие; предание первых веков Христианства”»¹¹, – писал Козлов П.И. Шаликову.

Рассказывая старшему товарищу о редакторе «Русского инвалида», который помог Козлову худо-бедно обустроиться в незнакомом Петербурге, молодой поэт часто использовал выражение «нет розы без шипов». Однажды, жаловался Козлов, Пезаровиус насто-

ял на том, чтобы он использовал в переводной статье о путешествии Александра I эпитет, который, по мнению Козлова, совершенно искажал авторскую мысль. В другой раз поэт извинялся перед Шаликовым за то, что его произведение долгое время не печатают в «Инвалиде», и всю вину валил на издателя: «Медленности не я был причиной. Будучи только сотрудником, не могу располагать помещением статей; сам же издатель, при множестве дел своих, не редко позабывает о некоторых»¹². Еще Козлов выражал недовольство работой другого сотрудника «Инвалида», которому Пезаровиус, боясь перегрузить поэта, отдавал переводить некоторые статьи.

«Все сие однако ж я охотно забываю, – писал Козлов, – находя, впрочем, в г-не Пезаровиусе одного из почтеннейших людей в мире, истинного христианина и ревностного друга человечества! Поведение сего редкого человека в отношении ко мне не оставляет мне ничего более желать. Каждый раз, когда я намекну ему только о надобности в деньгах, он уже выводит меня из замешательства, предлагая оные сам»¹³. Именно в угодность своему «благодетелю» Козлов вызвался помещать в немецком варианте «Русского инвалида» литературные рецензии и обозрения.

О других сотрудниках «Русского инвалида», плотно сотрудничавших с П.П. Пезаровиусом в 1813–1821 гг., неизвестно ничего, кроме их инициалов – Б.В., Г.В., С.П. и т. д. Очевидно лишь, что эти журналисты, как и романтический В.И. Козлов, были непосредственными свидетелями увольнения Пезаровиуса с поста редактора благотворительной газеты. На их глазах филантропу – из-за изменившейся политической обстановки – запретили публиковать политические статьи, а также издавать «Русский инвалид» на немецком и польском языках.

В течение восьми лет Пезаровиус по мере сил приносил пользу Отечеству. В 1821 г. основатель «Инвалида» напишет А.А. Аракчееву, что он находит «сладостное утешение» в том, что «заведение “Русского Инвалида” было несколько полезным и с самого начала до нынешнего дня не стоило казне ни одного рубля»¹⁴. Не исключено, что схожее чувство испытывали многие сотрудники «Инвалида», заставшие золотые годы этого выдающегося издания царской России.

Примечания

¹ См. о нем: Ушаков О.А. Журналистская деятельность П.П. Пезаровиуса // Вестник РГГУ. 2014. № 12 (134). Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». С. 28–36.

- ² *Булгарин Ф.В.* Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение / Сост. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 128.
- ³ Некрология // Северная пчела. 1847. № 150. С. 2.
- ⁴ *Пезаровиц П.П.* Краткая история газеты «Русский инвалид». СПб.: Воен. тип., 1843. С. 12.
- ⁵ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Киев: Путь к истине, 1996. С. 149.
- ⁶ Некрология. С. 4.
- ⁷ Письмо В.И. Козлова к П.И. Шаликову от 4 августа 1814 г. // Дамский журнал. 1829. № 39. С. 10–11.
- ⁸ Там же. С. 8–9.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Письмо В.И. Козлова к П.И. Шаликову от 12 октября 1814 г. // Дамский журнал. № 43. С. 1.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Памяти основателя русского инвалида // Военный сборник. 1903. № 2. С. 51.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ИВАНОВ-РАЗУМНИК
В АЛЬМАНАХЕ «СКИФЫ»:
О РЕВОЛЮЦИОННОМ И ТЕНДЕНЦИОЗНОМ

Андрей Белый после возвращения из Дорнаха в Россию в 1916 г. вступил в литературную группу «Скифы» и опубликовал ряд статей и эссе, претендующих на роль манифеста. В статье анализируются взгляды Андрея Белого на проблему отражения современности (Первая мировая война и революция) в литературе и влияние на Андрея Белого идей Иванова-Разумника, лидера группы «Скифы».

Ключевые слова: Андрей Белый, Иванов-Разумник, альманах «Скифы», революция, творческий манифест.

После возвращения из Дорнаха в Россию осенью 1916 г. Андрей Белый примкнул к группе «Скифы», идеологом и организатором которой был известный критик народнического направления и его друг Иванов-Разумник. Участие в альманахе с одноименным названием («Скифы»)¹ стало первым и самым крупным издательским проектом писателя эпохи революции. «Скифский» проект просуществовал недолго (1916–1918)². Однако идеи, выработанные Белым в рамках «скифства» и в период «скифства», оказались принципиально важны для понимания базовых творческих установок писателя второй половины 1910-х годов.

Активность Белого-«скифа» можно объяснить целым рядом причин (помимо собственно материальных).

За четыре года отсутствия писатель, естественно, выпал из литературной и общественной жизни. Участие в альманахе «Скифы» давало ему возможность не просто вернуться в литературу, но занять в ней место, подобающее его писательскому авторитету и самомнению, т. е. – ведущее место. В первом выпуске альманаха были опубликованы: статья «Жезл Аарона (О слове в поэзии)», стихотворный цикл «Из дневника» и четыре главы романа «Котик Летаев».

Во втором (и последнем): стихотворения «Война» и «Родине», статья «Песнь Солнценосца» (об одноименной поэме Н. Клюева) и окончание «Котика Летаева».

Публикация «Котика Летаева» была для Белого особенно важна, так как роман был написан еще в Дорнахе и доказывал, что писатель за время отсутствия не только не утратил свой талант, но развил и усовершенствовал его.

Однако не менее важна была и публикация статьи «Жезл Аарона», написанной в январе – феврале 1917 г. Она претендовала на роль манифеста новой литературной группы и обосновывала новые творческие принципы и самого Белого, и тех писателей, которые на этот момент оказались его единомышленниками-«скифами» (Н. Клюев, С. Есенин и др.).

Пытаясь определить место «скифов» в современном литературном процессе, Белый солидаризовался с формалистами в неутешительном диагнозе современной словесности.

В.Б. Шкловский в статье «Воскрешение слова» (1914) утверждал, что произошло «окаменение» некогда живой словесной ткани, и констатировал: «Сейчас слова мертвы, и язык подобен кладбищу <...>»³. Белый в «Жезле Аарона» как будто вторил ему, доказывая, что современное слово «убито»⁴ и потеряло «свой смысл» (ЖА, с. 156):

Наша речь напоминает сухие трескучие жерди; отломанные от древа поэзии, превратились они в палочные удары сентенций; наше слово есть жезл, не процветший цветами; оно было мудрою живою змеей; но змея умерла (ЖА, с. 157–158).

Мысль Шкловского о необходимости воскресить умершее слово была Белому очень созвучна, но он отказался делать ставку на «слово как таковое» и рассматривать футуристов в качестве истинных реформаторов поэзии. В футуристической практике Белому виделась неоправданная и губительная поспешность:

<...> слишком раннее истечение звука Слов из теплицы молчания только – «выкидыш», «недоносок» <...>; все убожество футуризма в его появление на свет до истечения сроков <...> до времен созревания нового, третьего смысла <...> (ЖА, с. 209).

Новый смысл содержался, по мысли Белого, в пока еще «неявленном внутреннем Слове», которое должно «созреть» в душе художника: «<...> если Дух овладеет душой, то <...> духовное слово вольтется сквозь душу во внешнее слово <...>». А в ожидании «со-

зрения» и «выявления» нового слова Белый предлагал сделать паузу, переждать и на время замолчать:

Вырастить (так! – М. С.) в себе цветок нового Слова, – значит выйти из круга коры, древесины – из круга трескучего звука, из круга корявых понятий; в тишине утопить звуки слов и содрать с себя ветхие смыслы понятий, чтоб по тонкому слою живой ткани внутренних образов приподняться до кроны. Нужен подвиг молчания: он – растит древо слов (ЖА, с. 208).

Эзотерическая подоплека предложенного Белым «подвига молчания» несомненна⁵. Антропософскую систему ценностей и антропософский дискурс Белый привносил во все, им сочиненное в это время – вне зависимости от тематики и жанра. После возвращения из Дорнаха он особенно остро ощущал себя носителем антропософского знания, столь необходимого для вывода России из кризиса, и воспринимал свою литературную и просветительскую деятельность как высокую духовную миссию.

Однако не только антропософия лежала в основе беловской проповеди молчания. Его антропософские устремления омонимически совпали с позицией Иванова-Разумника, жаждущего продолжения революции политической и социальной в революции духовной. В вопросе об отражении революции в творчестве современных писателей Белый, можно сказать, на антропософский лад изложил и взгляды Иванова-Разумника, выступавшего против поверхностной актуальности, тенденциозности и политизированности в литературе. Этой теме, в частности, посвящена статья «Поэты и революция», открывающая второй сборник «Скифов».

Истинными выразителями духа времени Иванов-Разумник нарек народных, «скифских» поэтов Клюева, Есенина, Орешина (их произведения были опубликованы в первом сборнике «Скифов»), а попытки остальных («городских») литераторов откликнуться на недавние события расценил резко негативно:

Подлинность переживаний – вот то малое (и великое), что дало силу голосам народных поэтов в дни революции. И знаменательно, что почти все «городские поэты» так же постыдно провалились на революции, как и на войне. <...> Кто о ней сказал в поэзии подлинное слово, кроме народных поэтов?

И, повторяю – знаменательно, что лишь у них оказалась подлинность поэтических переживаний в дни великой революции. Их устами

народ из глубины России откликнулся на «грохот громов». Отчего же были в эту минуту закрыты уста больших наших поэтов, а если и были открыты, то непереносно фальшивили? Не потому ли, что устами этими откликался не великий народ, а мелкодушный мещанин, *Обыватель*?⁶

Репутацию русской литературы, по мнению Иванова-Разумника, спасли те, кто выдержал паузу в оценке войны: «Два-три русских поэта – подлинных, больших поэта – хранили упорное молчание, тем более красноречивое, чем больше дифирамбов раздавалось вокруг» (ПР, с. 5). Они же, подчеркивал критик, «хранят молчание теперь, во время революции»:

<...> они чувствуют, они знают, что если не могли они воспеть войну за сотни верст от окопов и смерти, то еще труднее, еще непереноснее – быть Тиртеями тыла революции, славить или поносить революцию, будучи лишь безвольными зрителями ея. <...> отраднo знать, что хоть несколько подлинных художников молчат в эти минуты стадного «тылового» поэтического творчества (ПР, с. 5).

Мистик-антропософ Белый и сочувствующий левым эсерам Иванов-Разумник рассуждают совершенно в одном ключе: мысли и слова должны созреть, прежде чем вылиться на бумагу. Так, Белый рассуждает в «Жезле Аарона» о воплощении «духовного слова» во «внешнее слово» и необходимости вырастить «в себе цветок нового Слова». Иванов-Разумник оперирует категорией «подлинности» (переживаний, слов), которой сейчас обладают прежде всего народные поэты, но которую со временем могут обрести те, кто не спешил угнаться за веяниями времени и за ложно понятой актуальностью:

<...> два-три подлинных больших поэта наших – молчали; их слова – впереди; быть может, еще не скоро, через годы, подлинные переживания их воплотятся в звук и в слово. Так о войне; так и о революции» (ПР, с. 3).

Или:

И как раз эти художники впоследствии первые *будут иметь право* говорить и о войне, и о революции. Ибо глубоко переживают и собирают они в своем молчании те чувства, которые тыловые поэты спешно расточают в легковесных словах (ПР, с. 5).

Идея молчания, предполагающая неспешное вызревание слова о революционной эпохе, была близка Белому еще и, как кажется, по чисто прагматическим причинам. Привезенный из Дорнаха «Котик Летаев», на первый взгляд, был совершенно вне современной проблематики: затейливое повествование о «дорожденной стране», о горячечных бредах младенца, о первых детских впечатлениях и воспоминаниях почти эпатажно уводило читателя из эпохи революции в 1880-е годы XIX столетия. Однако беловская концепция молчания-вызревания оправдывала появление столь «несовременного» произведения в «скифском» контексте. А использованный Ивановым-Разумником критерий «подлинности» выводил автобиографический роман о событиях 35-летней давности в ряд больших литературных событий эпохи, придавал ему не мнимую, поверхностную, а подлинную актуальность.

Примечательно в этом плане, что в статье «Испытание в грозе и буре», опубликованной в апреле 1918 г. в первом номере журнала «Наш путь» и посвященной «Скифам» и «Двенадцати» А.А. Блока, Иванов-Разумник включил «Котика Летаева» в короткий перечень тех выдающихся произведений, которые «дал русской литературе год революции»: «<...> он дал нам и стихи Н. Клюева, и поэмы С. Есенина, и еще никем не оцененного изумительного “Котика Летаева” Андрея Белого, и плач “о погибели земли русской” А. Ремизова»⁷.

В написанном в июне – июле 1917 г. эссе «Революция и культура»⁸ Белый снова развивает идеи, высказанные им ранее в статье «Жезл Аарона» (проповедь молчания), и снова рассуждает в том же русле, что и Иванов-Разумник. Белый делает экскурс в историю революционных потрясений прошлого и прослеживает аналогии с современностью. В качестве показательного поведения художника-творца берет, например, Р. Вагнера:

<...> он, услышавши пение революционной толпы, взмахом палочки обрывает симфонию и <...> убегает к толпе; говорит; и – спасается бегством из Лейпцига <...>. Но это вовсе не значит, что жизнь революции не отразилась в художнике; нет, глубоко запала она – так глубоко запала в душе, что в момент революции гений Вагнера онемел: то была немота потрясения; она разразилась позднее огромными взрывами: тетралогией «Нибелунгов», живописанием сверженья кумиров и торжеством человека над гнетом отживших божеств; отразилась она заклинательным взрывом огней революции, охватившим Вальгаллу. Вагнер – подлинный революционер в своей сфере <...>⁹.

Следуя той же логике, Белый обнаруживает, что «печать революции духа сверкает» (РК, с. 300) на Ибсене и что «подлинно революционны» также «и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс, не Маркс» (РК, с. 306). Последнее утверждение, высказанное, напомним, летом 1917 г., оказалось весьма недалководным, и Белый, думается, о нем после пожалел.

Не обошел Белый вниманием и опыт первой русской революции:

Я напомним читателю: 1905 год в жизни творчества – что нам подлинно дал? Многообразие бледнейших рассказов о бомбах, расстрелах, жандармах. Но отразился он ярко – позднее; и – отражается ныне <...> (РК, с. 299).

Однако анализ минувших эпох нужен Белому исключительно для того, чтобы перебросить мостик в современность и обосновать будущими достижениями право художника (и прежде всего свое право) не писать о революции, но при этом считаться и современным, и актуальным:

<...> произведенья искусства с сюжетом на тему суть слепки из гипса с живого лица; и таковыми являются вялые славословья поэтов в рифмованных строчках: «свобода», «народа»; но знаю наверно я: в колоссальнейших образах отобразится великая русская революция в ближайшей эпохе с тем большею силой, чем меньше художники слова будут ее профанировать в наши грозные дни (РК, с. 299).

В итоге Белый опять приходит к апологии молчания:

Революцию взять сюжетом почти невозможно в эпоху течения ее; и невозможно потребовать от поэтов, художников, музыкантов, чтобы они восхваляли ее в дифирамбах и гимнах; этим гимнам, мгновенно написанным и напечатанным завтра на рыхлой газетной бумаге, признаться, не верю; потрясение, радость, восторг погружают нас в немоту; целомудренно я молчу о священных событиях моей внутренней жизни; и потому-то противны мне были недавние вопли поэтов на темы войны; и потому-то все те, кто сейчас изливает поверхность души в очень гладко рифмованных строчках по поводу мирового события, никогда не скажут о нем своего правдивого слова; быть может, о нем скажет слово свое не теперь, а потом главным образом тот, кто молчит. <...> прекрасно молчание творчеством в минуту глаголящей жизни; вмешательство их голосов в ее бурную речь наступает тогда, когда речь будет сказана (РК, с. 299).

Любопытно, что формула «правдивое слово» и эпитет «подлинный», который Белый постоянно использует в эссе «Революция и культура», похоже, прямо соотносятся со статьей «Поэты и революция», где Иванов-Разумник именно «подлинностью» переживаний измеряет и качество литературного произведения, и его революционность.

Со статьей «Жезл Аарона» эссе «Революция и культура» связывает не только тематика и ход рассуждений, но и образность. Мысль об отжившей, умершей культуре Белый развивает через образы камня, коры, каркаса. Мысль о новой – через образы растительного ряда. В «Жезле Аарона» обыгрывается образ «словесного дерева», заимствованный у Клюева; в «Революции и культуре» – прежде всего образы ростка и семени: «<...> революция <...> есть давление силы ростка, разрыванье ростком семенной оболочки» (РК, с. 300) и др.

Пылко отстаивая в 1917 г. право художника не писать о революции, но при этом считаться подлинно революционным, Белый, конечно, не мог предполагать, что за Февральской революцией последует Октябрьская, что будет «левоэсеровский мятеж» и что второй альманах «Скифы» станет последним. Однако придуманная в русле «скифства» поведенческая стратегия художника пригодилась Белому при разработке концепции журнала «Записки мечтателей», выпускавшегося С.М. Алянским при издательстве «Алконост».

Как известно, первоначально журнал планировалось озаглавить «Дневники писателей». И Белый по просьбе Алянского написал статью-передовицу, озаглавленную почти так же, как и журнал – «Дневник писателя». Однако уже когда статья была сверстана, журнал решили переименовать. И Белый написал еще одну вступительную статью – «Записки мечтателей». Первый номер так и вышел – с двумя вступительными статьями¹⁰.

В статье «Дневник писателя» Белый доказывал необходимость обратиться не к социально-политической проблематике современности, а к анализу своих субъективных восприятий и объявлял, что отныне его главная тема – материал сознания «Я»:

Не занимают меня круги тем обо всем, что не «Я»; и потому-то «Дневник» моих записей, мне рисующих положение мое в мире, отныне мне главная тема; лишь в этом строительстве нового мира остался писателем я <...>. Мировой – «Я»; и да: мировые задания определяют во мне интерес к своей собственной теме; ведь только этою темою восхожу к современности я. <...> Перекрестить в себе две перспективы и в точке пересечения стать – значит стать в Челе Века; подняться до «Я».

Это дело есть миссия времени; опыт узнания себя в себе подлинном есть огромное социальное дело эпохи, в которую входим, и потому-то «Дневник», то есть точная запись всего происходящего в «Я», есть существенный опыт описывания миров неописанных¹¹.

Ориентация Белого на «запись всего, происходящего в “Я”», безусловно, оправдывала публикацию в журнале повести «Записки чудака», являвшейся, как и «Котик Летаев», частью эпопеи «Я» («Моя жизнь»). Вместе с тем, заявляя о приоритете субъективных, но подлинных переживаний, Белый, как кажется, продолжал и «скифскую» программу, согласно которой подлинность переживаний важнее поспешного отклика на темы, продиктованные моментом.

В статье «Записки мечтателей», гораздо более политизированной, чем статьи, упомянутые выше, Белый, описывая духовную общность писателей, объединившихся вокруг журнала, продолжает ту же мысль, что была заявлена им в «скифский» период, обращаясь к той же древесно-растительной образности, которую использовал в статье «Жезл Аарона» и в эссе «Революция и культура»:

Записки мечтателей – осознание себя рощицей, росшей годами; – разбросанные кучки деревьев и стволы этой рощицы отстоят далеко друг от друга, чтобы выветвить индивидуальные кроны, способные братски обняться и прошуметь песни времени, посылая друг к другу свободно порхающих бабочек: вырастить поросль; мы – рощица; не превращайте в забор нас: заборы не вырастят поросли; местность же, наша страна, ждет от нас тихоструйного облака; не превращайте в заборы нас: если все рощи скрепятся в заборы – изменится климат (ЗМ, с. 7).

Смысл сравнения «коммуны писателей» с рощицей и лесом – исключительно в доказательстве права каждого писать не на заданные темы, а о своих подлинных переживаниях и впечатлениях: «<...> в “Записках мечтателей” осуществляем лишь принцип: – “Пишите нам то, что хотите; и – как хотите!”» (ЗМ, с. 7).

И наконец, не исключено, что образ мечтателя, появившийся в заглавии журнала «Записки мечтателей» на последней стадии его подготовки, возник не без влияния «скифа» Иванова-Разумника. Развивая свою любимую идею о мещанине-обывателе, способном погубить духовную революцию, он писал Белому 26 августа 1917 г.:

<...> плохо то, что революция гибнет в болоте; и не одна *эта* революция, внешняя, видимая, а и другая, более глубокая, внутренняя, духовная. Обыватель сожрет мечтателя, – так тому и быть надлежит¹².

Под мечтателями Иванов-Разумник, конечно, подразумевал себя, Белого и других «скифов», а под обывателями (в контексте письма) – представителей «кадетской общественности», либералов, не принявших Октябрьскую революцию. И хотя к моменту организации издательства «Алконост» угроза со стороны «кадетской общественности» была уже давно ликвидирована, но оппозиция «обыватель–мечтатель» могла запомниться Белому и дать толчок к раздумьям о новом названии журнала.

Примечания

- ¹ Скифы. Сб. 1. Пг., 1917; Сб. 2. Пг., 1918.
- ² См.: *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО XXI, 2007.
- ³ *Шкловский В.Б.* Воскрешение слова // Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе. 1914–1933 / Сост. А.Ю. Галушкина, А.П. Чудакова. М.: Советский писатель, 1990. С. 36.
- ⁴ *Белый А.* Жезл Аарона: (О слове в поэзии) // Скифы. Сб. 1. С. 208. Далее – ЖА, с указанием страницы в тексте.
- ⁵ См. об этом: *Спивак М.Л.* Андрей Белый в 1913 году: в поисках альтернативы слову // 1913. «Слово как таковое»: Юбилейный год русского футуризма / Сост. Ж.-Ф. Жаккар, А. Морар. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. С. 181–193; *Она же.* Андрей Белый в альманахе «Скифы»: («Жезл Аарона» и «Котик Летаев») // Вестник РГГУ. 2014. № 12 (134). Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». С. 64–70.
- ⁶ *Иванов-Разумник.* Поэты и революция // Скифы. Сб. 2. С. 3. Далее – ПР, с указанием страницы в тексте.
- ⁷ Александр Блок: Pro et contra: Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников / Изд. подгот. Н.Ю. Грыкалова. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 262.
- ⁸ *Белый А.* Революция и культура. М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917.
- ⁹ Эссе цит. по: *Белый А.* Символизм как миропонимание / Сост., прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 299–300. Далее – РК, с указанием страницы в тексте.
- ¹⁰ *Спивак М.Л.* «Записки мечтателей» vs «Дневники писателей»: К вопросу о названии журнала издательства «Алконост» // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblate. In Honor of Stefano Garzonio (Stanford Slavic Studies. Vol. 40) / Ed. by G. Carpi, L. Fleishman, B. Sulpasso. Stanford, 2012. P. I. P. 295–314.
- ¹¹ Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 128–129. Далее – ЗМ, с указанием страницы в тексте.
- ¹² Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 128.

ОДЕССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ «ЖИЗНЬ» В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ 1918 г.

В статье речь идет об одесском литературном журнале «Жизнь», выходившем в 1918 г., во время австро-немецкой оккупации. Анализ публикаций журнала дает представление о круге интересов одесских писателей и художников, о проблемах, волновавших их, о взаимодействии одесской журналистики конца 1910-х годов с литературой и журналистикой Европы и России.

Ключевые слова: журнал «Жизнь», А.А. Блок, австро-немецкая оккупация, литература, журналистика, критика.

1917–1919 гг. – время Гражданской войны и неоднократной смены власти в городе – были одним из самых ярких периодов одесской журналистики. За три года вышло 163 газеты и 169 журналов разных направлений на 14 языках (русском, украинском, идиш, иврите, немецком, польском, болгарском, сербском, румынском, латышском, литовском, английском, французском, греческом)¹. При каждой смене властей менялось количество и характер изданий, лишь несколько газет и журналов выходили с более-менее значительными перерывами на протяжении всех трех лет.

В данной работе речь пойдет о литературно-художественном еженедельном журнале «Жизнь». Один из наиболее интересных по кругу авторов и качеству публикуемых материалов, журнал выходил с июня по декабрь 1918 г.² Кроме него, в 1918 г., когда Одесса была оккупирована австро-венгерскими войсками, в городе выходило 67 газет и 48 журналов, преимущественно политических.

Редактором-издателем «Жизни» был кадет Сергей Федорович Штерн, редактор одной из ведущих дореволюционных газет «Одесский листок». Журнал печатался в типографии «Одесского листка» и продавался в конторе газеты. «Жизнь» выходила на

18 страницах (включая обложку). В отличие от большинства периодических изданий журнал избегал прямых разговоров о политике. В журнале публиковались стихи, проза, политические фельетоны, рецензии на книги, выходившие в Одессе, Москве, Петрограде, статьи, посвященные юбилеям русских и зарубежных писателей. Печатались переводы рассказов с английского, итальянского, немецкого, шведского языков. Существовали рубрики «Художественная жизнь», «В мире литературы», «Страничка театра». Авторскую рубрику «Впечатления» вел П.А. Нилус, член Товарищества южнорусских художников.

Круг авторов журнала был пестр и разнообразен.

Знаменитые авторы «Одесского листка» и «Одесских новостей» – приехавшие в Одессу в 1918 г. И.А. Бунин, Д.Н. Овсянко-Куликовский, А.Н. Вертинский, одесские прозаики С.С. Юшкевич, А.М. Федоров, литературоведы Б.В. Варнеке и Л.П. Гроссман, поэтесса В.М. Инбер, а также регулярно печатавшиеся в изданиях того времени поэты И.И. Мадробурский и А.М. Борисов.

И здесь же – представители среднего и младшего поколения, поэты В.П. Катаев, М.И. Гитерман, В.П. Овчаренко, В.Д. фон Дитрихштейн, Г.И. Долинов, Е.П. Кранцфельд, А.С. Соколовский, Б.В. Бобович, Л.С. Астахов (Баткис), Э.Д. Владимиров (Ширман), поэт и критик М. Бертенсон и другие. Любопытно присутствие на страницах журнала Г.Д. Гребенщикова, который в то время жил в Крыму (его пребывание в Одессе не подтверждено).

Журнал сообщает о работе одесских книгоиздательств «Омфалос», «Русское книгоиздательство в Одессе», об основании издательства «Русская культура», «ставящего не коммерческие, а чисто литературные цели»³.

Рассуждения о судьбах России велись в журнале вне контекста Гражданской войны. Однако политика давала себя знать – прежде всего в изобразительных материалах. В первом номере журнала – фотографии австро-венгерской армии в Одессе и похода австро-германских войск на Украину.

Кроме того, в журнале, почти в каждом номере, публиковались злободневные политические карикатуры МАД (М.А. Дризо). Некоторые карикатуры МАД из «Жизни» вошли в альбом «Так было...», включавший 60 рисунков о жизни России с марта 1917 по март 1918 г. Сообщение о выходе альбома было опубликовано в журнале, но тираж был конфискован германскими властями.

Авторы «Жизни» остро переживали свою оторванность как от всероссийской, так и от европейской культуры. Так, горькие ноты звучат в рецензиях на иногородние книги: «Мы отрезаны от них,

центров русской и общероссийской культуры. Мы лишь урывками узнаем о том, как живут, страдают и надеются Москва и Петроград». Однако эта оторванность преодолевается попытками соучастия в культурной жизни России и Европы: «Но вот все чаще и чаще доходят к нам из северных столиц новые книги, выпущенные в страшное время на рынок»⁴.

Журнал перепечатывал знаменитые столичные новинки: в частности, поэму А.А. Блока «Двенадцать»⁵. Поэма вызвала бурную дискуссию в одесской прессе, журнал помещает статьи Б.С. Вальбе «Двенадцать» и А. Ельникова «Незыблемая скала» (ответ на критические оценки поэмы в одесской прессе). Позднее будет опубликована еще одна статья – Ю. Никольского ««Скифы» Блока»⁶. В последнем номере журнала републикована поэма Блока «Соловьиный сад»⁷.

Кроме того, журнал публиковал материалы о столичных писателях. Тот же Вальбе, к примеру, пишет о В.Г. Короленко. Большую статью к юбилею К.Д. Бальмонта публикует В. Фишер. В. Галахов пишет о С.М. Городецком и Н.С. Гумилеве, о З.Н. Гиппиус. Поэт А.С. Соколовский пишет о книге своего учителя «Новая книга о строении стиха (Валерий Брюсов. Опыты. Москва, 1918)»⁸.

Интересует одесских литераторов информация о столичной литературной повседневности: «В Петрограде образуется “Живой журнал”, первый вышел 9 июля. Участвовали Ахматова, Брик, Венгеров, Засятин [так в тексте], Кузмин, Эйхенбаум и др. <...> В издательстве “Центрифуга” выходит трагедия И.А. Аксенова “Коринфяне” с фронтисписом А.М. Родченко»⁹.

Перепечатывает «Жизнь» и материалы иностранной прессы: «У Кнута Гамсуна» – из датской «Politiken», «Ромен Роллан» – из журнала «Wissen und Leben». Статья «Иудейство и философия» – пересказ доклада профессора Л. Штайна в Берлине – по материалам газеты «Vossische Zeit»¹⁰. Периодически появляются публикации о выставках немецких художников, о выставке скульптуры в Вене.

В последнем номере журнала была опубликована статья Б.В. Бобовича «Памяти Анатолия Фиолетова» – об убитом бандитами молодом одесском поэте, служившем в уголовном сыске:

Газетная заметка говорит, что в тот самый момент, когда Анатолий Шор (Фиолетов) опустил руку в карман, очевидно, пытаясь вынуть револьвер для защиты, злоумышленник стал в упор стрелять, и Фиолетов был убит наповал. И я себе очень ясно представляю, ка-

ким белым и бледным стало его худое лицо, как широко и испуганно раскрылись его большие ясные глаза и как, закачавшись, рухнулся на землю бездыханным трупом поэт...

Для нас, его друзей, он был только поэтом! Инспектор сыска? Не знаю... Но, может быть, и тут он искал вдохновенья, вдохновенья и только вдохновенья...

Фиолетова считали футуристом. Но это не так. Фиолетов был просто поэт. В его наивных, немножко детских, немножко иронических стихах такая бездна художественной утонченности, такая гармонизирующая волна хорошего вкуса и благородного чутья, такая очаровательная ласковость ритмического содержания, что не о футуризме должна была быть речь, а о настоящем, радостном даровании, должно быть представление о будущем, которое дико и нелепо оборвала смерть...¹¹.

Эти строки прозвучали горьким пророчеством. Кто-то из авторов вскоре окажется в эмиграции, кто-то будет арестован в 1930-е годы, некоторые исчезнут.

Полный комплект журнала находится в Одесской национальной библиотеке им. М. Горького, отдельные номера, сохранившиеся в архиве поэта М.И. Гитермана, – в фондах Одесского литературного музея.

Примечания

- ¹ См. об этом: Одеська періодична преса років революції та громадянської війни 1917–1921 р. / Под ред. С.Л. Рубинштейна. Одесса, 1929. С. IX.
- ² О журнале «Жизнь»: Там же. С. 120–121; *Бельский М.Р., Ижик Л.В.* Журналы старой Одессы: Справочник. Одесса: ВМВ, 2008. С. 27; *Шабельская Е.А.* Журнал «Жизнь» в фондах ОЛМ // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публ. / Одесский литературный музей. Одесса: Симекс-принт, 2011. Вып. 6. Т. 1. С. 257–286.
- ³ Библиография. Новое книгоиздательство // Жизнь. 1918. № 19. Окт. С. 13–14; № 27. Дек. С. 9.
- ⁴ *Бертенсон М.* Искры летающие (по поводу одной книги). Рец. на: *Радлова А.* Книга стихов // Там же. № 15. Сент. С. 15–16.
- ⁵ *Блок А.А.* Двенадцать // Там же. № 21. Окт. С. 8–10.
- ⁶ *Вальбе Б.* Двенадцать // Там же. № 22. Окт. С. 10–11; *Ельников А.* Незыблемая скала // Там же. С. 11–12; *Никольский Ю.* «Скифы» Блока // Там же. № 25. Ноябрь. С. 7.
- ⁷ *Блок А.А.* Соловьиный сад // Там же. № 28. Дек. С. 2.

- ⁸ *Вальбе Б.* Владимир Галактионович Короленко (к 65-летию и 40-летию литературной деятельности) // Там же. № 10. Авг. С. 16; *Фишер В.* Бальмонт // Там же. № 25. Ноябрь. С. 9; *Галахов В.* Цех поэтов // Там же. № 5. Июнь. С. 14; *Он же.* Поэт на улице // Там же. № 26. Ноябрь. С. 7; *Соколовский А.С.* Новая книга о строении стиха (Валерий Брюсов. Опыты. Москва, 1918) // Там же. № 28. Дек. С. 12–13.
- ⁹ Новости культуры // Там же. № 14. Сент. С. 16.
- ¹⁰ У Кнута Гамсуна // Там же. № 11. Авг. С. 5; Ромен Роллан // Там же. № 18. Сент. С. 15; Иудейство и философия // Там же. № 23. Ноябрь. С. 14.
- ¹¹ *Бобович Б.В.* Памяти Анатолия Фиолетова // Там же. № 28. Дек. С. 7.

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

К ИСТОРИИ АНТИСОВЕТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1930-х годов: УГОЛОВНОЕ ДЕЛО МИХАИЛА ВОЛЬПИНА

Статья посвящена анализу антисоветских настроений в среде московских журналистов 1930-х годов. На примере документов из уголовного дела М.Д. Вольпина характеризуются частные разговоры журналистов, их мнения по поводу происходивших в стране событий. Кроме того, выявляются новые факты биографий некоторых участников литературного процесса 1930-х годов.

Ключевые слова: М.Д. Вольпин, Л.В. Саянский, журнал «Крокодил», И.М. Штерн, П.Т. Горгулов, коммунизм, фашизм, внутренняя политика СССР.

Имя поэта Михаила Давыдовича Вольпина было хорошо знакомо московским журналистам и литераторам 1930-х годов.

Начало его биографии вполне советское. Вольпин родился в 1902 г. в Могилеве на Днепре, окончил четыре курса ВХУТЕМАСа, работал плакатистом в РОСТА, побывал в комсомоле, отслужил в Красной армии, сочинял пьесы, сотрудничал в «Смехаче», «Чудачке» и других сатирических журналах и был страстным поклонником Маяковского.

В начале 1930-х годов Вольпин был штатным сотрудником журнала «Крокодил». Как свидетельствуют публикуемые ниже документы, к этому периоду у поэта-крокодила накопилось много претензий к советской власти – как идеологического, так и личного свойства. В частности, в январе 1933 г. был арестован, а в марте расстрелян его двоюродный брат Яков Фабрикант, заместитель директора Всесоюзного института механизации сельского хозяйства. Брата обвинили в «контрреволюционной вредительской работе в области сельского хозяйства», якобы спровоцировавшей голод на Украине¹.

Комментируя впоследствии, уже в годы перестройки, свой арест, Вольпин связывал его со знаменитым делом Николая Эрдмана, автора пьес «Мандат» и «Самоубийца», и драматурга и поэта Владимира Массы. Им вменялось в вину сочинение «антисоветских басен». Вольпин утверждал, что попал в тюрьму по этому же делу: «Меня тоже посадили. Как сказал следователь, за “антисоветские настроения”»².

В этом утверждении была доля истины: в 1930-е годы Вольпин дружил с Эрдманом и Массом и действительно сочинял и активно распространял антисоветские стихотворения. 9 июля 1933 г. заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода писал Сталину: «Направляю Вам некоторые из неопубликованных сатирических басен, на наш взгляд, контрреволюционного содержания, являющихся коллективным творчеством московских драматургов Эрдмана, Массы и Вольпина. Басни эти довольно широко известны среди литературных и окололитературных кругов, где упомянутые авторы лично читают их... Вольпин М.Д. – 1902 года рождения, поэт-сатирик, соавтор Эрдмана, сотрудник “Крокодила”... Полагаю, что указанных литераторов следовало бы или арестовать, или выслать за пределы Москвы в разные пункты». К письму Ягоды прилагались копии разного рода антисоветских произведений³.

Узнав об аресте Эрдмана и Массы, последовавшем 11 октября 1933 г., Вольпин удивился, что остался на свободе. Осведомитель ОГПУ сообщал, что поэт говорил знакомым: «Удивляюсь, что хожу на свободе, я ведь тоже пишу басни и читаю их. Вероятно, я бездарен, очень обидно. Напишу заявление в ОГПУ, чтобы арестовали меня – вот только беда, не арестуют, скажут: подождите, о Вас еще дела нет»⁴.

Вольпина арестовали 27 октября того же года. Но на допросе в ОГПУ он категорически отверг соавторство с Эрдманом и Массом. Признаваясь в гораздо более опасных преступлениях, Вольпин тем не менее настаивал: «Лично я никогда не помогал Эрдману и Массу в сочинении басен». Его показания подтверждал Эрдман, утверждавший в частном письме: «Миша был у нас редким и скромным гостем, но в нашем хозяйстве он не участвовал»⁵.

В подборке стихотворных текстов, которые Ягода предоставил Сталину, не было ни одного, написанного тремя сатириками совместно. Историкам литературы вообще неизвестны нелегальные стихотворения, которые бы являлись плодом тройного соавторства поэтов⁶. Соответственно обвинение в таком соавторстве вопреки мнению Ягоды Вольпину предъявлено не было.

Скорее всего, причину ареста Вольпина следует искать в другом: осенью 1933 г. началось масштабное реформирование журнала «Крокодил». Относительно самостоятельный в выборе журналистской стратегии журнал передавали в ведение газеты «Правда». За кулисами этой реформы шла отчаянная борьба, которую вели, с одной стороны, редактор «Крокодила» Михаил Мануильский, а с другой – редактор «Правды» Лев Мехлис, поддерживаемый тем же Ягодой. Арест Вольпина, штатного сотрудника «Крокодила», сочинявшего антисоветские стихи и частушки, был одним из элементов этой борьбы. В ходе борьбы за журнал был арестован еще один сотрудник «Крокодила» – поэт Эмиль Кроткий⁷.

Формально Вольпина арестовали за высказанные вслух «террористические намерения», желание «убить Сталина». Ситуация, в которую он попал, оказалась намного тяжелее той, в которой оказались Эрдман, Масс и Эмиль Кроткий. Они были приговорены к трехлетней ссылке, «террористу» же Вольпину грозил расстрел.

* * *

Весьма неприглядную роль в деле Вольпина сыграл тоже сотрудничавший в «Крокодиле» писатель и журналист Леонид Саянский, он же – бывший штабс-капитан Главного штаба Леонид Викторович Попов. Попов-Саянский родился в 1889 г. в Иркутске, происходил «из потомственных дворян Иркутской губернии» и окончил Иркутское пехотное юнкерское училище. Он участвовал в Первой мировой войне, был контужен в голову и отравлен газом, получил три ордена⁸. К моменту краха старой России Саянский был известным в обеих столицах литератором, автором «дневника казачьего офицера» «Три месяца в бою» (Москва, 1915) и приключенческого романа «Человек без имени» (Москва; вышел, по-видимому, в начале 1918 г.).

Революция сломала жизнь штабс-капитана; о том, как он относился к большевикам, хорошо видно из романа. Главный герой, скрывающий свое имя «странный человек», путешественник и золотодобытчик, оказывается графом-монархистом, призванным спасти Россию. Его мнение о большевиках – немецких шпионах и погромщиках – однозначно: «Эти самые большевики идут убивать вслепую... Потерявшие голову или движимые только низменными расчетами, покорные окрику и жестокие до зверства, где нет сопротивления духа, – они творят свое ужасное дело, не понимая той невыносимой роли, которую их заставили играть».

Завершалось действие романа в отбитом у большевиков Ростове: «И вот уже звенят над городом, залитым кровью, колокола...

И батька – Алексей Максимыч атаман Каледин – входит в город с победой... Первая победа над губителями родины была одержана. Первый шаг к порядку и спасению России – сделан удачно»⁹.

Вина Саянского перед новой властью не исчерпывалась романом. Согласно его послужному списку, с 15 мая по 20 августа 1912 г. он, тогда 20-летний хорунжий Иркутской казачьей сотни, находился в командировке «для усмирения рабочих золотых приисков на реке Лене». Непосредственно в Ленском расстреле Саянский не участвовал. Однако и службы в частях, обеспечивавших порядок на приисках, было вполне достаточно. Об этом факте его биографии не могло не знать ОГПУ: в 1914 г. Саянский опубликовал в журнале «Вестник русской кавалерии» соответствующий очерк¹⁰.

Эмигрировать штабс-капитан не мог: в 1917–1918 гг. он тяжело болел. Выбора у него не осталось: он был вынужден пойти на службу к новой власти. При большевиках бывший писатель стал журналистом: сотрудничал в «Гудке» (где познакомился и подружился с Михаилом Булгаковым), «Смехаче», «Чудаке», множестве газет. В 1930-е годы он – постоянный автор «Крокодила». Саянский не брезговал никакой работой: публиковал фельетоны и юмористические рассказы в «дешевых», общедоступных сериях – приложениях к журналам, был автором «книг для пионеров» и путеводителей по Сибири.

Почти все его советские тексты, в том числе и опубликованные в «Крокодиле» фельетоны, выглядят откровенной халтурой. На вопросы друзей и знакомых об отношении к нему со стороны властей Саянский отвечал: «А мне плевать, платят деньги – и ладно»¹¹.

Прошлое Саянского делало его весьма уязвимым для всякого рода политических провокаций. Очевидно, понимая грозившую мужу опасность, показания против Вольпина дала и жена журналиста, Евгения Саянская.

* * *

16 января 1934 г. Коллегия ОГПУ вынесла Вольпину приговор. На заседании Коллегии пункт о «террористических намерениях» был из обвинительного заключения вычеркнут; поэта осудили только за «антисоветскую агитацию».

Возможно, Вольпина просто пожалели – настоящим, убежденным террористом он явно не был. Но, скорее всего, в дело вмешалась политическая целесообразность: Вольпина оставляли в живых, превращая из «террориста» в обычного болтуна-литератора; разбирательство о пособниках «террориста» в советском журнале не

начинали. Членам редколлегии «Крокодила» давали возможность уйти без уголовного и партийного преследования.

21 марта 1934 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «считать содержание “Крокодила” и в особенности положение с личным составом литературных сотрудников “Крокодила” крайне неудовлетворительным. “Крокодил” передать “Правде”, обязав редакцию “Правды” повседневно улучшать содержание журнала». 29 марта это решение было утверждено Политбюро¹².

Редактором обновленного сатирического журнала был назначен Михаил Кольцов, член редколлегии «Правды».

* * *

Отбывать наказание Вольпина отправили в Ухтинско-Печерский исправительно-трудовой лагерь.

Трудно сказать, что происходило с Вольпиным в Ухтпечлаге. Он работал в лагерном клубе; те, кто видел его в лагере, отмечали его апатию и «равнодушие» к происходившим в Москве событиям. Отсидев три с половиной года, «по зачету рабочих дней» он вышел на свободу. «За нормальную работу меня выпустили в 37-м, когда только и начали всех по-настоящему “сажать”», – вспоминал он¹³.

В итоге лагерь «перековал» Вольпина. Вчерашний «хулиган», не желавший «идти на поклон» к «царю» и клявшийся, что никогда «не продаст» свое перо большевикам, освободившись, стал одним из весьма заметных пропагандистов советской власти.

Вольпин начал служить в «ансамбле песни и пляски» при клубе НКВД, писал – совместно с Эрдманом – сценарии знаменитых советских кинокартин. В 1947 г. он просил о снятии судимости, но получил отказ. Впрочем, это не помешало ему в 1951 г. стать лауреатом Сталинской премии.

Реабилитирован Михаил Давыдович Вольпин был 3 мая 1989 г.

* * *

Уголовное дело Вольпина хранится в Центральном архиве ФСБ Российской Федерации (Р-37840). Из этого дела публикуются следующие документы:

1. Все данные в ходе следствия показания по существу дела.
2. Обвинительное заключение.
3. Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ СССР.

Орфография и пунктуация приведены к современным нормам, сокращения (кроме общеупотребительных) раскрываются в квадратных скобках и сносках. К показаниям предложен минимальный комментарий. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, достаточно поясняемые в самих документах, не комментируются.

I. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА М.Д. ВОЛЬПИНА,
ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1933 г.¹⁴

ОГПУ
Отдел Особый

К делу № _____ уч.-регр.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1933 г. октября мес[яца] 28 дня. Я, уполномоченный III отд[еления] ОО ОГПУ¹⁵ Белостокский, допрашивал в качестве обвиняемого гражданина Вольпина Михаила Давыдовича, и на первоначально предложенные ему вопросы он показал:

1. Фамилия: Вольпин.
2. Имя и отчество Михаил Давыдович.
3. Возраст и год рождения: 1902 г.р.
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство): из мещан г. Могилева, отец – юрист, еврей, гр. СССР.
5. Местожительство (постоянное, последнее): г. Москва, Арбат, д. № 35, кв. 25.
6. Род занятий (последнее место службы и должность): в «Крокодиле» поэт-журналист.
7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время): Женат. Жена Люция Карловна Краузе¹⁶ – работает в бутафорской мастерской I МХАТ – проживает на ст. Перловке, Яузская аллея, д. А7. Отец Давид Самойлович Вольпин – живет в Москве, Арбат 34, кв. 5. Мать Анна Борисовна живет там же. Брат Марк Давыдович Вольпин, 36 лет – живет в Ленинграде, работает на заводе¹⁷.

Сестры: Любовь Давыдовна Вольпина, замужем за Татьевым Александром Борисовичем – живут в Москве, Хлебный пер., д. № 9, и Надежда Давыдовна Вольпина¹⁸ – переводчица.

8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников): ничего не имеет.

9. Образовательный ценз (первоначальное образование, средняя школа, высшая, специальная, где, когда и т. д.): незаконченное высшее (ВХУТЕМАС¹⁹).

10. Партийность и политические убеждения: беспартийный. Был членом комсомола с [19]21 по [19]25 или [19]26 год. Выбыл механически.

11. Где жил, служил и чем занимался:

а) до войны 1914 г.:

б) с 1914 г. до Февральской революции 1917 года:

в) где был, что делал в Февральскую революцию [19]17 г., принимал ли активное участие и в чем оно выразилось:

г) с Февральской революции [19]17 года до Октябрьской революции [19]17 г.:

д) где был, что делал в Октябрьскую революцию [19]17 г.:

е) с Октябрьской революции [19]17 г. по настоящий день:²⁰

12. Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее): был судим за хулиганство в 25 году, но оправдан по суду²¹.

13. Отношения допрашиваемого свидетеля к обвиняемому:

14. Отношение к военной службе:²²

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано.

Показания по существу дела: В Москве проживаю почти все годы. Отец мой по профессии юрист; в старое время был пом[ощником] присяжного поверенного в Москве, сейчас в коллегии защитников и служит юрисконсультom.

Помимо перечисленных в анкете родственников, в Москве проживают две тетки по линии матери: Зильберман Ольга Борисовна и Калецкая Вера Борисовна. В Ленинграде проживают мои двоюродные братья: Жислин Александр Львович – областной судья. Два брата Калецких: Григорий Исаакович – в Горьком работал инженером, а другой, Павел Исаакович, жил в Москве, имел отношение к литературе, не получил паспорта и уехал из Москвы²³.

Братья Фабриканты: Михаил Осипович, живет в Москве – кустарь, Александр Осипович – агроном-профессор, где живет, не знаю²⁴, третий брат Яков Осипович расстрелян по делу «35»²⁵. За

границей жил еще один брат, Владимир Фабрикант – бывший с[оциалист]-р[еволюционер], сподвижник Керенского, который умер в этом году²⁶.

В Москве имею следующих близких знакомых:

1. Ардов Виктор Ефимович – литератор²⁷;
2. Воскресенский Сергей Александрович – работает в ОГПУ²⁸;
3. Ардова Ирина Константиновна – б[ывшая] жена Ардова, работает в журнале;
4. Ильф Илья Арнольдович;
5. Петров Евгений Петрович;
6. Масс Владимир Захарович и его жена Наталья Львовна²⁹;
7. Бухов Аркадий Сергеевич³⁰;
8. Векова Анна Тимофеевна³¹;
9. Черемных Михаил Михайлович³² – художник;
10. Шапошникова Наталья Александровна – стенографистка;
11. Елисеев Константин Степанович³³ – художник;
12. Роскин Александр Осипович³⁴ – писатель.

Вообще у меня по Москве очень много знакомых, но перечисленные выше лица являются моими наиболее близкими знакомыми.

С Вековой Анной Тимофеевной я познакомился на квартире у Аркадия Бухова. Знаю, что она была в эмиграции, откуда вернулась, кажется, в 1927 г. Я с ней познакомился значительно позже, приблизительно в конце 1931 года. С Вековой встречался очень часто, одно время почти ежедневно. У меня с ней были интимные отношения. На политические темы я с Вековой никогда не беседовал. Последний раз видел ее несколько дней тому назад на квартире у Буховых.

С Шапошниковой Натальей Александровной знаком очень давно, но встречаюсь с ней эпизодически. Месяца три тому назад был у нее на вечеринке, где присутствовало много военных, фамилий коих не знаю. Помню только фамилию одного военного, которого видел несколько раз, с тремя ромбами. Фамилия его Шиловский³⁵. Векова Анна тоже была тогда на вечеринке. Я тогда очень много выпил, и что было на вечеринке, сейчас не помню. Помню только, что военные держали себя обособленно. После этой вечеринки я еще раз был у Шапошниковой³⁶, но кроме Шиловского других военных там не встречал.

Записано с моих слов верно, прочитано

Мих. Вольпин

II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ
М.Д. ВОЛЬПИНА,
ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1933 г.³⁷

Дополнительные показания
гр. Вольпина Михаила Давыдовича

28 октября 1933 года

По своим политическим убеждениям я являюсь сторонником советской власти. В то же время я часто допускал резкие выпады против отдельных явлений советской действительности. Выпады эти заключались в том, что я ругал партийное руководство искусством, неумение наладить торговлю, постановку газетного дела – внедрение скуки в газету.

Меня интересовал вопрос о еврейской жизни. Констатируя факт, что в Коммунистической партии много евреев в процентном отношении к населению, я объяснял это тем, что евреи являются наиболее живой нацией, которая дала много коммунистов и в то же время террористов как против царского, так и против советского режима. Мне казался очень странным поступок террориста Штерна³⁸, которого я считал идейным и непродажным человеком. Мне казалось странным, что он, человек, идущий на смерть, выбрал своей целью советника Германского посольства Твардовского и считал, что с его точки зрения должно быть целесообразнее бить непосредственно по советским деятелям.

Последнее время я находился в очень мрачном настроении вследствие личных семейных обстоятельств. Очень много пил, чего со мной раньше не бывало. Были случаи, когда после общей выпивки в кампании уходил в подвал, где продолжал пить один либо в компании совершенно незнакомых мне людей.

Записано с моих слов верно, прочитано

Вольпин

Допросил

Белостоцкий

III. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

М.Д. ВОЛЬПИНА,
ОТ 29 ОКТЯБРЯ 1933 г.³⁹

Дополнительные показания
гр. Вольпина Михаила Давыдовича

29 октября 1933 года

Признаю, что в беседах на политические темы мною бывали высказаны критические замечания, иногда носящие контрреволюционный характер, что объясняется излишней запальчивостью в спорах и желанием фрондировать.

Были случаи, когда в таких беседах на политические темы я допускал ругательства по адресу вождей партии и правительства. Но не в резкой степени. Вместе с тем заявляю, что в зачитанных мне показаниях есть сознательное искажение в некоторой части сказанных мною фраз и выражений, а в некоторой части сознательная выдумка.

Деталей моих разговоров на тему о террористических актах я не помню. Считаю возможным, что в беседах о террористах Штерна и Горгулове⁴⁰ я мог высказать мнение, что субъективно⁴¹ эти поступки – поступки людей геройского склада, но никоим образом не мог одобрить или восхищаться этими поступками. Возможно, что я высказывал мнение, что если бы я был бы на месте Штерна, т. е. контрреволюционером и террористом, то выбрал бы в качестве объекта покушения кого-нибудь из советских вождей, а не германского посланника.

Записано с моих слов верно, прочитано

Вольпин

Допросил

Белостоцкий

IV. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
СВИДЕТЕЛЯ Л.В. САЯНСКОГО,
ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1933 г.⁴²

ОГПУ

К делу № _____

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1933 г. октябрь мес[яца] 28 дня. Я, _____, допросил в качестве свидетеля гражданина Саянского Леонида Викторовича, и на первоначально предложенные вопросы он показал:

1. Фамилия: Саянский-Попов.
2. Имя и отчество: Леонид Викторович.
3. Возраст и год рождения: 1889 г[од] р[ождения].
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство): г. Иркутск, отец – офицер, русский, подд[анный] СССР⁴³.
5. Место жительства (постоянное и последнее): Москва, Б[ольшой] Кисловский [переулок], 4, кв[артира] 23.
6. Род занятий (последнее место службы и должность): литератор.
7. Семейное положение (перечислить близких родственников, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время): отец, 2 брата, 3 сестры, зять, мать – Поповы. Живут в Москве.
8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников): никакого имущества.
9. Образовательный ценз (первоначальное образование, средняя школа, высшая, специальная, где, когда и т. д.): не кончил гимназию, кончил училище военное в Иркутске в 1909 г.
10. Партийность: б[ес]п[артийный].
11. Сведения об общественной и революционной работе: работал с 1918 г. на массов[ой] работе.
12. Сведения о судимости, нахождении под следствием (до Октябрьск[ой] революции и после [н]ее): не был.
13. Категория воинского учета – запаса: начсостав высший, старший, средний, рядовой, переменник, одногодичник, тылоополченец: был сред[ний] комсостав, уволен по инвалидности в 1921 г.
14. Служба у белых: не был.
15. Показания по существу дела:
Вольпина Михаила Давыдовича знаю с 1929 г. Ему лет 30, сын богатой (буржуазн[ой]) еврейской семьи. Живут в Ленинграде. Дед был

лишен паспорта и получил лишь недавно. Привлекался как валютчик, имел неотмененную судимость и какое-то дело в Минске. Двоюродные братья Вольпина – братья Фабриканты (фамилия). Один был видный эс-эр, другой (кажется, Николай) не так давно расстрелян по какому-то вредительскому делу (рассказывал сам Вольпин).

Женат Вольпин недавно на дочери вредителя Кирпичникова⁴⁴. Однако временно он живет с Вековой и пользуется ее средствами (брал деньги). Вольпин был в комсомоле, но вышиблен в 1924 г., затем учился во ВХУТЕМАСЕ, но бросил. По профессии журналист, поэт и очень талантливый, но лодырь и хулиган как в жизни, так и в искусстве.

Зарабатывает довольно много: кутит, бывает на бегах, часто играет в карты у Ардова и Бухова. О прошлом говорит мало, но все разное, или сочиняет, или же – это прошлое очень пестрое. Живал в Крыму. В 1922 г. работал по линии АРА⁴⁵, объезжал Астраханск[ий] район с каким-то американцем. За границей у него, кажется, двоюродн[ый] брат Владимир Фабрикант (фамилия!), эс-эр. Вольпин человек неуравновешенный, неврастеник, способен на дикое хулиганство, на скандал.

По убеждениям: контрреволюционные. Убежденный противник советского строя; коммунизм считает утопией, нашу политику называет «грабительской», сочиняет и распространяет антисоветск[ие] анекдоты. Все мероприятия власти встречает издевкой. Одобряет террористов Штерна и Горгулова и в принципе террор.

28/VIII с[его] г[ода] на мою квартиру во время моей командировки пришли Вольпин и А.Т. Векова. Сидели у жены, пили чай. Вольпин жаловался на скуку жизни, что его затирают как поэта. Саянская спросила, почему бы не печататься ему в «Правде». На это Вольпин сказал, что если б его звали даже в «Правду», он бы не пошел, т. к. его убеждения не позволяют ему работать в партийном органе и что он свое перо большевикам никогда не продаст. Жаловался далее на скуку. Ему Векова и Саянская сказали: «ну изобретите что-нибудь, поезжайте куда-нибудь». На это Вольпин полусерьезно сказал:

– Куда там ехать... Нет, вот Сталина я бы убил⁴⁶.

Обе они испугались, просили не говорить громко и не болтать зря. Саянская сказала: «Разве в Сталине дело? И что вы докажете смертью одного человека?» И напомнила о Штерне, что он своим покушением ничего не сделал, как и Горгулов, и что вообще убийства недопустимы. На это Вольпин уже совершенно серьезно заявил, что «Штерн – это дурак, ударил не туда, куда следовало, т. к. мы (СССР) немцам нужны. А Горгулов сделал мировое дело,

спас эмиграцию, и перед ним он, Вольпин, снимает шляпу, ибо Горгулов войдет в историю как герой».

Об этом разговоре Саянская передала с испугом мне и просила избегать общества Вольпина, т. к., по ее мнению, Вольпин является опасным.

Для характеристики его к[онтр]р[еволюционных] убеждений, выявляемых в частных разговорах, привожу его выражения в беседе 10/X вечер[ом] на квартире у меня в присутствии А.С. Бухова.

Говорили на разные темы, причем во всех случаях Вольпин допускал выпады против власти и партии, например, тов. Кагановича называл: «это пошлый жид, дурак, из типа провинциальных учителей из Хедера⁴⁷» (по поводу того, что тов. Каганович давал нынче директивы для ред[акции] «Крокодила»⁴⁸). О народном образовании Вольпин заявлял, что «Бубнов⁴⁹ – это говнюк, унтер-офицер, но такой и нужен в рабской стране для коммунистическ[ого] общества». Выдвиженцев он называет «дефективные дураки». В разговоре о ценах на рынке Вольпин сказал, смеясь: «А вы знаете, почему мясо дешево? Помните, как наши дураки кричали в газетах, что хлебом мы обеспечены, а мяса не будет еще пять лет? А вышло наоборот – хлеба не было до лета, а мяса – сколько угодно».

На вопрос, почему это так, Вольпин ответил: «Потому что большевики махнули рукой на мясо и не трогали мужиков. Вот мясо и оказалось. А хлеб стали грабить, его и не было». И еще: «Как только они (большевики) за что схватятся со своими грязными руками, так сейчас все пропадет».

Он (Вольпин) убежден, что «все это временно, все ненадолго, все развалится и советский строй недолговечен». Но определенно-го кредо сам не имеет, плетет анархические фразы, перемешанные с мечтами о старой жизни, о «золотом рубле» и т. д.

В разговоре о возможности войны и заодно об нашей армии на слова Саянской, что в армии сейчас хорошо кормят и одевают, Вольпин заявил, что «все это напоказ под Москвой, а вообще армия ходит в опорках и питается скверно, я сам недавно отбывал и знаю»⁵⁰.

Это все его фразы за один вечер, в простой беседе, шедшей в очень мирных тонах, причем Вольпин будто нарочно возражал всему, что говорилось, с большим озлоблением. После разговора Бухова о писателе Слэзкине, обратившемся с письмом о помощи к тов. Сталину⁵¹, Вольпин сказал: «Слэзкин сволочь, третьесортный писатель, я бы задавился, а не обращался бы к Царю» (иронически называя т. Сталина «царем»).

Говоря о слабой уборке хлеба и овощей, Вольпин сказал: «Мне думается, что все вообще опустили руки и ни черта никто не хочет

делать. А все виновато лицемерие и очковтирательство, которое посеяли коммунисты». На слова Саянского, что если это так, то от политики очковтирательства страдают сами большевики, Вольпин сказал, что «а им не все равно, что все валится? Они это знают, но все равно выхода нет, все у них пропало, и они надеются, что кривая вывезет, что все-таки из миллиона дел хоть что-ниб[удь] да выйdet».

Вообще Вольпина за последнее время (за мес[яц]) отличает странная обозленность и нервность, с котор[ыми] он говорит о современности. Говоря о роли политотделов, он сказал: «Ничего из этого не выйdet; увидели дураки, что удачно вышло с колхозами, ну теперь и будут всюду политотделы заводить: и на жел[езных] дорогах, и в банях, и в домкомах. А т. к. честных партийцев всего 10 тысяч, то людей у большевиков не хватит, и через год политотделы превратятся в пустое место».

Больше по этому делу ничего показать не имею и свои показания собственноручно подписал.

Л. Саянский-Попов.

V. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ САЯНСКОЙ Е.А.,
ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1933 г.⁵²

ОГПУ

К делу № _____

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1933 г. октябрь мес[яца] 28 дня. Я, уполномоченный III отд[еления] ОО ОГПУ Белостоцкий, допросил в качестве свидетеля гражданку Саянскую Евгению Александровну, и на первоначально предложенные вопросы она показала:

1. Фамилия: Саянская.
2. Имя и отчество: Евгения Александровна.
3. Возраст и год рождения. 1891 г[од] р[ождения].
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство): из мещан б[ывшей] Гродненской губ[ернии], ст[анция] Кузнецк, еврейка, гр[ажданка] СССР.
5. Место жительства (постоянное и последнее) г. Москва, Б. Кисловский пер[еулок], д. 4, кв. 23.

6. Род занятий (последнее место службы и должность): дом[ашняя] х[озяйка].

7. Семейное положение (перечислить близких родственников, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время): замужем.

8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников): ничего не имеет.

9. Образовательный ценз (первоначальное образование, средняя школа, высшая, специальная, где, когда и т. д.): среднее.

10. Партийность: бесп[артийная].

11. Сведения об общественной и революционной работе:⁵³

12. Сведения о судимости, нахождении под следствием (до Октябрьск[ой] революции и после [н]ее): не судилась.

13. Категория воинского учета – запаса: начсостав высший, старший, средний, рядовой, переменник, одногодичник, тылоополченец:

14. Служба у белых:⁵⁴

15. Показания по существу дела:

Вольпина Михаила Давыдовича знаю года два-три как знакомого моего мужа Саянского Леонида Викторовича. Изредка он, Вольпин, заходил к нам на квартиру. Иногда Вольпин бывал у нас вместе с нашей общей знакомой Вековой Анной Тимофеевной. Лично я Вольпина знаю очень мало, так как имела с ним очень мало общего. О нем могу сказать, что он является человеком очень распущенным и в то же время чрезвычайно общительным и разговорчивым. Любит очень много болтать, причем под видом всяких острот с его стороны часто наблюдаются резкие выпады по адресу совласти.

В августе м[еся]це с[его] г[ода], не помню точно какого числа, незадолго перед отъездом моего мужа в командировку (два-три дня) к нам на квартиру пришел Вольпин Михаил. Когда он пришел, меня не было дома, так как я была в городе за покупками. Вернувшись из города, я застала у себя в квартире Вольпина и Векову, а также моего мужа. Придя домой, я попросила мужа пойти на кухню и кое-что сделать по хозяйству, а сама осталась в комнате с Вольпиным и Вековой. За то время, что муж отсутствовал, Вольпин затеял разговор о террористах, причем Штерна назвал дураком, а Горгулова героем и тут же заявил, что сам хотел бы быть героем и убить т. Сталина.

Я и Векова были очень напуганы таким разговором и просили Вольпина прекратить разговор на ту тему. Больше он этого разговора не возобновлял. После этого я решила Вольпина больше не

принимать у себя на квартире, считая его опасным человеком. Несколько раз я просила мужа, чтобы он перестал с ним иметь дело и не встречался бы с ним, но так как Вольпин и до последнего времени продолжал бывать у нас, то я, желая положить конец его посещениям, недавно поставила в известность мужа о высказанном Вольпиным намерении убить т. Сталина и категорически запретила мужу встречаться с ним и принимать его у себя.

После такого предупреждения мужу Вольпин больше у нас не был.

Записано с моих слов верно, прочитано Евгения Саянская

Допросил: Белостоцкий

VI. ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ МЕЖДУ Е.А. САЯНСКОЙ И М.Д. ВОЛЬПИНЫМ, ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1933 г.⁵⁵

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

1933 года октября 31 дня уполномоченный III отд[еления] ОО ОГПУ Белостокский производил очную ставку между гр. Саянской Евгенией Александровной и Вольпиным Михаилом Давыдовичем, которые, будучи предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний, на заданные им вопросы показали следующее:

Вопрос Саянской Е.А.: Знаете ли вы предъявленного Вам на очной ставке гр[ажданина] Вольпина Михаила и что вам известно о нем?

Ответ: Вольпина Михаила Давыдовича знаю года два-три как знакомого моего мужа Саянского Леонида Викторовича. Изредка он, Вольпин, бывал у нас вместе с нашей общей знакомой Вековой Анной Тимофеевной. Лично я Вольпина знаю очень мало и имела с ним очень мало общего. Характеризовать его могу как человека очень общительного и разговорчивого. Любит очень много болтать, причем под видом всяких острот с его стороны часто наблюдаются резкие выпады по адресу соввласти.

В августе м[еся]це с[его] г[ода], не помню точно какого числа, за несколько дней перед отъездом моего мужа в командировку в Астрахань, у нас на квартире был Вольпин Михаил. Когда он пришел, меня дома не было. Я была в то время в городе. Когда вернулась вечером домой, то застала Вольпина Михаила, Векову Анну и моего мужа. Я просила мужа пойти на кухню и сделать что-то по хозяйству. И вот за то время, что муж отсутствовал, Вольпин затеял разговор о террористах, назвал Штерна дураком, а Горгулова героем, причем заявил, что хотел бы сам быть героем и убить т. Сталина.

Я и Векова очень испугались и просили Вольпина прекратить разговор на эту тему, после чего он больше ничего не говорил.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Вы подтверждаете показания гр[ажданки] Саянской?

Ответ: Показания Саянской в таком виде отрицаю. Был ли такой разговор, не помню. Считаю вполне возможным, что, говоря о Штерне и Горгулове, я мог назвать их героями (субъективными) и заявить, что, будь я на месте Штерна (т.е. террористом и контрреволюционером), я бы стрелял в Сталина.

Вопрос гр[ажданке] Саянской: Вы утверждаете, что Вольпиным была произнесена такая фраза, что он хотел бы стать героем и убить т. Сталина?

Ответ: Насколько я помню, Вольпин сказал именно так, что хотел бы стать героем и убить тов. Сталина. Это я утверждаю.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Подтверждаете ли вы, что за несколько дней до отъезда Саянского в командировку вы были с Вековой на квартире у Саянского?

Ответ: Это я подтверждаю. Я тогда действительно был на квартире у Саянских.

Больше ничего к своим показаниям добавить не имеем. Протокол очной ставки нам зачитан полностью, записано с наших слов верно, в чем и расписываемся.

Евгения Саянская

Михаил Вольпин

Очную ставку производил:

Белостоцкий

VII. ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ
МЕЖДУ Л.В. САЯНСКИМ И М.Д. ВОЛЬПИНЫМ,
ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1933 г.⁵⁶

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

1933 года октября 31 дня уполномоченный III отд[еления] ОО ОГПУ Белостокский производил очную ставку между гр[ажданами] Саянским Леонидом Викторовичем и Вольпиным Михаилом Давыдовичем, которые, будучи предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний, на заданные им вопросы показали следующее:

Вопрос Саянскому Л.В.: Знаете ли вы предъявленного на очной ставке гр[аждани]на Вольпина Михаила и что вам известно о нем?

Ответ: Предъявленного мне на очной ставке гр[аждани]на Вольпина Михаила Давыдовича знаю несколько лет, примерно с 1929–30 года. Знаю, что он по профессии журналист, поэт, и на этой почве с ним встречался.

Насколько мне удалось заметить, за последнее время, т. е. в течение последних месяцев, он все время находился в крайне мрачном настроении.

На основании неоднократных встреч и бесед с Вольпиным должен констатировать, что он по своим политическим убеждениям является убежденным противником советского строя. В неоднократных беседах на политические темы Вольпин отмечал, что коммунизм считает утопией, а политику соввласти «грабительской». Все мероприятия власти встречает издевкой. Сочиняет и распространяет антисоветские анекдоты. Одобряет деятельность террористов Штерна и Горгулова и в принципе террор.

В 20-х числах августа с[его] г[ода], за несколько дней до моей командировки в Астрахань, у меня на квартире был Вольпин. Тогда же присутствовала моя жена и наша общая знакомая гр[ажданка] Векова Анна Тимофеевна. Вольпин тогда был навеселе и болтал очень много. Он всячески ругал советскую власть, говорил, что никогда не продаст свое перо большевикам и вообще не желает связываться с большевиками. Помню, что я в тот вечер вышел из комнаты на некоторое время по хозяйственным делам. Когда я вернулся в комнату, то обратил внимание, что женщины (Векова и моя жена) сидят молча в очень мрачном настроении. После ухода Вольпина и Вековой жена мне сообщила, что, когда я выходил из комнаты,

Вольпин, продолжая разговор о терроре, заявил, что он убил бы т. Сталина.

По словам жены, она и Векова очень испугались и просили Вольпина прекратить разговор на эту тему.

При встрече с Вольпиным мы с ним говорили на разные темы, причем во всех случаях Вольпин допускал выпады против соввласти и партии. Так, например, говорил, что «тов. Каганович – это пошлый жид и дурак из типа провинциальных учителей из хедера» (по поводу того, что т. Каганович давал директивы для редакции «Крокодила»). О народном образовании Вольпин заявил, что Бубнов – это «унтер-офицер, но такой и нужен в рабской стране для коммунистического общества». Выдвиженцев он называет «дефективные дураки». В разговоре о ценах на рынке Вольпин сказал, смеясь: «А вы знаете, почему мясо дешево? Помните, как наши дураки кричали в газетах, что хлебом мы обеспечены, а мяса не будет еще пять лет? А вышло наоборот – хлеба не было до лета, а мяса сколько угодно!» На вопрос, почему это так, Вольпин ответил: «Потому что большевики махнули рукой на мясо и не трогали мужиков. Вот мясо и оказалось. А вот хлеб стали грабить, его и не стало». «Как только они, большевики, за что схватятся своими грязными руками, так сейчас все пропадает».

Вольпин неоднократно высказывал, что «все это временно, все ненадолго, все развалится и советский строй недолговечен». Часто плел анархические фразы, перемешанные с мечтами о старой жизни и золотом рубле и т. п.

В разговоре о возможности войны и заодно об нашей армии на слова моей жены, что в армии сейчас кормят и одевают, Вольпин заявил, что «все это напоказ под Москвой, а вообще армия ходит в опорках и питается скверно, я сам недавно отбывал и знаю».

После разговора Бухова о писателе Слѣзкине, обратившемся с письмом о помощи к тов. Сталину, Вольпин сказал: «Слѣзкин – сволочь, третьесортный писатель, я бы задавился, а не обратился бы к царю» (иронически называя т. Сталина царем).

Говоря о слабой уборке хлеба и овощей, Вольпин сказал: «Мне думается, что все вообще опустили руки и ни черта никто не хочет делать. А все виновато лицемерие и очковтирательство, которое посеяли коммунисты». На мои слова, что если так, то от политики очковтирательства страдают сами большевики, Вольпин сказал, что «им не все равно, что все валится? Они это знают, но все равно выхода нет, все у них пропало, и они надеются, что кривая вывезет,

что из миллиона дел хоть что-нибудь, да выйдет». Говоря о роли политотделов, он заявлял, что ничего из этого не выйдет: «Увидели, дураки, что удачно вышло с колхозами, ну теперь и будут всюду политотделы заводиться: и на жел[езных] дорогах, и в банях, и в домкомах. А т. к. честных партийцев всего десять тысяч, то людей у большевиков не хватит, и через год политотделы превратятся в пустое место».

Выше я привел отдельные фразы Вольпина за один вечер, имевший место недавно. Запомнить все то, что говорил Вольпин, не представляется возможным. Я старался восстановить в памяти только те разговоры, которые имели место за последнее время.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Вы подтверждаете показания гр[ажданина] Саянского?

Ответ: Показания гр[ажданина] Саянского подтверждаю только в некоторой части, а именно: о ругательстве Кагановича за неправильную, с моей точки зрения, дачу директив по сатире; о лицемерии и очковтирательстве, о политотделах и о т. Сталине-царе. При этом должен оговориться, что в[о] фразе о т. Сталине я мог разуместь мещанское отношение к нему как [к] царю со стороны литераторов, осаждающих его домашними просьбами. Кагановича я ругал в более мягкой форме и только по поводу конкретных директив, данных им сатире.

В остальной части считаю, что мои фразы искажены тенденциозно до неузнаваемости. Что касается разговора о терроре на квартире у Саянского, то я этого не помню, т. е. такого разговора у Саянского не помню и считаю его невозможным. Разговор мой о политотделах тоже искажен. Я мог говорить о том, что, обрадовавшись успешной деятельности политотделов в деревне, большевики пожелали ввести их всюду. Для этого понадобилось бы слишком много людей (а в политотделах могут быть самые преданные и энергичные партийцы), и их не хватит. Разговор о лицемерии и очковтирательстве был, но не в такой форме, как изложен гр[ажданином] Саянским. Я не говорил о кривой и миллионах дел и не думал, что большевики внедряют очковтирательство сознательно.

Вопрос гр[ажданину] Саянскому: Подтверждаете ли вы показания о к[онтр]р[еволюционных] разговорах Вольпина, укажите тогда, где и в присутствии кого были эти разговоры?

Ответ: Подтверждаю свои показания полностью. Утверждаю, что все разговоры Вольпина мною приведены в точности. Особенно это касается тех разговоров, которые имели место недели две тому назад у меня на квартире, а именно: о Кагановиче, о лицемерии и очковтирательстве, о политотделах и т. п. Этот разговор две недели тому назад был у меня на квартире в присутствии Аркадия

Бухова и моей жены. Я мог только ошибиться в падежах, но основной смысл сказанных Вольпиным фраз мною изложен в точности.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Сейчас, после того что гр[ажданин] Саянский уточнил свои показания указанием, когда, где и в присутствии кого вы вели к[онтр]р[еволюционные] разговоры, вы можете добавить что-нибудь к в[ашим] показаниям?

Ответ: Больше ничего не могу добавить к своим показаниям.

Вопрос гр[ажданину] Вольпину: Вы подтверждаете, что разговор о политотделах, о т. Кагановиче, о лицемерии и очковтирательстве и о Слёзкине был недели две тому назад на квартире у Саянского в присутствии Бухова Аркадия?

Ответ: Две недели тому назад я действительно был на квартире у Саянского. Могу сказать точнее, около 13 октября. Был ли тогда Бухов, я не помню. Какие тогда были разговоры, я не помню. Разговоры о политике безусловно были.

Больше ничего добавить к своим показаниям не имеем; показания записаны с наших слов верно, прочитаны нам, в чем и расписываемся.

Л. Саянский

Мих. Вольпин

Очную ставку производил:

Белостоцкий

VIII. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ М.Д. ВОЛЬПИНА, ОТ 1 НОЯБРЯ 1933 г.⁵⁷

Дополнительные показания
гр[ажданина] Вольпина Михаила Давыдовича

1 ноября 1933 года

В результате допросов и очных ставок я еще раз внимательно продумал свое отношение к Советской власти и пришел к выводу, что за последние годы из вполне советского человека я превратился в колеблющегося и уже не вполне советского человека.

Я сомневался в полезности целого ряда советских мероприятий: я нападал в резкой форме на систему широкого применения политотделов, считая, что невозможно заставить всех работать под наблюдением партийцев (не хватит талантливых и честных партийцев). Я плохо верил в осуществимость целого ряда плановых

заданий (план, казалось мне, слишком динамичный, а потому требует слишком больших жертв). Я ругал отдельных вождей за их непонимание задач советского искусства, считал, что необходимо дать отдушину для чисто лирических и беспартийных настроений, считал, что сатира у нас чересчур казенная и приобрела стенгазетные масштабы. Часто передо мной вставал вопрос: стоит ли вообще построение коммунизма тех жертв, которые приходится приносить? Меня раздражало так называемое мною «умиленчество» целого ряда моих товарищей, и в споре с ними я произносил очень и очень резкие фразы.

Наряду с этим мне вообще нравилась роль фрондирующего и все осуждающего человека. Однако должен сказать, что никаких террористических настроений у меня никогда не было. Наоборот, мне случалось в разговорах с товарищами провозглашать почти толстовские, непротивленческие теории. Я говорил о том, что всякая идея, будь она даже сверхвегетарианской, если такую идею начать проповедовать, потребует жертв и крови (христианство, расстрелы за исповедование толстовских идей в царской армии, в то время как сам Толстой жил помещиком).

Теперь мне необходимо объяснить, почему я себя все-таки называю почти советским человеком. Это потому, что все вышеизложенное не было моими окончательными убеждениями, а лишь отрывочными мыслями, наряду с которыми я ясно понимал, что в настоящее время приходится выбирать между фашизмом и коммунизмом, и готов был защищать последний.

Переходя к вопросу о том, откуда у меня появились все эти колебания и антисоветские мысли, отвечаю: причин тут чрезвычайно много: тут и голод на Украине, и скука, и казенный тон нашего искусства, тут и колоссальная волна очковтирательства, приспособленчества и карьеризма, и личные мои неудачи, располагающие к пессимизму.

Должен добавить, что мною действительно велись разговоры о террористах Горгулове и Штерне, причем я, отдавая должное их личной храбрости, считал, что Штерн, убив⁵⁸ немецкого посланника, все равно бы ничего не достиг, и с его точки зрения, т. е. с точки зрения законченного врага Советов, выстрел в Сталина был бы более осмысленным⁵⁹. Сам же я считаю, что роль вождей в революции ограничена. Объясняю, что называю я личными неудачами: после четырехлетнего ухаживания я женился на очень любимой девушке, но брак не ладился отчасти из-за жилищных условий, отчасти по другим причинам. Кроме того, у меня была любовница, с которой мне трудно было порвать. Также огорчала меня неудача с

начатой мною пьесой, которая не вытанцовывалась и на которую я возлагал очень большие надежды.

В результате этой неудачи я оказался должен театру Сатиры и Всероскомдраму⁶⁰ 2300 руб[лей], что сильно отразилось на моем материальном положении.

Написано мною собственноручно. Зачеркнутому не верить, надписанному «убив», «бы», «осмысленным» верить.

Мих. Вольпин.

Допросил:

Белостоцкий.

IX. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ М.Д. ВОЛЬПИНА, ОТ 2 НОЯБРЯ 1933 г.⁶¹

Дополнительные показания
гр[аждани]на Вольпина Михаила Давыдовича

2 ноября 1933 года

Политических басен я никогда не писал. Помню только эту частушку, которую я сочинил приблизительно в 1923 году. Эту частушку я помню наизусть и могу ее привести полностью: «Скоро будет выдача снимков Льва Давидовича. Будут вешать вновь его и снимать Зиновьева»⁶². Возможно, что были и другие частушки, но содержания их сейчас не помню⁶³.

О политических баснях Эрдмана и Масса я знал и часто слышал на квартире у Масса и во многих других местах. Содержания всех басен не помню. Запомнил только следующие: о градуснике, о липе, о рояле, о евнухе⁶⁴. Больше сейчас не помню. Слышал их очень много, значительно больше, чем указал, но сейчас не помню всех. Признаю, что содержание этих политических басен – контрреволюционное. Помню, что я где-то высказывал свою мысль по поводу к[онтр]р[еволюционного] содержания этих басен, что в сумме они дают опасный букет. Лично я никогда не помогал Эрдману и Массу в сочинении басен. По просьбе отдельных лиц я зачитывал отдельные выдержки из политических басен Эрдмана и Масс[а]. Должен отметить, что большинство басен мне нравились.

В писательских политических группировках я никогда не состоял и о существовании таковых мне не известно.

Записано с моих слов верно, прочитано.

Мих. Вольпин

Х. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ М.Д. ВОЛЬПИНА, ОТ 15 НОЯБРЯ 1933 г.⁶⁵

Дополнительные показания
гр[ажданина] Вольпина Михаила Давыдовича

15 ноября 1933 года

Антисоветские настроения, сложившиеся у меня и резко выжившие за последний год, являются следствием как общественных, так и личных причин.

Общественные причины нижеследующие. Голод на Украине, плохое снабжение ширпотребом, цензурные условия, ряд жестких мер со стороны правительства по отношению к врагам революции, необходимость которых я понимал, но примириться не мог. Что касается личных причин, то сюда следует отнести: ссору с женой, отвратительные жилищные условия, творческая неудача с пьесой. Пьянки и плохая среда людей не советских способствовали выявлению этих настроений.

Мои антисоветские настроения за последний год выразились в антисоветских разговорах, нападках на отдельных вождей, в стремлении отмечать только дурные стороны нашей советской действительности.

Всю вредность этих антисоветских настроений я осознал после ареста, за время моего пребывания под стражей, а на воле считал себя советским человеком, занимающимся здоровой самокритикой.

В части разговоров о терроре подтверждаю своим предыдущие показания, т. е. что мною действительно велись разговоры о террористах Штерне и Горгулове, причем я, отдавая должное их личной храбрости, считал, что Штерн, убив немецкого посланника, все равно ничего бы не достиг, и с его точки зрения, т. е. с точки зрения законченного врага Советов, выстрел в т. Сталина был бы более осмысленным. Общий же смысл этих разговоров всегда сводился к тому, что я террор как метод осуждал.

Писательская среда, в которой я вращался и среди которой я вел антисоветские разговоры, безусловно является не советской средой. Среди людей, с которыми я встречался, были даже такие, которые хотя внешне и старались показать себя советскими людьми, но в душе безусловно были настроены против советской власти. Таковы были мои впечатления, не подтвержденные никакими фактами. Это, конечно, не относится ко всем моим литературным знакомым, среди которых имелись люди вполне советские.

Лично я политических басен никогда не писал. Помню только одну частушку, которую я сочинил приблизительно в 1923 году. Содержание этой частушки приблизительно следующее: «Скоро будет выдача снимков Льва Давидовича. Будут вешать вновь его и снимать Зиновьева». Возможно, что были и другие частушки, но содержание их сейчас не помню.

О политических баснях Эрдмана и Масс я знал и часто слышал их на квартире Массы и во многих других местах. Содержание всех басен не помню. Содержание этих политических басен – контрреволюционное. Помню, что я где-то высказал мысль по поводу к[онтр]р[еволюционного] содержания этих басен, что в сумме они дают опасный букет. По просьбе отдельных лиц я зачитывал отдельные выдержки из политических басен Эрдмана и Масс[а]. В сочинении басен лично я никогда Эрдману и Масс[у] не помогал. Отношения с ними у меня были дружеские.

Относительно политических настроений Эрдмана и Масс[а] могу сказать следующее. Масс, на мой взгляд, является советским человеком. Что же касается Эрдмана, хотя я считаю его советским человеком, но он иногда допускал нападки на советскую власть.

Записано с моих слов верно, прочитано.

Мих. Вольпин

ХІ. ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДЕЛУ М.Д. ВОЛЬПИНА, без даты⁶⁶

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 2813 по обвинению гр[ажданина] Вольпина Михаила Давыдовича в прест[уплениях], предусм[отренных] ст[атьей] 58/8 и 10 У[головного] К[одекса РСФСР]⁶⁷

Особым Отделом ОГПУ было установлено, что проживающий в Москве поэт Вольпин Михаил Давыдович настроен антисоветски, ведет к[онтр]р[еволюционные] разговоры, всячески ругает сов[етское] правительство и его вождей и проявляет террористические тенденции.

На основании изложенных данных гр[ажданин] Вольпин М.Д. был арестован 27 октября с[его] г[ода] и привлечен к следствию в качестве обвиняемого.

Допрошенный в качестве свидетеля гр[ажданин] Попов-Саянский Л.В. показал:

«Вольпина М.Д. знаю с [19]29–[19]30 г., происходит из буржуазной семьи. Двоюродные братья Вольпина – Фабриканты: один недавно расстрелян за вредительство, а другой видный с[оциалист-]р[еволюционер] в Германии.

По своим политическим убеждениям Вольпин убежденный к[онтр]р[еволюционер] и противник сов[етского] строя. Коммунизм считает «утопией» и нашу политику называет «грабительской». Сочиняет и распространяет а[нти]с[оветские] анекдоты. Все мероприятия Соввласти встречает издевкой.

Одобряет террористов Штерна и Горгулова и в принципе террор. В августе м[еся]це с[его] г[ода], будучи у меня на квартире в моем отсутствии, жаловался моей жене, что его затирают, что его полит[ические] убеждения не позволяют ему печататься в «Правде», что он свое перо большевикам никогда не продаст и т. д. На предложение моей жены поехать куда-нибудь Вольпин заявил: «Куда там ехать... Нет, вот Сталина я бы убил»».

Допрошенная по настоящему делу Саянская Е.А. показала:

«Вольпина М.Д. знаю как знакомого мужа года два-три. Он любит очень много болтать, причем под видом всяких острот с его стороны часто наблюдаются резкие выпады против Соввласти.

В августе м[еся]це с[его] г[ода], будучи у нас на квартире в отсутствии мужа, Вольпин затеял разговор о террористах, при чем Штерна называл дураком, а Горгулова героем и тут же заявил, что он хотел бы сам быть героем и убить т. Сталина»

Привлеченный по настоящему делу гр[ажданин] Вольпин М.Д. сначала отрицал предъявленные ему обвинения и только после очных ставок с Саянскими сознался, что он действительно был а[нти]с[оветски] настроен, вел к[онтр]р[еволюционные] и террористические разговоры. По существу предъявленного обвинения Вольпин дал следующие показания:

«Антисоветские настроения, сложившиеся у меня и резко выявившиеся за последний год, являются следствием как общественных, так и личных причин.

Мои а[нти]с[оветские] настроения за последний год выразились в а[нти]с[оветских] разговорах, нападках на отдельных во-

ждей и в стремлении отмечать только дурные стороны советской действительности. Всю вредность этих а[н]ти[с]о[в]етских настроений я осознал...

<...> Мною действительно велись разговоры о террористах Штерне и Горгулове, причем я отдавал должное их личной храбрости и считал, что Штерн убийством немецкого посланника ничего бы не достиг, и с его точки зрения – законченного врага Советов, выстрел в т. Сталина был бы более осмысленным...»

На основании вышеизложенного, считая предъявленное гр[аж]данину] Вольпину М.Д. обвинение следствием доказанным,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Настоящее дело за № 2813 по обвинению гр[аж]дани]на Вольпина Михаила Давыдовича, 1902 г[ода] р[о]ждения], происходящего из мещан г. Могилева, со средним образованием, по профессии – поэт, б[ес]п[артийного], не судившегося, гр[аж]дани]на СССР – в преступлении, предус[от]ренном] ст. 58/8⁶⁸ и 10 У[головного] К[о]декса], представить на судебное рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ⁶⁹.

Уполномоченный

Белостоцкий

«Согласен»

Пом[ощник] нач[альника]
3 отд[еления] ОО ОГПУ

Лацис

«Утверждаю»

Нач[альник] 3 отд[еления]
ОО ОГПУ

Алехин.

СПРАВКА: Вещдоказательств по делу нет. Обвиняемый Вольпин Михаил Давыдович содержится под стражей с 27/X-33 г. во внутреннем изоляторе ОГПУ.

Уполномоченный

Белостоцкий

« » декабря 1933 г.

XII. ПРИГОВОР ВОЛЬПИНУ М.Д.,
ОТ 16 ЯНВАРЯ 1934 г.⁷⁰

Выписка из протокола
Заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от «16» января 1934 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>8. Дело № 2813 по обв[ине- нию] гр[ажданина] Вольпина Михаила Давыдовича, из ме- щан, по 58/10 ст. УК. (дело рассм[отрено] в пор[ядке] постан[овления] През[идиума] ЦИК СССР от 9/6-[19]27 г.⁷¹)</p>	<p>Вольпина Михаила Да- выдовича – заключить в ис- прав[ительно-]труд[овой] ла- герь сроком на пять лет, сч[и- тать] срок с 27/X – [19]33 г. Дело сдать в архив.</p>

Секретарь коллегии ОГПУ

Буланов

Примечания

- ¹ См. об этом: От Коллегии ОГПУ // Правда. 1933. 12 марта. № 70. С. 2.
- ² Из воспоминаний М.Д. Вольпина: (Запись беседы М. Игнатьевой) // Эрдман Н.Р. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1990. С. 454–455.
- ³ Письмо заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды И.В. Сталину о сатирических баснях Н.Р. Эрдмана, В.З. Масса и М.Д. Вольпина от 9 июля 1933 г. // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1999. С. 202–203.
- ⁴ Цит. по: *Berelowitch A. Les écrivains vus par l'OGPU // Revue des études slaves. P., 2001. T. 73. Fas. 4: La littérature soviétique aujourd'hui. P. 634.*
- ⁵ Письма. Николай Эрдман. Ангелина Степанова / Предисл. и коммент. В.Я. Вульффа. М.: Иван-Пресс, 1995. С. 80–81.
- ⁶ См. эти тексты: *Масс А.В. Озорные басни и др.: Из истории сатиры 30-х годов // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 255–260; Басни и сатиры / Публ. Г.С. Файмана; при уч. В.П. Гусаченко и В.К. Виноградова // Независимая газета. 1996. № 246. 31 дек. С. 12; «Указанных литераторов следовало бы арестовать...» // Источник. 1998. № 2. С. 155–160.*

- ⁷ См. об этом подробнее: *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Из истории советской журналистики 1930-х годов: «Дело сатириков» и журнал «Крокодил» // Россия XXI. 2015. № 2. С. 64–99.
- ⁸ Послужной список Попова Л.В. см.: РГВИА. Ф. 409. Оп 1. Д. 103929. П/с 51-564. 1916 г. Л. 1–10.
- ⁹ *Саянский Л.В.* Человек без имени. М.: Воля, [б. г.]. С. 93, 173–174.
- ¹⁰ *Саянский Л.В.* Поход иркутских казаков в 1912 году от Иркутска до села Усть-Кута: Отр[ывки] воспоминаний участника // Вестник русской конницы. 1914. № 11/12. С. 449–465.
- ¹¹ Из материалов уголовного дела Аркадия Бухова (1937 год) // Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики: Портреты и скандалы. М.: Форум, 2015. С. 389.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 559. Л. 5. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 21 марта 1934 г.; Оп. 3. Д. 942. Л. 21. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 марта 1934 г.
- ¹³ *Раевский С.П.* Пять веков Раевских. М.: Вагриус, 2005. С. 493–494; Из воспоминаний М.Д. Вольпина. С. 455.
- ¹⁴ Протокол написан на бланке рукою следователя Белостоцкого, подписан Вольпиным собственноручно.
- ¹⁵ *ОО ОГПУ* – Особый Отдел ОГПУ, специальное контрразведывательное подразделение, в зону ответственности которого входили, в частности, дела по шпионажу на территории СССР и заграничная «белогвардейская контрреволюция».
- ¹⁶ Жена Вольпина *Люция Карловна Краузе* (р. 1912) вскоре развелась с ним, но дружеские связи между бывшими супругами сохранялись всю жизнь; впоследствии она стала художником промышленного фарфора, скульптором, членом Союза художников СССР.
- ¹⁷ *Вольпин Марк Давыдович* (1897–1937) – в 1930-х годах инженер завода «Электросила» в Ленинграде; расстрелян.
- ¹⁸ *Вольпина (Вольпин) Надежда Давыдовна* (1900–1998) – переводчица и поэтесса; в 1924 г. родила сына от С.А. Есенина.
- ¹⁹ *ВХУТЕМАС* – Высшие художественно-технические мастерские (1920–1926).
- ²⁰ Пункт 11 с подпунктами не заполнен.
- ²¹ По словам самого Вольпина, его арестовали в августе 1927 г. в Алуште за то, что он «обругал матерно» пристававшую к нему и его друзьям пьяную компанию (См.: РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 322. Л. 1–1 об.). По суду Вольпин был оправдан.
- ²² Пункты 13 и 14 не заполнены.
- ²³ *Калецкий Павел Исаакович* (1906–1942) – литературовед и историк литературы, в 1933 г. выслан из Москвы в Воронеж, в 1935 г. переехал в Ленинград. Погиб во время блокады.
- ²⁴ *Фабрикант Александр Осипович* (1881–1963) – агроном, в 1920-х годах – профессор Московской сельскохозяйственной академии, в 1930–1940-х годах неоднократно арестовывался органами НКВД за «вредительскую деятельность».

- ²⁵ Далее одно слово неразборчиво. *Фабрикант Яков Осипович* (1886–1933) – агроном, в начале 1930-х годов – заместитель директора Всесоюзного института механизации сельского хозяйства; расстрелян в марте 1933 г. По этому делу, делу о «заговоре в сельском хозяйстве», спровоцировавшему голод на Украине, было казнено 35 человек.
- ²⁶ *Фабрикант Владимир Осипович* (ум. 1933) – член Боевой организации эсеров, был близок к Б.В. Савинкову, в 1918 г. помог А.Ф. Керенскому бежать из России, впоследствии эмигрировал сам; умер в Париже.
- ²⁷ *Ардов Виктор Ефимович* (1900–1976) – писатель-сатирик и журналист, в начале 1930-х годов фельетонист «Крокодила».
- ²⁸ Слово «Александрович» написано сверху, взамен зачеркнутого «Петрович».
- ²⁹ Слово «Захарович» вписано сверху, взамен зачеркнутого «Михайлович».
- ³⁰ *Бухов Аркадий Сергеевич* (1889–1937) – журналист, писатель-сатирик, в 1927 г. вернулся в СССР из эмиграции, с 1928 г. – секретный сотрудник ОГПУ-НКВД, в первой половине 1930-х годов фельетонист «Крокодила»; расстрелян.
- ³¹ *Векова (Большакова-Векова) Анна Тимофеевна* (1899 – после 1956) – эмигрантка, вернувшаяся в 1927 г. в СССР, в первом браке замужем за оперным певцом Н.Д. Вековым, оставшимся за границей, после ареста Вольпина вышла замуж за писателя К.А. Большакова, арестованного в сентябре 1936 г. и расстрелянного в апреле 1938 г. Арестована в марте 1938 г., последующие 16 лет (с небольшими перерывами) провела в тюрьмах, лагерях и ссылках.
- ³² *Черемных Михаил Михайлович* (1890–1962) – художник-график и карикатурист, в начале 1930-х годов – сотрудник «Крокодила».
- ³³ В тексте было ошибочно: «Сергеевич». *Елисеев Константин Степанович* (1890–1968) – советский художник-график и карикатурист, художник театра и кино, в начале 1930-х годов – сотрудник «Крокодила».
- ³⁴ *Роскин Александр Осипович* (1898–1941) – писатель и критик.
- ³⁵ Очевидно, имеется в виду *Шиловский Евгений Александрович* (1889–1952) – в начале 1930-х годов начальник штаба Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского; был тесно связан с московскими литературными кругами, второй муж Е.С. Булгаковой.
- ³⁶ В тексте было ошибочно: «Шиловской».
- ³⁷ Написано рукой следователя Белостоцкого, подписано им и Вольпиным собственноручно.
- ³⁸ *Иуда Миронович Штерн* (1904–1932) в марте 1932 г. в Москве стрелял по машине советника германского посольства фон Твардовского и легко ранил его; расстрелян. Согласно советским пропагандистским установкам, Штерн добивался начала войны между СССР и Германией и поражения СССР в этой войне.
- ³⁹ Написано рукой следователя Белостоцкого, подписано им и Вольпиным собственноручно.
- ⁴⁰ Русский эмигрант *Павел Тимофеевич Горгулов* (1895–1932) застрелил в мае 1932 г. в Париже президента Франции Поля Думера; гильотинирован. Согласно

советским пропагандистским установкам, Горгулов действовал по заданию белой эмиграции, недовольной сближением Франции и СССР.

⁴¹ Подчеркнуто в тексте.

⁴² Протокол написан на бланке рукой Саянского, им же собственноручно подписан.

⁴³ Отцом Л.В. Саянского был *Виктор Лукич Попов* (р. 1864–?) – офицер царской армии, ученый-этнограф, военный писатель, служивший в русской миссии в Китае и возглавлявший торговую экспедицию в Монголию, участник Первой мировой войны. В 1919 г. служил в войсках адмирала А.В. Колчака, попал в плен к красным и перешел к ним на службу. С 1920 г. преподавал в Военной академии РККА.

⁴⁴ Приемным отцом Л.К. Краузе был *Виктор Дмитриевич Кирпичников* (1881–1937), инженер, в 1930 г. арестованный, приговоренный к 10-летнему заключению в исправительно-трудовом лагере; в 1933 г. приговор был отменен. В 1937 г. вновь арестован, расстрелян. Его жена, мать Л.К. Краузе, умерла в 1930 г. после первого ареста мужа.

⁴⁵ АРА – Американская администрация помощи (American Relief Administration, ARA), общественная организация, тесно связанная с правительством США, занималась оказанием помощи пострадавшим от голода районам СССР; подозревалась советскими властями в пропаганде «антисоветских» идей.

⁴⁶ Подчеркнуто Саянским.

⁴⁷ *Хедер* – начальная религиозная еврейская школа.

⁴⁸ С осени 1933 г. «Крокодил» подвергался жесткой критике властей; в марте 1934 г. редактор «Крокодила» был смещен, редколлегия обновлена, а журнал стал издаваться при газете «Правда».

⁴⁹ *Бубнов Андрей Сергеевич* (1884–1938) – в 1929–1937 гг. народный комиссар просвещения СССР; расстрелян.

⁵⁰ В 1928–1929 гг. Вольпин проходил срочную службу в команде одногодичников 40-го арtdивизиона, дислоцировавшегося в Детском селе под Ленинградом.

⁵¹ *Слѣзкин Юрий Львович* (1885–1947) – писатель; в письме к Сталину просил снять негласный запрет на публикацию его произведений.

⁵² Протокол написан на бланке рукой следователя Белостокского, подписан им и Саянской собственноручно.

⁵³ Пункт 11 не заполнен.

⁵⁴ Пункты 13 и 14 не заполнены.

⁵⁵ Протокол написан почерком следователя Белостокского, подписан им, Саянской и Вольпиным собственноручно. Саянской и Вольпиным подписан также каждый лист очной ставки.

⁵⁶ Протокол написан почерком следователя Белостокского, подписан им, Саянским и Вольпиным собственноручно. Саянским и Вольпиным подписан также каждый лист очной ставки.

⁵⁷ Написано Вольпиным собственноручно, подписано им и следователем Белостокским собственноручно. Заглавие документа – рукой следователя.

- 58 Слово «убив» вписано Вольпиным над строкой, взамен зачеркнутого слова «стреляя».
- 59 Слова «бы» и «осмысленным» вписаны Вольпиным над строкой, взамен зачеркнутого слова «произвел».
- 60 *Всероскомдрам* – Всероссийское общество драматургов и композиторов.
- 61 Написано рукой следователя Белостоцкого, подписано Вольпиным собственноручно.
- 62 Скорее всего, эта эпиграмма написана не ранее 1925 г., времени обострения борьбы между Л.Д. Троцким и «триумvirатом» в составе И.В. Сталина, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева.
- 63 В июле 1936 г. за публичное чтение эпиграммы Вольпина: «Рукой всевильного сатрапа / Не стало РАППа / Не радуйтесь! Хоть умер РАПП / Но жив сатрап...» был осужден на три года лишения свободы в исправительно-трудовом лагере журналист, сотрудник «Крокодила» М.А. Глушков (см. об этом: *Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской журналистики. С. 295–301*).
- 64 Имеются в виду нелегально распространявшиеся басни Н.Р. Эрдмана и В.З. Масса «В одном термометре раз закипела ртуть...», «Один бочар, лирического типа...», «Муки творчества» («Мы обновляем быт...»), «Однажды наклонилась близко...».
- 65 Написано рукой следователя Белостоцкого, подписано Вольпиным собственноручно.
- 66 Машинопись; подписана должностными лицами ОГПУ собственноручно.
- 67 8-й подпункт 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР предполагал наказание вплоть до расстрела за подготовку и/или осуществление террористических актов против представителей власти; 10-й подпункт той же статьи предусматривал лишение свободы за «пропаганду или агитацию», направленную на свержение или ослабление советской власти.
- 68 Цифры 58-8 зачеркнуты в тексте карандашом.
- 69 *Особое совещание при Коллегии ОГПУ* – внесудебный орган, имевший право рассматривать уголовные дела по обвинениям в «контрреволюционных преступлениях» и выносить по ним приговоры сроком до трех лет. Уголовные дела, по которым предусматривались большие сроки наказания, рассматривались Коллегией ОГПУ.
- 70 Машинописная копия с факсимильной подписью секретаря Коллегии ОГПУ П.П. Буланова и печатью ОГПУ.
- 71 7 июля 1927 г. в Варшаве был убит советский дипломат П.Л. Войков. Спустя два дня Президиум ЦИК СССР предоставил Коллегии ОГПУ право выносить за «контрреволюционные преступления» приговоры вплоть до расстрельных.

Ю.Г. Бит-Юнан, А.С. Митюшова

МЕЖДУ «НОВЫМ МИРОМ» И «ПОСЕВОМ»: К СУДЬБЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е.С. ГИНЗБУРГ И В.С. ГРОССМАНА

Авторы публикации восстанавливают историю рассмотрения рукописи «хроники» Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» в советских журналах «Новый мир» и «Юность». Выдвигается предположение, что одной из главных причин отказа печатать это произведение стало то обстоятельство, что оно попал в «самиздат», а оттуда – в подпольно изданный альманах «Феникс 1967» и впоследствии в эмигрантские журналы «Посев» и «Грани». Дополнительным аргументом против публикации «хроники» было то, что Гинзбург могла быть привлечена к уголовной ответственности в связи с началом процесса против А.Д. Синявского, Ю.М. Даниэля и связанных с ними лиц. Исследователи также сравнивают историю публикации мемуаров Гинзбург с аналогичной историей публикации романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба». Это позволяет им утверждать, что в 1960-х годах в советской системе формировались различные механизмы отчуждения литературного произведения от автора.

Ключевые слова: Е.С. Гинзбург, В.С. Гроссман, А.Т. Твардовский, Б.Н. Полевой, В.П. Аксёнов, «Новый мир», «Юность», «Посев», «Грани», А.Д. Синявский, Ю.М. Даниэль.

Имя советского журналиста и прозаика Е.С. Гинзбург предсказуемо ассоциируется с мемуарами «Крутой маршрут». Впервые они публиковались за границей с 1967 г., а в СССР – два десятилетия спустя¹.

Критики повсеместно отдавали должное таланту и мастерству автора. Однако ни разу не ставился вопрос о причинах, в силу которых «Крутой маршрут» так и остался единственным сочинением писательницы.

Ни история создания книги, ни история публикации до сих пор не изучены. Литературоведы обычно лишь воспроизводят сказан-

ное автором в эпилоге или анализируют исторический контекст книги и ее проблематику². Данная статья – попытка устранить лакуны.

* * *

Арест в 1937 г. стал, что называется, переломным событием в жизни Гинзбург. Затем – лагерь, поселение в Магадане. Реабилитирована в 1955 г. По ее словам, «запомнить, чтобы потом написать! – было основной целью моей жизни в течение всех восемнадцати лет. Сбор материала для этой книги начался с того самого момента, когда я переступила порог Казанской внутренней тюрьмы НКВД»³.

В 1959 г. началась работа над «хроникой». Согласно Гинзбург, не прошло и трех лет, как она «стала автором объемистой рукописи примерно в 400 машинописных страниц».

Изначально рукопись получила заглавие «Под сенью Люциферова крыла». Но, по словам Гинзбург, была позже сожжена. Причина определена невнятно: «Я еще и еще раз перечитала свой первый вариант, битком набитый стихами и эмоциями, и поняла, что это еще не книга, а только материалы к ней».

Уместно предположить, что причина была политической. Автор считал первую редакцию книги направленной против советского режима в целом, однако «Новый мир» опубликовал повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», о продолжении десталинизации рассуждал и Н.С. Хрущев на XXII съезде партии. Потому ситуация уже не воспринималась как однозначно пессимистическая.

Соответственно, Гинзбург для начала заменила эпиграф к «хронике». Новый, по ее словам, перемещал «центр тяжести в область конкретной борьбы с наследием Сталина. А когда наступил конец моим многолетним квартирным мытарствам и я получила кооперативную однокомнатную квартиру, я сожгла старую папку, которую столько лет прятала и перепрятывала в коммунальных условиях».

Впрочем, о политической направленности книги «Под сенью Люциферова крыла» сейчас можно только спорить. Новая редакция была закончена в январе 1963 г., после чего Гинзбург отправила письмо А.Т. Твардовскому, где автор просил ознакомиться с сочинением: «Вопрос мой к Вам заключается в следующем. Я не писатель, но я преподаватель литературы и журналист, и поэтому я не могла не обращаться к карандашу на разных этапах моего кругового маршрута. После реабилитации я привела эти записи в относительный порядок»⁴.

Гинзбург утверждала, что всегда оставалась коммунисткой:

В отличие от Солженицына, я писала не о так называемых «военных преступниках», а о «наборе 1937 года», о коммунистах, поставленных в эти условия. Их существование в тюрьме, лагере, ссылке имело свою специфику, отличную от того, о чем пишет Солженицын. После выхода 11-й книжки «Нового мира» все наши реабилитированные страшно взволнованы. За последние дни я получила из Москвы несколько писем от друзей по ссылке, читавших мои записки. Они все пишут, что я должна обратиться к Вам с просьбой прочесть мою рукопись. Вот об этом я и прошу Вас⁵.

Спустя почти год, в декабре 1963 г., Гинзбург получила ответ от Твардовского: «Согласитесь, что никаких предварительных, – до ознакомления с Вашей рукописью, – гарантий относительно ее опубликования мы Вам дать не можем. Конечно, повесть Солженицына поставила перед произведениями сходной тематики весьма высокую норму художественной требовательности, норму, от которой журнал уже не сможет отступить. “Принципиальная возможность” опубликования Вашей рукописи только в этом. Присылайте рукопись»⁶.

Вскоре ситуация радикально изменилась. Твардовский специально для редколлегии подготовил письмо, где, признавая литературные достоинства книги, а главное, правдивость, отмечал и недостатки, которые можно было устранить при редактировании. Зато главную причину отказа определил недвусмысленно:

Но не о том и не о другом сейчас речь при решении вопроса о судьбе рукописи, обнимающей, между прочим, лишь начальный этап «мытарств» героя-автора, лишь первые два года из 17, проведенных в тюрьмах и лагерях, и снабженной указанием «конец первой части». Дело в том, что «портфель Нового мира» перенасыщен материалом, который широким потоком пошел в нашей литературе в результате опубликования повести А. Солженицына и ее огромного воздействия на литературный процесс. Редакция не вправе отдавать на своих страницах предпочтение этому материалу, становясь как бы редакцией журнала «Каторга и ссылка», а не журнала современной советской жизни во всем ее многообразии и разносторонности. Это тем более нужно учитывать, что редакция уже располагает достаточным и даже избыточным количеством страниц сходного по теме с рукописью Гинзбург-Аксёновой материала, опубликование которого представляется ей куда более необходимой задачей по существу. По крайней мере – в настоящее время редакция должна воздержаться от подготовки рукописи Е.С. Гинзбург-Аксёновой к печати⁷.

В эпилоге «Крутого маршрута» Гинзбург комментировала отказ. По ее словам, в отделе прозы «Нового мира»

к моей работе отнеслись с сочувствием и пониманием, главный редактор почему-то подошел к ней с явным предубеждением. Мне передавали, что он говорил: «Она заметила, что не все в порядке, только тогда, когда стали сажать коммунистов. А когда истребляли русское крестьянство, она считала это вполне естественным». Тяжкое и несправедливое обвинение. Конечно, мое понимание событий до тридцать седьмого года было крайне ограниченным, о чем я и пишу со всей искренностью. Но услышав такой отзыв Твардовского о моей работе, я подумала, что вряд ли он прочел ее, а не просто бегло перелистал. Иначе он не мог бы не заметить, что вопрос о личной ответственности каждого из нас – основная моя боль, основное страдание. Об этом я пишу подробно в главе, озаглавленной «Меа culpa» (Моя вина). Но Твардовский не заметил даже этого заголовка⁸.

Понятно, что Твардовский читал лишь главы, относящиеся к тюремному заключению. Это первая часть «хроники». Вторую – не прочел. А там и описывались события 1939–1940 гг. Следовательно, с главой «Меа culpa» тоже не ознакомился.

Рукопись «Крутого маршрута» автор передала и в редакцию журнала «Юность». По ее словам – почти одновременно с отправкой в «Новый мир». Надеялась, вероятно, на помощь главного редактора – Б.Н. Полевого. Однако и там получила отказ.

Причина была аналогичной – изменение политической ситуации. По словам Гинзбург, на «тему наложено табу. И наконец в один прекрасный день редактор Полевой в разговоре со мной воскликнул: “Неужели вы всерьез надеялись, что мы это напечатаем?” После чего “Юность” переслала мою рукопись на хранение в Институт Маркса – Энгельса – Ленина, где, как писалось в сопроводительной бумажке, “она может явиться материалом по истории партии”».

Таким образом, руководство двух советских литературных журналов, ссылаясь на различные обстоятельства (начиная с того, что автор винит всех, кроме себя, и заканчивая указанием на изменение политической ситуации), отклонило рукопись. Однако история, как известно, не закончилась.

* * *

По словам Гинзбург, дальнейшее происходило без ее участия. Да и без ведома тоже: «Как только рукопись попала в редакции двух популярнейших толстых журналов, началось пятилетнее пла-

вание ее по бурным волнам самиздата. Рукопись, с которой снимались десятки, а может, и сотни копий, с фантастической быстротой размножалась и переходила границы Москвы. Когда я начала получать читательские отзывы из Ленинграда и Красноярска, из Саратова и Одессы, я поняла, что совершенно утратила контроль за удивительной жизнью моей ненапечатанной книги».

Трудно понять отношение самой Гинзбург к новой ситуации. С одной стороны, успех «хроники» в самиздате был колоссальным, что не могло не радовать автора. С другой стороны, это вряд ли могло компенсировать утрату более широкой аудитории. Опять же высокие советские гонорары исключались.

Однако более странно другое. Рукопись появилась в самиздате не после официального отказа – что еще можно было бы расценить как попытку помочь автору, – а именно тогда, когда шло обсуждение сразу в двух редакциях. Эта мысль акцентирована самой Гинзбург: «Как только рукопись попала в редакции двух популярнейших толстых журналов, началось пятилетнее плавание ее по бурным волнам самиздата (курсив наш. – Ю. Б.-Ю., А. М.)».

«Самиздат» – крайняя мера, но никак не сопутствующая. Отсюда следует, что инициатором Гинзбург вряд ли была. Так или иначе, ей пришлось признать, что «к концу 1966 года все надежды на какую-то, кроме самиздатовской, жизнь книги были погребены».

Тем не менее прогноз не был точен. Книга вскоре пересекла границы «самиздата»: «Непредугадываемо переплетаются разные пути в нашем удивительном веке. Вдруг я увидела свою книгу (по крайней мере, первую ее часть и кусок второй) напечатанной в Италии. Меня – долголетнюю обитательницу ледяных каторжных нор с преобладающим звуком Ы в названиях местностей (МЫлга, ХатТЬИнах и т. д.) – напечатали в сладкозвучном Милане. А потом и в Париже, и в Лондоне, и в Мюнхене, и в Нью-Йорке, и в Стокгольме, и во многих других местах».

Тут Гинзбург неточна. Книга опубликована не сначала в Италии, а потом в Германии. Она публиковалась параллельно в двух странах, и произошло это в 1967 г.

В Германии фрагменты «хроники» напечатала газета «Посев». С 1968 г. она выпускалась как журнал одноименного издательства⁹. Затем фрагменты печатались журналом «Грани». Его выпускало то же самое издательство¹⁰.

Более того, не исключено, что первые публикации появились именно в немецкой эмигрантской периодике. Точные сроки установить практически невозможно, поскольку иностранные издатели не имели обыкновения указывать дату подписания рукописи в печать.

Все прочее, сказанное Гинзбург, вполне достоверно. Издательствами «Mandadori» и «Посев» опубликована первая часть книги и несколько глав второй.

Первая публикация предварялась редакционной заметкой: «В этом номере “Посева” мы начинаем печатать отрывки из хроники “Крутой маршрут” Евгении Гинзбург. Это произведение является центральным материалом подпольного журнала “Феникс 1967”»¹¹.

Далее следовало пояснение: «Слухи о том, что мать писателя Василия Аксёнова, репрессированная в ежовщину и освобожденная после XX съезда, написала свои воспоминания, ходят по Москве уже два-три года. Рассказывали, что воспоминания посвящены годам “культа личности”, что они были отданы якобы в редакцию журнала “Новый мир”, что произведение это оставляет неизгладимое впечатление».

Затем – краткая биографическая справка, а в конце – горький упрек по адресу редакции «Нового мира» и не только: «В наши дни острой борьбы против попыток возрождения в России сталинизма в высшей степени важно такое свидетельство, такое напоминание о том немислимом зле, которому подвергались люди и страна в те годы. Да только ли в те? Читая воспоминания Е. Гинзбург и сравнивая то время с нынешним, в который раз убеждаешься, что в принципе мало что изменилось. И наглядным доказательством этого является тот факт, что “Хроника времен культа личности” публикуется не в СССР, а за границей, не в “Новом мире”, а в “Посеве” и “Гранях”».

Предисловие довольно информативное. Читателю сообщили о родстве автора крамольной «хроники» с вполне благополучным тогда советским писателем В.П. Аксёновым. Да еще и упомянуто было, в каком именно подпольном журнале опубликованы фрагменты рукописи, неизвестно как пересекшей границу.

Упоминание о «Фениксе 1967» имело силу политического доноса. История этого журнала в точности соответствовала смыслу его названия. Как сообщила редакция, «25 января парижское представительство журнала “Грани” разослало информационным агентствам и редакциям газет нижеследующее пространное сообщение о выходе в СССР подпольного машинописного журнала “Феникс 1966”, об арестах его участников и демонстрации молодежи в их защиту, о самом журнале “Грани” и его роли в борьбе за свободу творчества»¹².

Упоминалось также, что арестован и редактор «Феникса 1966» – поэт А.Т. Галансков. Сам же выпуск 1966 г. был охарак-

теризован как несомненно более революционный и радикальный, нежели предыдущий номер «Феникса», напечатанный в 1961 г.

Однако редактор «Феникса 1966» оказался не единственным арестантом. Вместе с ним арестовали журналиста А.А. Добровольского и выпускницу Московского института культуры В.И. Лашкову, занимавшуюся перепечаткой различных самиздатских публикаций.

Галансков был приговорен к семи годам лишения свободы, Добровольский и Лашкова – к двум и одному году соответственно.

Могла ли постигнуть авторов «Феникса 1967» судьба Галанскова, Добровольского и Лашковой? Вполне допустимо. И пусть рассуждение об истории в сослагательном наклонении считается наиболее слабым аргументом из всех возможных, было бы ошибкой не учитывать того обстоятельства, что и арест Гинзбург не исключался.

Сама эта ситуация с публикациями за границей также напоминала о скандале с романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Ну а «двойная» литературная жизнь провоцировала ассоциации с «делом Ю.М. Даниэля и А.Д. Синявского».

Оба, как известно, были осуждены в 1966 г. И одна из наиболее известных статей Синявского – «Что такое социалистический реализм» – как раз была опубликована в «Фениксе 1966». Более того, Галанскова приговорили к семилетнему заключению не только потому, что он был составителем альманаха. Он был также связан с делом Синявского – Даниэля, участвовал в подготовке так называемой «Белой книги», изданном за границей сборнике документов о скандальном суде над советскими литераторами¹³. Редактор и составитель этого сборника, журналист А.И. Гинзбург, также был арестован в январе 1967 г. и впоследствии приговорен к пяти годам лишения свободы. Под следствием оказались четыре активиста «самиздата», и суд над ними позже вошел в историографию как «Процесс четырех». Галансков пять лет спустя умер в лагере.

Следовательно, рукопись Гинзбург оказалась в подпольном советском альманахе и в двух откровенно антисоветских иностранных журналах. При этом Твардовский и Полевой не могли не знать о самиздатском бытовании «хроники». И как только узнали, вопрос о публикации, надо полагать, уже не ставился.

Потому не исключено, что, отправляя рукопись «Крутого маршрута» в институт Маркса – Энгельса – Ленина как материалы по истории партии, Полевой на самом деле пытался защитить Гинзбург, «легализуя» текст и присваивая ему статус исторической хроники, точнее акцентируя, что он ею является. Это же спасало и

репутацию Аксёнова, не раз публиковавшегося в «Юности». Вряд ли редактор мог сделать больше.

Действие было, судя по всему, благовременное, поскольку ситуация становилась угрожающей. По словам Р.Д. Орловой и Л.З. Копелева, после появления эмигрантских публикаций в редакции газеты «Известия» состоялось собрание, которое посетил сам министр госбезопасности В.Е. Семичастный. Он прямо заявил, что книга – «клеветническое произведение, помогающее нашим врагам»¹⁴.

Высказывание Семичастного напугало Гинзбург, «вернуло былые страхи», по словам мемуаристов. Поэтому они также попытались защитить Гинзбург и устроили ей интервью с корреспондентом итальянской газеты «Unita», в котором она заявила: «Книга издана за границей без моего ведома и согласия».

Не исключено, что эти меры в конечном счете и обезопасили ее: политических последствий не наступило. Однако и писательницы Гинзбург больше не было. Позже она опубликовала всего несколько статей в периодике – и то под псевдонимом «Аксёнова».

Редакцию же «Посева» заявление Гинзбург, что книга печатается без ее согласия, не остановило. На то была причина. Издательство «Посев» отказало Гинзбург в праве на ее же книгу. Первая публикация «Крутого маршрута» предварялась объявлением: «Copyright 1967 by Possev-Verlag, Frankfurt / Main. Все права сохранены за издательством “Посев”. Перепечатка без согласования с издательством, даже в выдержках, воспрещается»¹⁵.

Такое же объявление поместил журнал «Грани». Оно и понятно: издатель один и тот же¹⁶.

Впоследствии, вероятно, возникла проблема разделения полномочий между немецкой и итальянской сторонами, поэтому уже в первом посевовском книжном издании права были поделены: «World Copyright 1967 by A. Mondadori Editore S. p. A., Milano Copyright for Russian 1967 Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt / Main Printed in Germany»¹⁷.

Эдиционная теория и практика издательства «Посев» в принципе необычны. Как в самом журнале «Посев», так и в ежеквартальнике «Грани» регулярно печаталось «Обращение издательства “Посев” к литературной молодежи и студенчеству, к писателям, поэтам, литературным критикам, к деятелям искусства, науки и техники – ко всей российской интеллигенции». Издательство призывало всех, кто имеет доступ к запрещенным советской цензурой произведениям или книгам, опубликованным лишь «самиздатом», отправлять эти книги ему. Они могли быть напечатаны в «Гранях»,

журнале «Посев» или отдельным изданием. Рекламировалась также возможность перевода этих книг на другие языки.

Вопрос обнаружения или сокрытия имени автора оговаривался отдельно: «Рукописи могут быть подписаны как фамилией автора, так и псевдонимом. В последнем случае издательство принимает необходимые меры для того, чтобы исключить возможность установления личности автора, и гарантирует, что оригинал рукописи не попадет в чужие руки»¹⁸. Однако очевидно, что здесь проблема не решается, а, наоборот, ставится. Ведь при желании можно выдать подделку за авторский текст. И «автор» таким образом будет вынужден спорить и доказывать, что он не писал этого и тем более никогда бы не решился такое опубликовать. Но дело будет сделано – его имя по меньшей мере будет дискредитировано.

Оправдывался такой алгоритм очень просто, но юридически совершенно безосновательно: «Рукописи, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора, – они становятся достоянием российской литературы. Поэтому наше издательство считает прямым своим долгом способствовать публикации таких рукописей, поскольку новая российская литература лишена политической цензурой права голоса у себя в стране. При этом мы, естественно, не пытаемся заручиться формальным разрешением автора на такие публикации».

Здесь снова проблем больше, чем их решений. Как доказать, что рукопись не «ходила в самиздате»? Никак. Как автору доказать, что его разрешения никто не спрашивал? Тоже никак.

Но коль скоро рукопись напечатали, значит, она «в самиздате ходила» или же кто-то отправил ее за границу. Тогда как доказать, что не автор ее туда послал? Опять же никак. А публикация в эмигрантском журнале – факт, с которым не поспоришь.

Публиковали авторов – или же публиковались авторы – не только ради сохранения литературного наследия. Им за это были обещаны деньги: «Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в “Посеве” ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможность получить их». Сколько платили за авторский лист, конечно, сказано не было.

Наконец, был указан и способ доставки рукописей в издательство: «Пересылать рукописи в издательство “Посев” можно как через своих граждан, едущих за границу в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР».

Таким образом, издательство, с одной стороны, знакомило читателя с запрещенной литературой, а с другой – сознательно под-

вергало немалому риску едва ли не всех опубликованных. Гинзбург, похоже, стала жертвой такого рода практики.

Сама она написала об этом деликатно:

Это совсем новая тема, рожденная нашим странным временем и его феноменами. Тема о душевном состоянии автора подобных изданий. Противоречивые чувства раздрают его. С одной стороны, он не может сдержать естественного чувства радости при виде своей рукописи, превратившейся в книгу. Но с другой... Без моей правки, без всякого моего участия в издании... Без возможности исправить типографский брак (русское издание пестрит ошибками в орфографии и пунктуации)... Точно твоего погибавшего ребенка спасли какие-то чужестранцы, но при этом его полностью оторвали от тебя. А тем временем и земляки дают несчастной матери почувствовать: она виновна не только в том, что породила нежеланное для властей дитя, но и в том, что не смогла удержать его дома.

Так или иначе, книга вступила в новую фазу своего бытия: из догутенберговской, самиздатовской, родной отечественной контрабанды она превратилась в нарядное детище разноязычных издательств, перекочевала в мир роскошной глянцевої бумаги, золотых обрезов, ярких суперобложек. Полное отчуждение произведения от его автора!¹⁹

* * *

Цитированные выше суждения напоминают о событиях более ранних. Прежде всего – об истории публикации романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Как известно, закончив работу над романом летом 1960 г., Гроссман передал рукописи в «Новый мир» и «Знамя». Договор был подписан с редакцией «Знамени», аванс выплачен²⁰. Затем редколлегия признала роман антисоветским. В феврале 1961 г. сотрудники КГБ конфисковали рукописи «Жизни и судьбы», после чего автор написал Н.С. Хрущеву письмо с просьбой вернуть книгу. Просьба не была выполнена. М.А. Суслов лично объяснил всеоюзно знаменитому прозаику, что публикация невозможна по соображениям принципиальным. Тот умер три года спустя. Еще 14 лет спустя рукописи попали в иностранные редакции, после чего роман печатался без ведома и согласия обладателей авторских прав.

Казалось бы, общего в этих случаях гораздо меньше, чем различий. Но – лишь на первый взгляд.

Если верить мемуарам С.И. Липкина, именно он сохранил рукопись, с которой делались фотокопии, отправленные заграничным издателям. А согласно воспоминаниям тех, кто непосредственно

участвовал в подготовке иностранных публикаций, копировались как минимум два отнюдь не идентичных экземпляра²¹.

По словам Липкина, копии изначально были отправлены только в редакцию парижского журнала «Континент». Там некоторые главы романа и печатались, что мемуарист отметил. Но умолчал или не знал, что другие появились тогда же на страницах «Посева» и «Граней»²². При этом нет сведений, что негативы или напечатанные фрагменты были туда кем-либо переданы.

Есть и еще совпадение. Рукописи Гинзбург и Гроссмана попали за границу, когда начинался очередной этап полемики о «лагерной прозе» Солженицына. Как будто демонстрировалось, что он не единственный, имеющий отношение к такой теме.

Наконец, о главном совпадении. Гинзбург и Гроссман изначально предложили свои рукописи «Новому миру», и оба произведения или их фрагменты перекочевали впоследствии в издательство «Посев».

Кстати, нет сведений о каких-либо расследованиях в связи с этим. Сотрудники КГБ словно ничего и не видели. Поистине загадка.

Примечания

- ¹ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Кн. 1. Milano: Mandadori, 1967; *Она же.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Frankfurt a/M.: Possev, 1967; *Она же.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Кн. 2. Milano: Mandadori, 1979; *Она же.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности // Даугава. 1988. № 7 (133). С. 6–58; № 8 (134). С. 9–64; № 9 (135). С. 3–49; № 10 (136). С. 3–52; № 11 (137). С. 3–43; № 12 (138). С. 3–50; 1989. № 1 (139). С. 3–43; № 2 (140). С. 3–43; № 3 (141). С. 3–46; № 4 (142). С. 3–33; № 5 (143). С. 3–42; № 6 (144). С. 3–35.
- ² *Курганов И.А.* Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968. С. 93–94; *Мальцев Ю.В.* Вольная русская литература 1955–1975. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976. С. 235–240; *Свирский Г.Ц.* На лобном месте: литература нравственного сопротивления (1946–1986). Лондон: Overseas, 1979. С. 272–278; *Литвин А.Л.* Два следственных дела Евгении Гинзбург / Сост. и авт. вступ. ст. А.Л. Литвин; предисл. В.П. Аксёнова. Казань: Книжный Дом; Тавес, 1994; *Conquest R. Kolytina: The Arctic Death Camps.* Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 176–200; *Lowe D. E.* Ginzburg's Krutoj Maršrut and A. Aksenov's Ožog: The Magadan Connection // The Slavic and East European Journal. 1983. Vol. 27 (№ 2). P. 200–210.
- ³ Здесь и далее цит. по: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Mandadori, 1979. С. 371–372.
- ⁴ *Гинзбург Е.С.* Письмо Твардовскому А.Т., 3 января 1963 // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Ед. хр. 81. Л. 5.

- ⁵ Там же. Л. 6.
- ⁶ *Твардовский А.Т.* Письмо Гинзбург Е.С., 26 декабря 1963 // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Ед. хр. 81. Л. 3–4.
- ⁷ *Твардовский А.Т.* Письмо для членов редколлегии журнала «Новый мир» о рукописи «Крутой маршрут» Гинзбург-Аксёновой Е.С., 2 января 1964 // Там же. Ед. хр. 141. Л. 5.
- ⁸ Здесь и далее цит.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Mandadori, 1979. С. 373–375.
- ⁹ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Посев. 1967. 17 февр.; 24 февр., 3 мар.; 10 мар.
- ¹⁰ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Грани. 1967. № 64. С. 81–111; № 65. С. 51–99; № 66. С. 45–149; 1968. № 67. С. 71–88; № 68. С. 9–100.
- ¹¹ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Посев. 1967. 17 февр.
- ¹² «Феникс 1966»: Сообщение журнала «Грани» в Париже // Грани. 1967. № 63. С. 5–8.
- ¹³ Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля / Сост. А.И. Гинзбург. Frankfurt a/M.: Possev, 1967.
- ¹⁴ Здесь и далее цит.: *Копелев Л.З., Орлова Р.Д.* Евгения Гинзбург в конце крутого маршрута // Даугава. 1989. № 6 (144). С. 80–99.
- ¹⁵ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Посев. 1967. 17 февр.
- ¹⁶ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Грани. 1967. № 64. С. 81.
- ¹⁷ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Frankfurt a/M.: Possev, 1967. С. 3.
- ¹⁸ См., например: Обращение издательства «Посев» к литературной молодежи и студенчеству, к писателям, поэтам, литературным критикам, к деятелям искусства, науки и техники – ко всей российской интеллигенции // Грани. 1967. № 63. С. 222–224.
- ¹⁹ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Mandadori, 1979. С. 375–376.
- ²⁰ См.: *Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М.* Интрига и судьба Василия Гроссмана // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 153–182.
- ²¹ См.: *Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М.* К истории публикации романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» или «Как это было» у Б. Сарнова // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 45. С. 175–203.
- ²² См.: *Гроссман В.С.* Природное стремление человека к свободе неистребимо // Посев. 1975. № 7. С. 53–55; *Он же.* За правое дело: Отрывок из второго тома романа // Грани. 1975. № 97. С. 3–32.

К ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «THE WELLSIAN» – ИЗДАНИЯ УЭЛЛСОВСКОГО ОБЩЕСТВА (Великобритания)

Статья посвящена истории журнала «The Wellsian» – издания Уэллсовского общества (Великобритания). В статье говорится также об истории создания Уэллсовского общества и определяется место журнала «The Wellsian» в современной английской культуре.

Ключевые слова: «The Wellsian», Г.Дж. Уэллс, английская научная фантастика, английская периодическая печать.

Герберт Джордж Уэллс умер 13 августа 1946 г. Согласно завещанию писателя, его прах был развеян над Ла-Маншем¹.

А в сентябре 1960 г. во многих английских периодических изданиях – «Observer», «Times Literary Supplement», «The New Statement», «The Listener» – появилось письмо, которое начиналось так: «Уважаемый издатель! В Великобритании есть Общество Шоу, Общество сестер Бронте, Диккенсовское Общество, но нет похожего научного общества для увековечивания памяти и идей Г.Дж. Уэллса»². И далее человек, подписавшийся Джон Хэммонд, обращался через данное печатное издание к читателям с призывом восполнить этот пробел в национальной культуре страны. В то время Джону Хэммонду было 27 лет, и идея создать общество писателя, любимого им с детства, возникла у него несколько лет тому назад. Призыв энтузиаста был услышан и подхвачен такими же энтузиастами, и 25 ноября 1960 г. собравшаяся в Лондоне инициативная группа объявила о создании Уэллсовского общества. Целью его было «продвигать и всемерно развивать деятельный интерес к жизни, творчеству и идеям Г.Дж.Уэллса»³.

И в том же 1960 году начало выходить печатное издание общества, журнал «The Wellsian» (первым редактором стал Джон Хэммонд; более чем за полвека на посту редактора журнала находились

такие известные литературоведы, как Брайан Эш, Патрик Парриндер, Сильвия Харди, Джон Партингтон). Думается, неслучайно было выбрано такое название, «Уэллсианец», оно словно показывало, что людей, входящих в Общество, объединяет безграничная любовь к этому писателю.

Рассмотрим некоторые материалы, публиковавшиеся в «The Wellsian» (для анализа выбраны номера журнала, выходявшие с 1980-х годов по настоящее время; причина такого выбора источников в том, что номера именно за эти годы находятся в распоряжении автора статьи и он может изучать их *de visu*; к более ранним номерам доступа у автора нет, а само издание не выложено в Интернет).

В журнале печатаются статьи весьма широкого диапазона. Прежде всего это работы о различных аспектах творчества Уэллса. Например, в пятом номере за 1982 г. напечатана статья Уильяма Рассела о связи творчества Уэллса с фольклором⁴. Рассел выявляет соотнесенность романа «Спящий пробуждается» с легендами о спящем короле, а поскольку действие романа начинается в Корнуолле, то эта параллель расширятся до связи с легендами о короле Артуре. Исследователь находит параллели с библейской мифологией (роман «Негасимый огонь») и ссылается на работы российской исследовательницы Т.А. Чернышевой.

В седьмом номере за 1984 г. помещена статья Лаймана Сержента о соотнесенности утопии (евтопии, по терминологии автора) с антиутопией в творчестве Уэллса⁵. В номере 16 за 1993 г. вышла статья Сильвии Харди «Уэллс-постструктуралист»⁶. Исследование ведется в контексте всего творчества писателя, с привлечением произведений, прежде всего реалистических: романов «Тоно Бенге», «Белпингтон Блепский», а также повести «Мистер Блетсуорси на острове Рэмпель». В статье Уильяма Уогера (номер 24 за 2001 г.) речь идет об Уэллсе – авторе футурологических моделей развития человеческого рода⁷.

Много публикуется в «The Wellsian» статей о фантастических произведениях Уэллса. Статья Дэвида Лейка о ранних романах Уэллса⁸, о романах «Машина времени»⁹, «Война миров»¹⁰, «Человек-невидимка»¹¹, «Морская дама»¹².

Чаще всего авторы используют материал романов, обращение к рассказам редко – как исключение можно назвать лишь статью Юлия Кагарлицкого о новеллистике Уэллса в пятом номере за 1982 г.¹³

Нередко авторы статей обращаются к реалистическим произведениям Уэллса: романам «Тоно Бенге»¹⁴, «История мистера Полли»¹⁵, «Анна Вероника»¹⁶.

В публикуемых в «The Wellsian» материалах можно найти интересные факты относительно некоторых произведений писателя. Так, в пятом номере за 1982 г. напечатана заметка Майкла Дрэпера¹⁷ о развитии ситуации со знаменитой радиопостановкой Орсона Уэллса романа «Война миров» 30 октября 1938 г. (ставшей тогда, как известно, причиной ошеломляющей по масштабам паники среди населения восточного побережья США). Немногие знают, что спустя десять лет, в 1949 г., история повторилась в Киото, Эквадоре. На этот раз последствия были более сокрушительными. Поначалу толпы людей, как и в США в 1938 г., в ужасе перед вторжением марсиан ринулись из города. Затем, когда они осознали, что стали, в сущности, объектом художественной мистификации, их ярость обратилась против тех, кто это устроил. Толпа начала громить здание радиовещательной компании и подожгла его. Люди выпрыгивали из окон здания, погибло свыше полутора десятка людей. Порядок удалось восстановить только с помощью войск, применивших слезоточивый газ.

Другой случай касается вошедшего в употребление в годы холодной войны термина «железный занавес». Его приписывают Уинстону Черчиллю, который впервые, как считается, употребил этот термин в знаменитой «фултоновской» речи 5 марта 1946 г. Но, как показал Леон Стовер в номере 15 за 1992 г., термин был придуман и использован Уэллсом в романе «Пища богов». Черчилль же, бывший поклонником творчества писателя, употребил, по сути дела, раскавыченную цитату, не указав, кто автор этого словосочетания¹⁸.

Немало статей печатается о различных сторонах жизни Уэллса. Например, отношениям писателя с женщинами посвящен материал Чен Хиди¹⁹. Эта статья построена на материале книги Уэллса «Влюбленный Уэллс». Известно, что Уэллс написал две автобиографические книги: первая, под названием «Опыт автобиографии. Открытия и заключения одного вполне заурядного ума», была издана в 1934 г. Вторая же, называвшаяся «Влюбленный Уэллс», согласно завещанию писателя, была опубликована в 1984 г. – после того, как ушла из жизни последняя из названных в книге женщин Уэллса.

В номере 21 за 1998 г. напечатана интересная подборка воспоминаний о встречах с Уэллсом в разные годы и при различных обстоятельствах различных людей: Ван Вик Брукса, Чарли Чаплина, Гилберта Кейта Честертона, известного биолога и прозаика Джулиана Хаксли, Джона Бойнтон Пристли, Бертрана Рассела, Эптона Синклера, Вирджинии Вулф²⁰.

Важная часть публикаций – статьи о соотнесенности творчества Уэллса с творчеством других писателей, в первую очередь

английских: в этих работах показана связь Уэллса с национальной культурной традицией: Олдосом Хаксли²¹, Конан Дойлем²², Гиссингом²³, Конрадом²⁴. А также с писателями других стран: Жюлем Верном²⁵, немецким фантастом начала XX в. Куртом Лассвицем²⁶.

На фоне статей о рецепции Уэллса в странах Запада количество публикаций о рецепции Уэллса в странах Восточной Европы невелико. Однако они есть, а в 1992 г. этой проблеме был посвящен отдельный номер журнала. В этом выпуске мы встречаем статьи Дэвида Смита об отношении Уэллса к Восточной Европе в целом²⁷, Мери Майер о поездке Уэллса в Россию в 1920 г., встрече с Лениным и написанной по впечатлениям о поездке книге «Россия во мгле»²⁸.

«The Wellsian» неоднократно писал о своих авторах, ученых-уэллсоведах. И, например, публикация некролога об ушедшем из жизни известном американском литературоведе Дэвиде Смите²⁹ воспринимается как дань уважения памяти крупного ученого. Но вот материал о Ю.И. Кагарлицком в седьмом номере за 1984 г. имел совсем иной характер. В этом материале редакция вставала на защиту крупного уэллсоведа, который оказался в сложной ситуации конфронтации с властью. Дело было в том, что Кагарлицкого уволили с работы за диссидентскую деятельность его сына. И редакция журнала публично выразила поддержку Кагарлицкому и его семье³⁰.

Конечно же, постоянно печатаются материалы об Уэллсе сегодня – его бытовании в СМИ, экранизации его книг и радиопостановках по ним. Например, в номере 27 за 2014 г. Джеймс Смит пишет о телепостановке на Би-би-си в 2010 г. романа «Первые люди на Луне»³¹. А в номере 28 за 2014 г. Эрик и Валери Фитч рассказывают о впечатлениях от моноспектакля по роману Уэллса «Машина времени», поставленного и сыгранного в июле 2014 г. актером Робертом Пэрри³².

Объем каждого номера различен, есть номера страниц по 20 с лишним, есть и такие, объем которых втрое больше. Почти в каждом номере есть раздел библиографии новых работ об Уэллсе. Где-то это просто список, где-то публикация рецензий на вышедшие книги или статьи.

Как мы видим, журнал обращается к широкому спектру проблем современного уэллсоведения, которое развивается в контексте современной культуры Великобритании. Потому по меньшей мере странным кажутся слова отечественной исследовательницы А.Ф. Яковлевой, автора кандидатской работы «Политическая теория Г.Дж. Уэллса», написавшей в автореферате диссертации, что члены Уэллсовского общества публикуют на страницах журнала «The Wellsian» статьи, посвященные писателю, и «общественная

сторона творчества Уэллса занимает основное положение на страницах журнала. Цель многих статей – заострить внимание на идеях Уэллса относительно развития цивилизации»³³. Данное высказывание – явная подтасовка фактов в угоду собственного исследования, посвященного политическим взглядам Уэллса. Неудивительно, что Яковлева делает еще одно «открытие», заявив, что Уэллсовские общества существуют в других странах³⁴. Речь идет, конечно, всего лишь о зарубежных членах этого общества.

И в заключение немного личного. Мне выпала радость на протяжении многих лет общаться с Юлием Иосифовичем Кагарлицким, «главным» в нашей стране уэллсоведом (он – автор докторской диссертации по творчеству писателя, всю жизнь писал о нем: десятки статей, предисловий и послесловий, издание самого полного у нас собрания сочинений английского классика). Незадолго до смерти он сказал очень важные слова. Все мы, пишущие об Уэллсе, сказал Юлий Иосифович, должны осознавать масштаб его личности и совершенный им в течение творческой жизни длиной почти в 180 книг творческий подвиг. И выразить ему признательность мы можем только с помощью нашей публикации. Точнее, по-моему, не скажешь.

Примечания

- ¹ В жизни бывают удивительные сближения. 6 декабря 1992 г. прах Аркадия Натановича Стругацкого был развеян в Подмоскowie. 5 апреля 2014 г. прах Бориса Натановича Стругацкого был развеян над Пулковскими высотами. Кто знает, случайно ли земные судьбы великого фантаста первой половины XX в. и великих фантастов второй половины столетия завершились сходным образом?..
- ² *Hammond J.* The H.G. Wells Society: The first forty years: 1960–2000: A Short History. L.: Publishers and Printers, 2000. P. 9.
- ³ *Ibid.* P. 12.
- ⁴ *Russell W.M.S.* Folktale and H.G. Wells // *The Wellsian*. 1982. № 5. P. 2–18.
- ⁵ *Sargent L.T.* The Pessimistic Eutopias of H.G. Wells // *Ibid.* 1984. № 7. P. 2–18.
- ⁶ *Hardy S.* H.G. Wells the Poststructuralist // *Ibid.* 1993. № 16. P. 2–23.
- ⁷ *Wagar W. Warren.* H.G. Wells and the Futurist Endeavour // *Ibid.* 2001. № 24. P. 21–30.
- ⁸ *Lake D.* The Current Texts of Wells's Early SF Novels: Situation Unsatisfactory (Part 2) // *Ibid.* 1989. № 12. P. 21–36.
- ⁹ *Summerville B.D.* The Time Machine: A Chronological and Scientific Revision // *Ibid.* 1994. № 17. P. 11–29; *Smith D.C.* A Chat with the Author of The Time Machine // *Ibid.* 1997. № 20. P. 3–9; *Porta F.* One Text, Many Utopias: Some Examples of Intertextuality in The Time Machine // *Ibid.* № 20. P. 10–20.

- 10 *Gangale T., Dudlet-Rowley M.* Strategy and Tactics in The War of the Worlds // Ibid. 2008. № 31. P. 4–31; *Baxter S. H.G. Wells's The War of the Worlds as a Controlling Metaphor for the Twentieth Century* // Ibid. 2009. № 32. P. 3–16.
- 11 *Singh K.* Service and Society: A Brief Look at The Invisible Man // Ibid. 1984. № 7. P. 19–23.
- 12 *Sommerville B.D.* A Tissue of Moonshine: The Mechanics of Deception in The Sea Lady // Ibid. 2003. № 26. P. 23–30.
- 13 *Kagarlitski J.* Wells's Short Stories // Ibid. 1982. № 5. P. 19–22.
- 14 *Cash E.* Confessions of a Skirt-Chasing Feminist: Wells's Tono-Bungay and the Idea of a New Woman // Ibid. 1994. № 17. P. 32–45.
- 15 *Swafford K.* Aesthetics, Narrative and the Critique in The History of Mr. Polly // Ibid. 2005. № 28. P. 14–27.
- 16 The Wellsian. 2011. № 34. Этот выпуск целиком, восемь статей, посвящен рассмотрению данного романа.
- 17 *Draper M.* The Martians in Ecuador // The Wellsian. 1982. № 5. P. 35–36.
- 18 *Stover L.* Wells's Communist Revision, Perestroika, and the New World Order // Ibid. 1992. № 15. P. 31.
- 19 *Heady C.* The Lover-Shadow and the Resistant Reader: H.G. Wells in Love and the Problem of Textual Reception // Ibid. 2007. № 30. P. 21–35.
- 20 *Cook D.* Meeting H.G. Wells... a miscellany of first Encounters // Ibid. 1998. № 21. P. 4–13.
- 21 *Miller T.* H.G. Wells and Aldous Huxley // Ibid. 1994. № 17. P. 3–10.
- 22 *Partington J.S.* A Comparison of the Representation of Arthur Conan Doyle and H.G. Wells in The Strand, 1891–1901 // Ibid. 1998. № 21. P. 25–34.
- 23 *James S.J.* "The Truth about Gissing": Reassessing the Literary Friendship of George Gissing and H.G. Wells // Ibid. 2001. № 24. P. 2–20.
- 24 *Dryden L.* H.G. Wells and Joseph Conrad: A Literary Friendship // Ibid. 2005. № 28. P. 2–13.
- 25 *Loing B.* Space and Time in Wells and Jules Verne // Ibid. 2004. № 27. P. 3–12.
- 26 *Kerslake P.* Moments of Empire: Perceptions of Kurt Lasswitz and H.G. Wells // Ibid. 2002. № 25. P. 25–37.
- 27 *Smith D.C.* Wells and Eastern Europe // Ibid. 1992. № 15. P. 3–15.
- 28 *Mayer M.* Russia in the Shadows and Wells under a Cloud // Ibid. № 15. P. 16–24.
- 29 The Wellsian. 2014. № 27. P. 13.
- 30 Editorial: Yuli Kagarlitsky // The Wellsian. 1984. № 7. P. 1.
- 31 *Smith J.* The First Men in the Moon: Mark Gatiss; Television Adaptation // Ibid. 2014. № 27. P. 4–8.
- 32 *Fitch E., Fitch V.* The Time Machine: A Performance by Robert Lloyd Parry // Ibid. № 28. P. 16–17.
- 33 *Яковлева А.Ф.* Политическая теория Уэллса: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 4.
- 34 Там же.

ПОНЯТИЕ «ЖУРНАЛИСТИКА» В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В данной статье рассмотрены некоторые особенности, тенденции и фактические изменения, происходящие в современной журналистике, медиа и сфере массовых коммуникаций. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) серьезно трансформируют не только медиасферу, но и социальные практики. Функции медиа, компетенции работников сфер медиа и коммуникаций, технические новшества – все это трансформирует понятие «журналистика».

Ключевые слова: журналистика, новые медиа, социальные коммуникации, цифровая среда.

Ключевыми факторами происходящих в сфере массовых коммуникаций и журналистике трансформаций можно назвать развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что, в свою очередь, приводит к процессам цифровизации коммуникаций и конвергенции в медиасфере. Журналистика как сфера социальных коммуникаций также неизбежно видоизменяется. Вопросам влияния Интернета, цифровой среды и ИКТ на журналистику, медиасистемы и социальные коммуникации посвящены работы многих российских и зарубежных исследователей. В частности, об этом пишут Е.Л. Вартанова, А.Г. Качкаева, И.В. Кирья, А.А. Калмыков, А. Мирошниченко, К. Доктор, Д. МакКуэйл и многие другие¹.

Процессы медиаконвергенции, а также цифровизация медиа ускоряют распад прежних структур, систем отношений, профессий. Одновременно с процессами конвергенции на уровне медиасистем, форматов, жанров, профессий, каналов дистрибуции происходят процессы дивергенции – распада прежних нерушимых связей и

технологических цепочек. Но эта «атомизация» создает еще более сложные и мобильные системы, где каждый из элементов может соединяться с другими элементами, образуя новые медиасистемы, в соответствии со своей «валентностью» (способностью присоединяться к другим элементам).

Вопросам конвергенции в медиа посвящены многие работы, как частично, так и полностью. Так, много внимания уделено проблеме в учебном пособии «Интернет-СМИ: теория и практика» под редакцией М.М. Лукиной. Поясняет процессы конвергенции и трансформации журналистики работа Е.А. Барановой «Конвергентная журналистика. Теория и практика». Под редакцией А.Г. Качкаевой выпущен сборник статей «Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные». Процессам медиаконвергенции посвящен сборник статей «Медиа-конвергенция, которая изменила мир?»².

Цель данной статьи – рассмотреть различные определения журналистики и характеристики понятия, чтобы выделить актуальные на данный момент дефиниции и авторов исходя из особенностей развития современной медиасреды. Для этого необходимо выявить ряд свойств и критериев, соответствующих реальным изменениям, и на базе этих ключевых параметров сформулировать наиболее подходящие современным реалиям определения понятия «журналистика» (и производного «журналист»).

Сложность дефиниций и понимание процессов

Выявление и определение изменений в медиасфере помогает сформулировать суть происходящих процессов, определить термины и дать толкование новым понятиям. То есть формировать язык, понятный всем профессиональным участникам процесса и адекватно описывающий явления. В этом заключена базовая проблема: скорость изменений, их транснациональный, междисциплинарный характер не позволяют сформулировать консенсусный и адекватно отражающий реалии терминологический и понятийный аппарат. Понимание природы этих трансформаций влияет на определения и представления о журналистской этике, технологиях работы, наборе профессиональных знаний и компетенций современного журналиста.

Отсюда проистекает одна из неразрешенных проблем понимания задач и роли современной журналистики, которая проявляется

в отождествлении понятий «журналистика» и «СМИ» (как вариант – «медиа»), «журналистика» и «контент». На практике это может проявляться в неоправданном доверии к любому медийному каналу («по телевизору сказали», «в газете написали») и к распространяемому контенту вне зависимости от его формата (когда ведущих ток-шоу отождествляют с новостными журналистами или постановочные сцены воспринимаются как реальные события и новости).

Этой проблеме уделяет много внимания авторитетный британский исследователь массовых коммуникаций Дэнис МакКуэйл. Он особенно подчеркивает влияние Интернета на традиционные форматы медиа и представления о журналистике: «Часто журналистику отождествляют с “медиа”, “массмедиа” с “новостными медиа”, имея в виду всю медиасистему или значительную ее часть. В качестве альтернативы можно встретить слово “пресса” <...> это более отвлеченное и формальное описание того же набора деятельностей. К тому же термин “журналистика” часто используется как синоним слова “новости”, даже “газета”»³ – так формулирует проблему исследователь. «Таким образом, в практике использования терминов, как мы видим, отсутствует последовательность». И далее: «...“журналистика” всегда остается центральной концепцией, при этом данное слово не эквивалентно “новостям” и не ограничивается содержанием “газеты”»⁴.

Журналистика и СМИ: от традиционных представлений к современным трактовкам

Е.П. Прохоров, говоря о журналистике как о «важнейшем социальном явлении», выделяет закономерности и выстраивает собственную объяснительную систему. Он видит огромное и многостороннее поле деятельности, где соединяются творческая составляющая и ремесло, техническая инфраструктура и системы дистрибуции, государственные институты и общественные организации, правовые основы и неформальные договоренности, научные учреждения и учебные центры⁵. Однако в этой же системе он связывает понятие «журналист» с формальной структурой СМИ или редакцией: «Журналист (Ж) – штатные и внештатные работники редакций (от корреспондента и работника отдела писем до руководителя корреспондентской сети и главного редактора), которые по редакционному уставу определяют направление и характер из-

даний или программ, ведут авторскую, редакторскую, организационную работу по сбору, обработке, компоновке массовой информации в номера газет и журналов, программы радио и телевидения, выпуски агентской информации и т. д.»⁶.

Однако при нынешних цифровых реалиях для развития журналистики формальная принадлежность к формальному журналистскому цеху совсем не обязательна. Сегодня в результате конвергентных процессов в медиасфере стремительно трансформируются понятие и сущность журналистики, которая испытывает влияние новых технологий, открывающих возможность авторства для все большего числа людей.

Аналитик и теоретик медиа А. Мирошниченко выдвинул и последовательно развивает концепцию коллективного «вирусного редактора»⁷, которая базируется на рассуждениях более ранних теоретиков медиа об освобождении авторства (в частности, на идеях Г.М. Маклюэна)⁸. Из этих рассуждений также вытекает эмансипация различных взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов медиаиндустрии и ее технологических цепочек. Происходит дивергенция, т. е. разделение прежде единых элементов на самостоятельные кластеры и элементы: авторы превращаются в производителей контент-продуктов, редакции становятся упаковщиками контента в информационный продукт или целостный самостоятельный медиапроект, а каналы распространения информации и медианосители становятся дистрибьюторами инфопродуктов и проектов⁹. И если раньше этот процесс шел медленно и незаметно, то цифровая среда и ИКТ стремительно его ускорили.

Важно понимать, что цифровая среда и инфраструктура сети Интернет дают широкие возможности для самопубликации и выхода на потенциально неограниченную аудиторию. В таких условиях важнее становятся самоидентификация в роли «журналиста» и суть деятельности, чем институциональная принадлежность к зарегистрированному СМИ. Вопрос, где официально занят человек, при этом отходит на второй план. Гораздо важнее, соответствует ли он критериям профессионализма и одновременно выполняет ли общественно полезную функцию.

Однако важнейшим отличием современного состояния журналистики от предыдущих этапов видится фактор цифровой среды и Интернета, которые эмансипировали ранее взаимосвязанные и взаимозависимые процессы авторской и редакционной работы издательства, каналов дистрибуции. «Журналистика» как социальная миссия, функция гражданского общества и система этических правил также эмансипируется и может реализовываться в различных

формах и проявлениях, не привязанных к формализованным «масс-медиа» и редакционно-издательским структурам.

Неслучайно Дэнис МакКуэйл, который также большое внимание уделяет воздействию Интернета на традиционные медиасистемы¹⁰, выводит определение журналистики, не привязанное к формальным структурам и статусам: «Журналистика есть создание и публикация сообщений о современных событиях, лицах или обстоятельствах общественной значимости или интереса, основанных на информации, полученной из надежных источников»¹¹.

Примечания

- ¹ *Вартанова Е.Л.* Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2013; *Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные* / Под ред. А.Г. Качкаевой. М.: Аспект Пресс, 2010; *Качкаева А.Г., Кирия И.В.* Долгосрочные тенденции развития сектора массовых коммуникаций // Форсайт. 2012. Т. 6. № 4. С. 6–18; *Калмыков А.А.* Медиалогия Интернета. М.: Либроком, 2013; *Мирошниченко А.* Когда умрут газеты. М.: Книж. мир, 2011; *Доктор К.* Ньюсономика: Двенадцать трендов, которые изменят новости / Пер. с англ. А. Багаева. М.: Время, 2013; *МакКуэйл Д.* Журналистика и общество [Учеб. для журналистов]: Пер. с англ. М.: МедиаМир; Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013; и др.
- ² Интернет-СМИ: Теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М.М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2011; *Баранова Е.А.* Конвергентная журналистика: Теория и практика: Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2014; *Журналистика и конвергенция...; Медиаконвергенция, которая изменила мир?: Сб. ст. к открытой сессии по медиаконвергенции* / Под ред. М.С. Корнева. М., 2014 [Электронный ресурс] // SlideShare. URL: <http://www.slideshare.net/mkornev/ss-33893336> (дата обращения: 23.03.2015).
- ³ *МакКуэйл Д.* Указ. соч. С. 9.
- ⁴ Там же. С. 10.
- ⁵ *Прохоров Е.П.* Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 10–17.
- ⁶ Там же. С. 13.
- ⁷ *Miroshnichenko A.* Man as media: The emancipation of authorship. М., 2014.
- ⁸ *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2014.
- ⁹ Интернет-СМИ: Теория и практика. С. 20.
- ¹⁰ *МакКуэйл Д.* Указ. соч. С. 25–27, 261–294.
- ¹¹ Там же. С. 27.

ЛЕЧЕБНИЦЫ ПРИ МОНАСТЫРЯХ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ XI–XIII ВВ.

В статье анализируется функция описания деятельности монахов-лекарей в публицистике XI–XIII вв. Врачебная практика для священнослужителей была почти необходимостью. Она не только приносила доход со стороны власть имущих, но и укрепляла веру неродовитых прихожан – им монахи оказывали помощь безвозмездно.

Ключевые слова: публицистика, Древняя Русь, медицина, Киево-Печерский патерик, монастырь.

Первые лечебницы на Руси появились при монастырях. Это неудивительно: с принятием христианства опеку над медицинской взяла на себя Церковь. Что представляли из себя больницы той эпохи? Это были отдельные кельи в монастыре, в которых и содержали пациентов. Часто монахи размещали больных даже в собственных крохотных комнатах. «Испокон веков монастыри были главной лечебницей всех страждущих и недужных. Когда человек заболел телесно или у него болела душа, он шел в монастырь»¹, – замечает Е.В. Романенко в работе «Повседневная жизнь русского средневекового монастыря». Среди источников, дающих информацию о положении монастырской медицины в Киевской Руси, есть природно-географические, этнографические, вещественные, художественно-изобразительные и, конечно, письменные – они-то и интересуют нас.

Но сначала необходимо разобраться, какие методы лечения предлагались в древнерусской литературе. М.П. Одесский выделяет три типа текстов, которые отвечают на вопрос «как лечиться»: молитва-заговор, «самоучитель» и агиография². В первом случае

речь идет о произведениях, после прочтения которых «человек болюющий» должен был непременно выздороветь. Они представляли собой нечто вроде заклинания. В качестве примера в статье приводятся «Молитва об изгнании болезней», а также «Молитва Иоанну Златоусту от всех уд». Второй случай – конкретные советы по лечению. Тексты этого типа – «Лечебник» и «Травник». В них описаны главным образом рецепты лекарств, рекомендации по уходу за больным, меры профилактики различных заболеваний. И, наконец, третий случай предлагает искать исцеления в церкви. На нем и остановимся подробнее.

Новгородский игумен Моисей рассуждает об источниках болезни в «Поучениях о простой чади» – тексте, популярном благодаря простому языку и почти полному отсутствию цитат из Священного Писания. Игумен считает, что залог хорошего самочувствия заключается в умеренности: «Недугъ всь ражаеться въ телеси чловѣчи, въ кручинѣ. Кручина же съсядеться от излишнаго пития и ѣдения, и спания, и женоложья, иже без време и без мѣры». В его доказательстве медицинские знания, восходящие к античности («Учение о жидкостях»), переплетаются с религиозными установками: «Кручины же три въ чловѣцѣ: желта, зелена, черна; да от желтое огньная болѣзнь, а от зеленое зимная болѣзнь, а от черное смерть, рекши души исходъ; дяволь же тогда радуется о погыбели чловѣчи. Того же недуга Богъ не створи, нъ самъ в себе стваряеть недугъ безвременнымъ дѣяниемъ и безмѣрнымъ, и самъ ся осужаетъ на муку; аще ся не покаеть, ни вѣстягнетъся от того»³. Получается, человек сам несет полную ответственность за свое здоровье, а неугодные Богу поступки не только не способствуют «спасению», но наносят вред самочувствию. Физическое состояние является отражением души.

Больницы при монастырях, вероятно, были востребованы. Услуги врача-профессионала могла себе позволить только знать – т. е. меньшинство. Так что Церкви было даже выгодно оказывать медицинские услуги. Во-первых, лечение базировалось на эффекте плацебо (самовнушении пациента) и практически не требовало финансовых расходов. Во-вторых, «чудо исцеления» укрепляло веру папсты и прибавляло адептов. Миссия монахов соответствовала афоризму Аристотеля (который можно найти в сборнике «Пчела», широко распространенном на Руси): «добрый врачъ есть, иже иметься лѣковати больных и отчаяныхъ всѣми врачи»⁴. К представителям духовенства шли, находясь в отчаянии. Поэтому и ценность труда монаха-медика в такой ситуации высока. Он брался за то, что другим оказалось не под силу. Разумеется, у церковных

деятелей всегда было оправдание, если пациент не поддавался лечению и покидал этот мир.

Поэтому и говорить об очередях в монастырские больницы не приходится. Во-первых, судя по обличениям проповедников, в древнерусском обществе были сильны дохристианские верования: на чудо божественного происхождения до последнего не надеялись и предпочитали испробованные методы лечения – волшебное зелье или жертвоприношение. Во-вторых, на Руси монастыри часто бывали далеко от мест поселения крестьян, добраться до больницы не представлялось возможным.

Кстати, лечебница при монастыре не единственное место, где неродовитый заболевший мог получить хоть какую-то помощь. В «Повести временных лет» описывается, например, как князь Владимир Святой, вдохновившись евангельскими словами, а также примером ветхозаветных царей Давида и Соломона, приказал «нищю всяку и убогу приходити на дворъ на княжь и взимати всяку потребу: питье и яденье, и от скотъничъ кунами»⁵. А тем, кто ходить не мог, все необходимое привозили домой. Телеги с провизией ездил по всему городу и, увидя больного, останавливались. Организм, изнуренный физическим трудом и голодом, нуждался в полноценном питании. Особенно это, разумеется, касается тех, кто уже был недееспособен и почти не двигался.

Однако утверждать, что все монахи лечили только молитвой или обрядами, неверно. Например, лечец Агапит, который служил в Киево-Печерском монастыре, знал секрет приготовления исцеляющего снадобья. Лекарственные травы он, вероятно, выращивал на огороде в стенах монастыря. В Киево-Печерском патерике подчеркивается, что монах делился с пациентами трапезой и еда, им приготовленная, обладала чудодейственными свойствами. Однажды к нему за помощью обратился князь Владимир Мономах. Князь требовал, чтобы Агапит, нарушив обет, вышел за монастырские ворота и пришел к нему: «Видѣвъ же *посланный* от князя, яко не хоцеть ити, молитъ мниха, яко да поне зѣлиа дать. Принужень же бысть игуменомъ, дать ему зѣлие от своеа яди, да дать болящему. И егда же князь вкуси зѣлиа, и ту абие здравъ бысть»⁶.

Каким должен быть врач с точки зрения этики? Киево-Печерский патерик предлагает определенный сценарий поведения. Ухаживал за больными даже сам преподобный Феодосий. Он взял на себя заботу об Исакии Пещернике, который стал жертвой бесовских издевательств. Феодосий перенес его в свою келью, а «бѣ бо раслабленъ умомъ и тѣлом, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни вѣстати, ни седѣти, но лежаше на единой странѣ, *многы*

же и червие вметахуся под бедра ему с мочения и с поливания. Феодосий же сам своима рукама мыаше и опряташе; и лежа за 2 лѣта, святой же служа ему»⁷. Перед нами – образец человеколюбия и самопожертвования. Описывая действия преподобного, автор реализует сразу несколько задач: дополняет образ Феодосия, чьи религиозный подвиг и дар чудотворения заставляли прислушиваться к нему всех; демонстрирует, каким должен быть врач, и сразу противопоставляет Феодосия любому светскому лекарю, который, разумеется, так с пациентами не возился, а еще брал за услуги деньги, хотя состояние больного от его манипуляций редко улучшалось.

Монахи не рассматривали пищу как один из инструментов поддержания здоровья или лечения. Об этом свидетельствуют разговоры Святоши, до пострижения – князя, с его врачом Петром, сирийцем по происхождению. Лекарь просит блаженного быть внимательнее к своему здоровью, поскольку «не хочет бо Богъ чресь силу поста или труда». Режим питания, которого придерживается князь, живя в монастыре, может навредить ему: «Дивлюся утробнѣй ти влазѣ, иже иногда отягчѣнѣ бывше от сладкиа пища, нынѣ же убо суровое зелие и сухъ хлѣбъ приемлющъ трѣпит. Блюди, да нѣкогда недуг отвсюду събрався, и не имущю ти крѣпости, скоро живота гоньзнеши, мнѣ же не могущу ти помощи, оставиши плачь неутешим братама своима»⁸. Не раз с подобными увещаниями приходил Петр к преподобному. Однажды Святоша ответил: «...и ты убо, егда уврачюеши, не гнушати ли ся велиши брашень?»⁹. Получается, воздержание в пище духовенство оправдывало, помимо очевидной – религиозной, и с научной точки зрения. Убедить остальных членов общества в своей правоте, ссылаясь еще и на здравый смысл, разумеется, не требовало больших усилий.

Говорить о конкуренции на рынке медицинских услуг в Киевской Руси можно едва ли, однако монахи-лекари все-таки не упускали ни единой возможности продемонстрировать свое могущество. Рычагов давления на соперников было два. Первый – правовой. Правила пользования этим инструментом зафиксированы в «Уставе князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных», составленном в конце X – начале XI в. По примеру Византии Церковь, согласно документу, могла судить лекарей. Так устраняли конкурентов-язычников, тех, кто практиковал колдовство. Второй метод борьбы с оппонентами – информационный, публицистический. Не менее действенный, чем первый. У Церкви и тут была монополия. Например, монахи обвиняли в бессилии врачей-иностранцев, которые потому не справлялись со своими профессиональными обязанностями, что придерживались

не тех религиозных взглядов: «И нѣкто от Киева богатыхъ прокаженъ сый. И много от влѣхвовъ и от врачейъ врачюемъ бываше, и от иновѣрныхъ чловѣкъ искаше помощи, и не получи, но и грѣшее себѣ приобрѣте»¹⁰. Далее в Киево-Печерском патерике описывается, как через покаяние киевлянин исцелился. Не без помощи, конечно, преподобного Феодосия.

Разумеется, это не единственный случай выздоровления благодаря вере. Еще один произошел с преподобным и многострадальным отцом Пименом. Он был болен с детства, и юношей родители доставили его в Печерский монастырь в надежде, что монахи смогут вылечить его. Пимен лелеял мечту стать иноком, но богатые родители были категорически против. Как-то ночью, по словам преподобного, к нему пришли ангелы; одни – в образах прекрасных юношей, другие – игумена и братии. Они совершили обряд пострижения над Пименом и сказали, что он обретет здоровье только перед смертью. Монахи посчитали случившееся чудом и приняли юношу в состав братии. На протяжении 20 лет Пимен жил в монастыре и тяжело болел (судя по описаниям в патерике, он был парализован), а перед самой кончиной встал с постели и обошел кельи, где находились больные, с призывом проводить его в последний путь: «И абие словом его отступаше *болъзнь* от них, и здрави бывающе, *идоша* с ним». Примечательно, что преподобный выздоравливать и не хотел: он не только смирился с предсказаниями ангелов, но и, цитируя Евангелие, говорил, что мучение есть спасение души. Более того, этот эпизод содержит поразительную деталь: на протяжении долгих лет о Пимене почти не заботились, часто забывали не то что накормить, но и напоить его. Кстати, тех, кто плохо ухаживал за ним и другими пациентами, монах наказывал: «...на нерадивыа же и не хотѣвшаа служити болнымъ всѣхъ обиать недуг, по словеси блаженнаго»¹¹. Ключ к тайне, как Пимену удалось выжить в таких условиях, авторы Киево-Печерского патерика видят в исключительной вере святого.

Монахи не могли не поддерживать людей больных и немощных – это бы противоречило христианским заповедям. Но долго монаха все-таки было не вылечить пациента, а обличить происхождение его недуга или морально подготовить умирающего к расставанию с жизнью. «Чудеса исцеления» продлевали монастырю жизнь. За них братия получала финансовое вознаграждение от дарителей. Кроме того, впечатлительные прихожане укреплялись в вере, а это, в свою очередь, тоже приносило плоды – управлять паствой становилось легче. Рассказы о лекарях-монахах, их даре исцеления, самоотверженности в работе и бескорыстии вызывали

у читателя одобрение и симпатию. Истории о чудесном выздоровлении передавались из поколения в поколение, а при переписывании текстов обрастали новыми подробностями – становились еще правдоподобнее. Таким образом, описание деятельности монастырских врачей – публицистический прием воздействия на новообращенных христиан. Каритативная практика укрепляла позиции Церкви. В памяти паствы оставались только случаи настоящих чудес, а не случайных выздоровлений или вовсе летальных исходов. Примечательно, что в древнерусских текстах едва ли можно найти даже упоминание о том, как светский врач вылечил кого-то. Оно и понятно: записи той эпохи принадлежат перу их конкурентов – представителей духовенства.

Примечания

- ¹ Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 298.
- ² Одесский М.П. «Человек болеющий» в древнерусской литературе // Одесский М.П. Четвертое измерение литературы: Статьи о поэтике. М.: РГГУ, 2011. С. 148–150.
- ³ Библиотека литературы Древней Руси: В 15 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 284.
- ⁴ Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 499.
- ⁵ Повесть временных лет / Рос. акад. наук; подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. С. 56.
- ⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. С. 356.
- ⁷ Там же. С. 388.
- ⁸ Там же. С. 344.
- ⁹ Там же. С. 345.
- ¹⁰ Там же. С. 377.
- ¹¹ Там же. С. 501.

Н.П. ОГАРЕВ: АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В СТИХАХ

В статье рассматривается нетривиальный аспект автобиографической публицистики на материале текстов Н.П. Огарева – корпус его «стихотворных» автобиографических произведений. Анализируется их культурно-исторический контекст, делается вывод о сохранении в рассматриваемых текстах всех основных характеристик и особенностей автобиографической публицистики этого автора: программной откровенности и прямоты, гражданского пафоса, тонкого психологического анализа и отражения всего спектра научных, философских и практических увлечений.

Ключевые слова: автобиография, публицистика, Н.П. Огарев, лирика, автобиографическая лирика, история публицистики.

Автобиографическое (и публицистическое) наследие Н.П. Огарева¹ уникально тем, что внушительный корпус его работ подобного рода выполнен в, условно говоря, стихотворном виде: лирические зарисовки, поэмы, стихотворения на случай, дружеские послания. Совпадение трех, казалось бы, совершенно разноплановых по целям, формам и содержанию областей литературы дает экзотическое, но интересное для анализа образование, в котором в равной степени проявились аспекты личности Огарева – художника и общественного деятеля. «Поэт, поэт истинный», увлекающийся философией, науками, искусством, социально-общественными идеями и приложением их непосредственно к жизни, ощущавший постоянную потребность «рассказывать себя», естественным образом делал это в стихотворной форме. «Кажется, пятистопный ямб – дело человеческое», – выражал ближайший друг и единомышленник А.И. Герцен идею, справедливую для Огарева в еще большей степени.

«Рифмованной» автобиографической публицистике Огарева присущи те же «родовые» черты, что и его традиционно-прозаическим текстам, прежде всего – особое взаимоотношение их с действительностью. Это не только (и не столько) фиксация событий индивидуальной жизни и рефлексии, но и (во многом прямая, неадаптированная) проекция жизни общественной: истории идей, научных, философских веяний, экономических и социальных событий. Кроме того, в более или менее открытой форме манифестированная гражданская, социальная, политическая (например, в отношении Польши) и программно-личная позиция.

Безусловно, далеко не все произведения подобного рода появлялись в печати из-за цензуры, однако ходили в списках и были известны читателям. Большинство программных произведений Огарева увидело свет позже, в «Полярной звезде» (так, поэма «Господин» вышла в 1857 г., «Кавказские воды» – в 1861 г.), первые две части поэмы «Юмор» вышли отдельной книгой в Лондоне в 1857 г.

Еще одна отличительная особенность мемуарного (в том числе, стихотворного) наследия Огарева – предельная, исповедальная искренность. Огарев вообще часто использует слово «исповедь» и как название автобиографических отрывков, и как их жанровое определение («Моя исповедь», «Исповедь», «Исповедь лишнего человека»). Установка на искренность, а также медицинская точность записей душевных движений служили автору материалом для последующего самоанализа. Анализ и понимание психологических глубин, фиксирование их на бумаге, точная вербализация оттенков чувств были необходимы ему как поэту, в то время как Огарев-исследователь пытался найти физиологические, вполне материалистические причины тех или иных эмоций и поступков. «Я хочу посмотреть, каким образом это животное, которое называют Н. Огарев, вышло именно таким, а не иным, в чем состояло его физиолого-патологическое развитие, из каких данных, внутренних и внешних, оно складывалось и еще будет недолгое время складываться», – писал Огарев в «Моей исповеди»². Эта целевая установка распространялась в равной степени и на его прозаические, и на лирические произведения. «...Откуда же бралась вся эта жесткость? / Как объяснить?.. Среда да организм... / Безвольное движение поступков! / А там пришло сознание греха...» (2, 256) – вот типичный образчик рефлексии Огарева – полупозитивиста, полугероя Ф.М. Достоевского.

Вера в то, что человеческую жизнь можно разложить на «простейшие начала», логически вывести закономерности характера и

поступков из особенностей развития, типологизировать свой уникальный опыт как опыт современников, – все это превращает лирические мемуарные записи Огарева в произведения публицистические.

...Стремилась мысль к своей заветной цели.
И я в рядах событий и вещей
Следил их формулу.... Иного званья
Без вымыслов признать не может ум... (2, 252) –

несколько коряво формулировал мысль автора лирический герой поэмы «Исповедь лишнего человека» (1858–1859).

Точное совпадение героя стихотворений с личностью автора также приближает немалую часть поэзии Огарева к публицистике. В них выступает не столько лирический герой, образ и мировоззрение которого объединяет цикл или же отдельные стихотворения, а непосредственно автор, выбравший для автобиографических заметок стихотворную форму.

Поясняя особенности определения «лирического героя», Л.Я. Гинзбург отмечает: «...этот лирический двойник, эта живая личность поэта отнюдь не является эмпирической, биографической личностью, взятой во всей противоречивой полноте и хаотичности своих проявлений»³. «Принцип» лирики Огарева контрастно нарушает эту характеристику: его лирическое «я» как раз максимально тесно связано с «биографической личностью», вплоть до мельчайших ежедневных подробностей и единичных проявлений, во всей «полноте и хаотичности».

Прочитанные последовательно, с поправками на хронологию, стихотворные произведения Огарева вполне могут составить полную его автобиографию, со всеми необходимыми программными акцентами и центральными событиями личной и общественной жизни: от предков автора, его рождения и до самого преклонного возраста. При этом значительно разнится и масштаб этих событий: от попыток охватить всю прожитую жизнь и дать ей оценку – до поденных записей мельчайших происшествий.

Огарев предъявляет к себе суровые этические и гражданские требования, часто сопоставляя размах и высоту юношеских стремлений – и последующие реалии с неизбежными «поправками» косной материи. Результат видится часто печальным: «И жалок мне мой прошлый путь! / Я много ль истине дал ходу, / Свершил ли я хоть что-нибудь?», «Что ж я?.. споткнувшийся пророк / Или так... распутный старичок?» («Юмор»: 2,69).

...мы – дети декабристов
 И мира нового ученики,
 Ученики Фурье и Сен-Симона –
 Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
 Народу и его освобождению,
 Основую положим социализм <...>
 И что ж потом? что ж вышло? – Ничего!
 («Исповедь лишнего человека»: 2, 252–253).

Подчас несоответствие «мечтаемому» образу видится автору почти трагическим, и ирония здесь лишь усугубляет ощущение провала:

Напиваясь брагой кроткой,
 Напиваясь вином,
 Напиваясь просто водкой,
 Шел я жизненным путем.
 И сломал себе я ногу,
 И, хромающий поэт,
 Все же дожил понемногу
 До шестидесяти лет⁴.

Огарев – поэт меланхолического тона, жизнь – как личная, так и общественная – печальна и полна боли, в лирике он редко доходит до трагизма. Лирико-автобиографический посыл Огарева вполне укладывается в известную формулу разочарования в поколении и современной истории, выдвинутой другом Герценом: «Наше историческое призвание, наше деяние в том и состоит, что мы нашим разочарованием, нашим страданием доходим до смирения и покорности перед истиной и избавляем от этих скорбей следующие поколения. Нами человечество протрезвляется, мы его спохмелее, мы его боли родов...»⁵.

Немалую долю в рассматриваемом корпусе текстов Огарева занимают автобиографические стихотворения, аккуратно передающие события жизни автора и его окружения, а также их культурно-исторический контекст и авторский комментарий. Такова программная поэма «Юмор» (1840–1841 – две первые части, от фр. *humeur* – настроение), которую исследователь творчества Огарева В.А. Путинцев назвал «своеобразным поэтическим дневником того времени».

В поэме есть и воспоминания детства, и хронология событий за 1840–1841 гг., в том числе поездка в Петербург для получения

паспорта («Я еду завтра. Может быть, / Меня отпустят за границу...») (2, 33), первые впечатления от столицы, планировавшаяся поездка на Кавказ в 1840 г. (2, 17). Упоминаются и сложности с получением заграничного паспорта, и полицейский надзор – с «фирменным» мягким огаревским юмором:

Ах, если б можно было мне
 Поездить наконец по воле,
 В любимой южной стороне! <...>
 Но я в России, милый друг,
 Как жук, привязанный за ножку,
 Могу летать себе вокруг
 И недалеко и немножко;
 А нить не вытащишь из рук...
 Что значит жук – простая мошка
 В сравненьи с толстым пауком
 В мундире светлоголубом? (2, 26).

Упомянуты ссылка М.Ю. Лермонтова после дуэли с Барантом (апрель – май 1840 г.) и статья В.Г. Белинского о «Герое нашего времени» (июнь – июль 1840 г.). Огарев высказывается и на политические темы, сочувствует Польше:

Везде сидит орел двуглавый,
 Над жертвой крылья распустив
 И когти хищные вонзив.
 Мне жалко жертву... (2, 62).

Есть в поэме и некоторый гражданский пафос, порой доходящий до радикализма:

Есть к массам у меня любовь,
 И в сердце злора Робеспьера.
 Я гильотину ввел бы вновь...
 Вот исправительная мера!
 Но нет ее, и только в них
 Могу я бросить желчный стих.

Примечательно, что в своей философской, рефлектирующей лирике Огарев применяет те же методы (естественнонаучные, условно-психоаналитические), что и в прозе, и даже включает в стихотворные произведения ту же научную терминологию, что и в

прозаические отрывки («Нельзя идти, стремясь к добру, / На труд общественного дела, / Поэтизируя хандру...» (2,75)).

Третья часть поэмы, написанная в 1867–1868 гг., резко отличается от первых двух, гораздо более «политизирована» и публицистична: в ней немало программных заявлений о положении в России («Вы верите, что юный царь / Есть, так сказать, освободитель?» (2, 71)) и мрачных лирических излияний на гражданские темы («Ряд смертей и погребений – / Все бесследно в мгле пустой» (2, 74)).

Некоторые автобиографические стихотворения Огарева имеют совсем иной масштаб – порой это даже не просто поденные записи, а почасовые хроники событий, сохраняющие, однако, авторский комментарий и рационально-философские рассуждения на «вечные» темы. Таковы, например, «Настоящее и думы (письма к Герцену)» – стихотворные зарисовки, написанные в 1863 г. во время болезни Лизы, дочери Н.А. Тучковой-Огаревой и А.И. Герцена (официально – Огарева). Вновь Огарев стремится к синтезу разноплановых тем: страх за ребенка и подробный медицинский анализ соседствуют с атеистическими философскими замечаниями, снами и бытовыми описаниями характера и действий Тучковой-Огаревой.

...Мой ужас прост: мое дитя больное
 В соседней комнате. Малейший звук
 Я слушаю сквозь веянье ночное,
 И жду беды, и чувствую испуг <...>
 Природа (иль – по-древнему – натура) –
 Ни мать, ни мачеха, а просто дура.
 Родит себе и рушит наповал,
 И все равно ей – смерть или родины;
 А человек в ней цели отыскал
 И умные последствия причины... (1, 373–374).

Точные автобиографические детали и социальный публицистический подтекст заметны даже в стихотворениях устойчивого жанра – элегиях, дружеских посланиях («<А.А.> Тучкову (21-го июля)» (1839), «Отцу» (1839), «Лизе» (1860)), даже в лирике «некрасовского образца». Таково, например, стихотворение:

Безлунной ночью плыл труп по реке <...>
 ...Я знаю, чей плыл это труп молодой, –
 Труп женщины, рушенной горькой бедой.
 Не выдержал мозг – столько жизнь не легка, –
 Ее утопила любовь да тоска.

Это не обобщенный образ обманутой и брошенной женщины, от отчаяния и нищеты решившейся на самоубийство, но запись о некоей Шарлотте Хадсон – бывшей возлюбленной сына Герцена Саши, родившей от него ребенка, позже жившей в доме малосимпатичной подруги Огарева, «падшего, но немилого создания» Мэри Сеттерленд, и от тяжелой жизни покончившей с собой.

Помимо «Юмора», к основным автобиографическим стихотворным запискам Огарева можно отнести поэмы «Тюрьма», «Деревня» и «Господин», а также лирический цикл «Buch der Liebe».

Поэма «Тюрьма (Отрывок из моих воспоминаний)» (1857–1858) была написана Огаревым о событиях 1834 г. – аресте его и группы товарищей (в том числе Герцена) по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи». Стихов ни он, ни Герцен не пели, а «дело» было организовано полицией, однако арест, последующее заключение и ссылка были настоящими.

Автор и через четверть века помнит мельчайшие детали тюремной обстановки («Там было комнат пять – едва / В длину шести-семиаршинных» (2, 208)) и всех посетителей – даже работниц у казарм. В тюрьме, судя по поэме, было не так уж плохо, к тому же здесь впервые юный борец за права народа ощутил с этим народом взаимное братское чувство:

...И сам фельдфебель обнял братски...
 Я был им брат, был им родной <...>
 ...Новой силой
 Я был исполнен... Миг святой!
 То было тайное сознание,
 Что я народу не чужой! –
 Что мне тюрьма и что изгнание?.. (2, 214).

И Огарев, и Герцен рассматривали заключение как дело в общем благое, окончательно сформировавшее их гражданское и политическое мировоззрение и позицию.

Себя юношу Огарев рисует как молодого «борца», рефреново повторяя «в библии гадал, / Чтоб вышли мне по воле рока / И жизнь, и скорбь, и смерть пророка» (2, 212). Это знаковое сближение судьбы поэта и пламенного приверженца новой религии: здесь Огарев затрагивает один из своих любимых образов – последователя раннего христианства, готового погибнуть за новую религию.

Особое место среди автобиографических произведений Огарева занимает лирический цикл «Buch der Liebe» (1841–1844) – 45 стихотворений, большая часть которых была написана во время

путешествия по Европе. Эти лирические монологи – послания к Евдокии («Душеньке») Сухово-Кобылиной, младшей сестре известного драматурга, московской светской красавице, предмету его нежной, но тайной любви.

Стихотворения-монологи, входящие в цикл, автобиографичны (а также – «автогеографичны»), по ним можно проследить передвижения автора (Пиза – Флоренция – Ливорно – Рим и окрестности – Неаполь – Генуя – Берлин), точные лирические зарисовки тончайших оттенков чувства: «...все перемены, которым оно подвергалось, прослежены Огаревым от даты к дате и нашли свое выражение в его искренних автобиографических признаниях»⁶.

Одними из лучших образцов экзотического жанра лирической автобиографической публицистики можно назвать поэмы «Деревня» и «Господин». Обе поэмы, написанные в «акшенский» период («Деревня» – в 1847 г., «Господин» – в конце 1840-х годов), схожи как по форме: они написаны под явным влиянием «Евгения Онегина», так и по автобиографической основе: молодой помещик приезжает в поместье, где часто проводил лето в детстве, с целью коренных преобразований в экономике имения и улучшения жизни крестьян. Точно описаны и интерьер господского дома, и важные для Огарева сквозные темы всего его творчества: любви и ощущения себя «лишним человеком», обремененным чувством вины за праздную жизнь:

Он начал думать о себе,
О том, что молодость проходит,
А он одно в своей судьбе
праздношатание находит... (2,106).

Цель героев благая: они едут в деревню,

Чтоб дело делать в этом мире:
Начать воспитывать крестьян,
В их нравах сделать улучшенья,
Зерно ума и просвещенья
Посеять в глушь далеких стран (2,107).

В краткой предыстории героев есть точные совпадения с фактами биографии Огарева: там есть и «ласки граций покупных», и «вин и водок чуть не море», и посещение лекций и галерей во время путешествия в Европу («Филологии, медицине, / Всему учась во всех странах...» (2, 86)), и тайная любовь – явный намек на Евдокию-Душеньку Сухово-Кобылину («<...> слишком трудно, безнадежно / Он любит вот уже пять лет» (2,108)).

Однако и работа заводов (винокуренного, сахарного и писчебумажной фабрики), и попытки преобразований крепостных в вольнонаемных работников потерпели неудачу, заводы прибыли не давали, а крестьяне и мастера на воле работали так же неохотно, как и в крепости. Огарев оказался банкротом и вместе с незаконной женой, юной Н.А. Тучковой, стал хлопотать об отъезде за границу.

Финалы поэм представляют нечто вроде «экстраполяции» судьбы Огарева, который как будто продумывал возможные варианты дальнейшей жизни и действий.

Главный герой поэмы «Господин» Андрей Потапыч поначалу пытается проводить в имении реформы, однако скоро устает, «опускается», заводит любовницу из дворовых девок, ограниченную и жестокую, и спивается. Будучи подвержен несчастной склонности к алкоголю, Огарев вполне осознавал подобный вариант развития событий.

В «Деревне» Огарев визионерски пророчествует о собственном будущем. Разочаровавшись в возможности непосредственных изменений на родине («Я только на пустынный труд / Растрочу силу и отвагу. / Один не изменю я ход, / Который избрали: народ, / Его правительство и барство (2, 104)), он говорит о будущей эмиграции и антиправительственной пропаганде: «Уйду, чтоб в каждое мгновенье / В стране чужой я мог казнить / Мою страну, где больно жить...» (2, 104), «Я стану в чуждой стороне / Порядок, ненавистный мне, / Клеймить изустно и печатно» (2, 105)).

С 1847 г. до отъезда за границу – к Герцену в Лондон – Огарев пишет множество разрозненных автобиографических стихотворений, по которым можно проследить канву основных событий в его личной жизни тех лет и узнать лирические размышления автора по их поводу. Так, в стихотворении «Искандеру» отразился мировоззренческий разрыв с друзьями, произошедший в 1847 г. на даче Герцена в Соколове: «Я правды речь вел строго в дружном круге – / Ушли друзья в младенческом испуге» (1, 244).

Характерно, что у любвеобильного Огарева почти нет любовных посланий Н.А. Тучковой – возможно, чувство к ней было во многом «программным» (косвенным подтверждением тому было предложение фиктивного брака) и сменилось скукой и быстрым разочарованием. Одно из немногих – «К Н.<А.Тучковой>» (1850-е) – больше походит на революционную песнь, чем на послание любимой, соединение с которой состоялось, несмотря на условности общества:

На наш союз святой и вольный –
Я знаю – с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колесей <...>
С улыбкой грустного презренья
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытерпим гоненья... (1, 257).

Начиная с этого периода большинство автобиографических записей (как стихотворных, так и остальных) отличаются глубоким пессимизмом, унынием, в лучшем случае – горькой иронией.

Так, сбежав в Крым в 1853 г., Огарев пишет стихотворение «Сплин» с пометкой «Посвящено Н.<А. Тучковой>»: печальная осень, смерти и утрата друзей – его лейтмотивы.

Полны пессимизма и стихотворение «Немногим» – на отъезд из России (1, 289), и «И<сканде>ру» (1856), написанное по приезде в Лондон на встречу с лучшим другом. Огарев сетует на изменения в здоровье:

...Но годы уж не те! И кровь напитком жгучим
Бесплодно в жилах разогрев,
Уже мы не пойдем в волнении могучем
На праздник сладострастных дев (1, 292).

Во время эмиграции, с конца 1850-х годов, заметна смена тематики и пафоса стихотворений Огарева: почти исчезают упоминания о событиях личной жизни, и автобиографическая публицистика превращается просто в публицистические зарисовки, памфлеты и политические воззвания. Показательно, что с этого же времени основное автобиографическое произведение Герцена «Былое и думы» (части VI–VIII) также практически утрачивает «личную» составляющую, полностью концентрируясь на публицистике. Общее «личное» друзей и единомышленников более не существовало в единении с историческим и гражданским «общим» и не подлежало огласке.

Примечания

¹ Подробнее о жанре автобиографической публицистики см.: *Одесский М.П.* Автобиографическая публицистика М.А. Бакунина и идеология «славянской взаимности» // Вестник РГГУ. 2012. № 13 (93). Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». С. 153–170. О своеобразии

- автобиографической публицистики А.И. Герцена и В.С. Печерина см. статьи: *Волошина С.М.* Художественное своеобразие публицистики А.И. Герцена: Приемы контраста и метафоры // Там же. 2011 № 6 (68). Серия «Журналистика. Литературная критика». С. 180–188; *Волошина С.М.* Проблема житнетворчества в автобиографической публицистике В.С. Печерина: («Замогильные записки» и роман Ж. Санд «Спиридион») // Там же. 2012. № 13 (93). С. 171–182.
- ² *Огарев Н.П.* Избранные произведения: В 2 т. / Вступ. ст. В.А. Путинцева, подгот. текста и примеч. Н.М. Гайденова. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1: Стихотворения; Т. 2: Поэмы. Проза. Литературно-критические статьи. С. 392. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.
- ³ *Гинзбург Л.Я.* О лирике. М.: Интрада, 1997. С. 161.
- ⁴ Неизданные и несобранные произведения Огарева / Вступ. ст., публ. и коммент. Я. Черняка // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 61. С. 646.
- ⁵ *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852–1868. Часть V // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965. Т. 10. С. 122.
- ⁶ Там же. С. 649.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

Данная работа посвящена публицистическим статьям Н.А. Бердяева о Первой мировой войне. Знаменитый русский философ утверждал, что суть германского милитаризма – это нигилистическая программа, реализованная в довоенной деятельности футуристов. Такой подход позволяет Бердяеву анализировать Великую войну с точки зрения культуры.

Ключевые слова: публицистика, Первая мировая война, Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский, футуризм.

В данной работе объект анализа – статья Н.А. Бердяева «Футуризм на войне» (Биржевые ведомости. 1914. 26 окт.). Эта статья интересна тем, что она, с одной стороны, входит в цикл публицистических работ, «написанных за время войны до революции» и утративших для автора актуальность, когда «война внутренне разложилась и потеряла свой смысл»¹, а с другой – философ не включил ее в книги 1918 г. «Судьба России» и «Кризис искусства», в которых собрал свою военную публицистику.

Интригующий заголовок эффектно сопрягает темы Мировой войны и скандального футуризма. Бердяев начинает с воспоминаний о недавней полемике в российском обществе: «Интересы прошлогоднего сезона в значительной степени стояли под знаком футуризма. Неисчислимое количество публичных лекций, публичных статей и частных разговоров было посвящено шумихе футуризма. <...> Когда разразилась мировая катастрофа и люди были поставлены перед истинными вопросами жизни и смерти, тема о футуризме оказалась естественно снятой, как и многое наносное и второстепенное»². В годы военных испытаний «тема о футуризме», будучи «естественно снятой» в литературном аспекте, «переходит в массовую историческую жизнь»: «В методах и приемах, которы-

ми германцы ведут войну, есть очень много футуристического <...> Это – явление XX века, вооруженное всеми методами и приемами новейшей техники и промышленности. Германский милитаризм есть типически футуристическая механизация и автоматизация человеческой массы и человеческой жизни».

К моменту публикации статьи Бердяева сближение немецкого милитаризма с футуризмом было уже освоено российской публицистикой. По словам А.В. Крусанова, «война усилила тенденцию к распространению понятия “футуризм” за пределы искусства и одновременно изменила восприятие футуризма: на первый план вместо эксцентричности, скандальности и отрицания здравого смысла вышла тема разрушения»³. Исследователь цитирует соответствующие пассажи из газет сентября–октября 1914 г.: «На первый взгляд, сравнение германцев с футуристами покажется парадоксом, ибо что общего между воинственными немцами, поставившими своей задачей завоевание всего мира, и мирными футуристами, вроде наших Бурлюков и итальянских Маринетти. Но общее между ними есть. Футуристы поставили своей целью уничтожение древнего искусства. Эту же цель преследуют и немцы, варварски уничтожая все встречающиеся на их пути древние памятники искусства. Доказательство – разгром Лувена, разрушение Реймского собора и покушение на разрушение Собора Богоматери в Париже»⁴.

Бердяев приводит те же публицистические доказательства германского футуризма: «Футуристическая война германцев уже дала свои плоды. Часть футуристической программы Маринетти германские войска уже осуществили; они разрушают старую культуру, истребляют старые города, храмы, произведения искусства». Однако философ, не оспаривая газетной топики, по-своему аранжирует ее и выстраивает оригинальный интеллектуальный «сюжет».

Прежде всего, Бердяев переводит обсуждение в *культурологический* план. Он разграничивает «футуризм в литературе и искусстве», все-таки возникший в Италии, и так называемый «жизненный футуризм», реализованный в Германии: «В Германии всего менее был представлен футуризм в литературе и искусстве. Колыбелью футуризма были латинские страны, желавшие освободиться от тяжелого бремени своего великого прошлого. Но в Германии назревал футуризм другого рода, гораздо более существенный и грозный, жизненный футуризм – в ее милитаризме и ее промышленности».

«Футуризм в литературе и искусстве» безусловно ассоциировался с деятельностью итальянского поэта Ф. Маринетти (русских футуристов-будетлян для Бердяева словно не существует), и в

1913 г. задиристый В.В. Хлебников мечтал, что сразится с Маринетти не только на бумаге, но и на поле битвы: «Я уверен, что некогда мы встретимся при пушечных выстрелах в поединке между итало-германским союзом и славянами на берегах Далмации»⁵. Однако в Первой мировой войне Италия выступила союзником России, и Бердяев «реабilitирует» итальянский футуризм, о чем подробнее пишет в другой статье того же времени «Чувство Италии» (Биржевые ведомости. 1915. 2 июля): «В великой войне сторгит футуризм, как и многое другое, и пробудятся те силы латинской расы, которые в ней подлинно еще есть. Италии придется не разрушать памятники своего былого величия, а защищать их от футуризма германского. Вероятно, и сам Маринетти будет защищать»⁶.

Напротив, «жизненный футуризм» – порождение германской культуры. «Жизненный футуризм» – атрибут технического прогресса; «германская армия являет миру технические чудеса»; значит, «жизненный футуризм» есть современная Германия: «Этот футуризм незаметно угашал человеческий дух, превращал человека в средство для чудовищного, бездушного механизма. Дуализм духа и материи в Германии сильнее, чем где бы то ни было. <...> Жизнь органическая, стихийная жизнь во плоти и крови там превращается в автоматический “автомобильный” механизм, подчиняется механической дисциплине. <...> У германцев исконная варварская грубость, присущая их расе, соединилась с варварством от цивилизации».

Альтернативу футуризму – итальянскому «футуризму в литературе и искусстве» и германскому «жизненному футуризму» – Бердяев видит в славянстве. Однако описание славянского типа культуры в «Футуризме на войне» настолько конспективно, что снова приходится обратиться к другим статьям военного цикла.

Культурологическую суть конфликта славянства и германства Бердяев специально анализирует в статье «Война и возрождение» (Утро России. 1914. 17 авг.): «Пангерманизм – вечная угроза для славянства, для его существования и будущего. Поэтому все, что совершается на Балканах, у маленьких славянских народов, казалось бы, не имеющих мирового значения, отзывается на всем мире, затрагивает мировую вражду германства и славянства. Эта всемирно-историческая расовая вражда заостряется в роковой распри Германии и России, – великой выразительницы славянской расы и славянского духа»⁷.

Подобная интерпретация «славянской идеи» напоминает славянофильство, но к нему не сводится. Бердяев четко различал «славянскую идею» в качестве родового понятия и ее исторические

реализации (соответствующая глава в книге «Судьба России» прямо озаглавлена – «Славянофильство и славянская идея»⁸). С этой точки зрения различными реализациями «славянской идеи» могут считаться – на равных правах со славянофильством – панславизм М.П. Погодина и Ф.И. Тютчева, «славянская федерация» М.А. Бакунина, польский мессианизм А. Мицкевича, «славянская взаимность» Я. Коллара и т. д.⁹

В частности, своеобразие «славянской идеи» Бердяева, которое решительно отличает его от славянофилов, но вписывается в богатый спектр исторических реализаций «славянской идеи», составляет призыв к примирению русского народа с польским: «Наша политика должна стать решительно полякофильской. Это – обратная сторона антигерманской политики. Нравственный залог нашей победы в том, что мы боремся не только за сербов, но и за поляков, за весь славянский мир»¹⁰ (Россия и Польша // Биржевые ведомости. 1914. 10 окт.). Это примирение обретает у Бердяева глубинный культурологический характер: «Теперь уже совершенно ясна связь судьбы Константинополя и судьбы Польши с судьбой германизма. Слишком ясно, что исторические задачи России могут быть осуществлены лишь в разрыве с германизмом, лишь в победе над германским могуществом. Освобождение славян, освобождение Польши, обладание проливами и Константинополем – таковы задачи, поставленные в войне с Германией и Австрией»¹¹ (Германия, Польша и Константинополь // Биржевые ведомости. 1915. 15 мая).

Постижение русско-польских отношений в культурологическом контексте неизбежно влекло за собой вопрос об авторитетном в польской мысли течении мессианизма: «У польских мессианистов, у Мицкевича, Товянского, Цешковского, было очень чистое жертвенное сознание, оно загоралось в сердце народном от великих страданий»¹². В такого рода акцентировании польской составляющей и ее мессианского характера Бердяев явно вдохновлялся примером В.С. Соловьева, с риском оскорбить патриотические чувства читателей писавшего в знаменитом «Оправдании добра»: «Широкий идеализм польского духа, впечатлительного к чужим влияниям до увлечения и энтузиазма, составляет характерную черту, слишком очевидную. Универсализм поляков заслужил им со стороны ограниченных националистов упрек в “измене славянству”. Но кто знаком с корифеями польской мысли – Мицкевичем, Красинским, Товянским, Словацким, тот знает, насколько в их универсализме проявилась великая сила национального гения»¹³. По словам современного специалиста, Соловьев считал, что именно Россия «может инициировать процесс интеграции человечества,

а для этого, в качестве первого шага, ей предстоит объединение славянских народов, “собрание славянского мира”. И это дело воспринималось Соловьевым не как абстрактная идея или отдаленная задача, а как реальная “ближайшая, естественная цель” российской политики (вспомним, что его статья называется “Славянский вопрос”, а не “Славянская идея”), что вполне понятно и оправданно в период, когда Россия брала на себя миссию освобождения южных славян. Однако философ был уверен, что для того, чтобы Россия стала “настоящим центром единения” славян, она должна изменить свое отношение к Западу, к католицизму (что поможет решить не только польский вопрос, но и сблизиться с остальными славянами-католиками)»¹⁴.

Вместе с тем Бердяев считал и польский мессианизм, и славянскую концепцию Соловьева, и русский мессианизм (в версии славянофилов и Достоевского) равно неполными. Мессианизм предполагает слияние национального с универсальным и готовность к жертве. Потому идея славянства становится истинно мессианской лишь теперь – в экстремальных обстоятельствах Мировой войны: «Странная и особенная судьба, запечатленная избранничеством! Ныне стоит перед Россией новая жертвенная задача. Россия призвана и избрана охранить не только славянство, но и весь культурный мир от германской опасности, обращенной ко всем народам своим варварским ликом»¹⁵. Ясно, что при таком подходе к противостоянию национальных культур мысль Бердяева проецируется на новый план – *мессианский*.

Определение современной формы мессианской борьбы против «жизненного футуризма» Бердяев уточняет в полемическом диалоге с Д.С. Мережковским, о которой сигнализируют знаковые слова из статьи «Чувство Италии»: «В футуризме есть хамизм незначительных детей великих отцов». Это – явная аллюзия на статью Мережковского «Еще шаг грядущего Хама» (Русское слово. 1914. 29 июня), в которой автор использовал свою знаменитую формулу «грядущий хам» для составления «инвективы футуристам»¹⁶. Как ни странно, в использовании формулы Мережковского сам Мережковский выступил продолжателем А.Н. Бенуа. По замечанию Н.И. Харджиева, заглавие работы Мережковского впервые «было использовано в полемических целях Александром Бенуа в одном из его “художественных писем” о новом искусстве (1912). Вскоре после диспутов “Союза молодежи” [в 1913 г. – М. О.] А.Н. Бенуа с еще большей резкостью повторил свой выпад: “Знаете ли что возводят ‘они’ в свои кумиры? Машинность! – иначе говоря, один из видов смерти, один из признаков грядущего хама”»¹⁷.

Мережковский считает достойным обсуждать не футуризм, а лишь «те причины, которые заставляют о нем говорить»¹⁸. По Мережковскому, «футуризм – благословение сегодняшнего дня, поклонение существующему порядку вещей, “образу мира сего, преходящему”, – как вечному. Да не будет того, что было; да не будет того, что будет, – да будет то, что есть. Футуризм называет себя “футуризмом” (от *futurum* – будущее), чтобы скрыть главную сущность свою – отрицание будущего». И Бердяев практически дословно повторяет его, отказывая футуризму в праве на истинное представление о будущем: «Футуризм терминологически связан с будущим, грядущим. Но в сущности он отрицательно связан с прошлым и настоящим, он внутренне скован реакцией на прошлое и старое, в нем нет внутренней свободы». По Мережковскому, «футуризм – рабья песнь машине, владычице мира». В этом зачарованный эсхатологическими видениями обличитель «грядущего Хама» прозревает откровение – «“апокалипсис” обратный и нечаянный»: «От Бога – к Зверю, от Зверя – к Автомату, механизму бездушному – таков путь нисхождения, футуризмом начатый, но не им предсказанный». Спасение от приближающейся глобальной катастрофы Мережковский находит в истинном христианстве: «Что такое “хам”? Раб на царстве. Без Царя Христа не победить Хама. Только с Царем истинным можно сказать рабу на царстве: ты не Царь, а Хам». Отождествляет футуризм с «машиной» – вслед за Бенуа, Мережковским – и Бердяев.

Своеобразие же подхода выражается в том, что, согласно Бердяеву, теперь пророчество исполнилось: футуризм не «“апокалипсис” обратный и нечаянный», но политическое настоящее – Мировая война и германский милитаризм. Политизация футуристического апокалипсиса позволяет принципиально уточнить и спасительный путь. Это – славянский мессианизм: «Цивилизованное есть духовное варварство. Этот роковой процесс нельзя предотвратить и победить каким-либо охранением органических устоев жизни. Ему можно противопоставить лишь свободу духа. И я верю, что в славянстве, в России есть та свобода духа, которая может быть противопоставлена футуристической войне с ее автоматическими чудовищами. Этот иной дух должен сказаться и в ином духе нашей армии, в преобладании у нее факторов духовных над факторами механическими и автоматическими. <...> Славянство должно явить миру более высокий тип, чем германство, не потому, что оно технически отстало, менее цивилизовано и держится за старые устои, а потому, что в нем есть более высокие технические потенции, обращенные к грядущему, а не прошедшему. Славянство –

раса будущего, а не прошлого, и в расе этой невозможно варварство от ложной цивилизованности».

Формула «свобода духа», что «противопоставлена футуристической войне с ее автоматическими чудовищами», конкретизируется в статье «Дух и машина», которой Бердяев значимо увенчал всю книгу «Судьба России». Эпатажно называя свою позицию «духовным марксизмом» (и тем самым полушутливо апеллируя к давним спорам марксистов с народниками), философ призывает не идеализировать аграрное общество и техническую отсталость: «Но порабощающей власти развитой техники можно противопоставить высокий и свободный дух, но нельзя противопоставить технику отсталую и элементарную. Материальная отсталость и элементарность не есть сила духа»¹⁹. Если Мережковский распознал в «Автомате» шаги Антихриста, то Бердяев определяет машину как «путь духа в процессе его освобождения от материальности»²⁰. Статья (и вся книга «Судьба России») завершается оптимистическим рецептом: «Если Россия хочет быть великой Империей и играть роль в истории, то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадает в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется ее глубина»²¹.

Наконец, в финальный абзац «Футуризма на войне», суммирующий содержание статьи, закрадывается фраза, которая проецирует обсуждение футуризма на *астральный* план. Бердяев вдруг возвращается к эстетическим аспектам футуризма: «За именем “футуризм” скрываются действительно новые искания в поэзии и живописи и новые, не выявленные еще мироощущения». Действительно, в статье «Пикассо» (впервые – журн. «София». 1914. № 3; вошла в книгу «Кризис искусства») Бердяев специально исследовал художественный авангард при помощи приблизительно тех же категорий, которые он прилагал к анализу современной техники: «Живопись погружается в глубь материи и там, в самых последних пластах, не находит уже материальности. Если прибегнуть к теософической терминологии, то можно сказать, что живопись переходит от тел физических к телам эфирным и астральным»²². В статье «Пикассо», как и в «Футуризме на войне», Бердяев утверждает, что собственно футуристическая поэзия «до сих пор не дала ничего значительного», однако здесь он называет писателя, который реализовал новые духовные веяния: «Но вот Андрей Белый, которого я считаю самым оригинальным, значительным, близким к гениальности явлением русской литературы, может быть назван кубистом в литературе. В его романе “Петербург” можно открыть тот же

процесс распластования, расслоения космической жизни, что и в картине Пикассо»²³. Отождествление литературной позиции Белого с футуризмом или кубизмом вызывает естественные споры. Безусловно, некоторое сходство присутствует²⁴. Вместе с тем Белому случалось атаковать футуризм, подобно Бердяеву апеллируя к статье Мережковского (эссе 1918 г. «Кризис жизни»): «...футуристические манифесты о разгроме искусства обернутся действительностью; томагавок *“грядущего хама”* грозит Джиоконде»²⁵. В любом случае: Бердяев готов принять в Андрее Белом писателя-кубиста, коль скоро он не воспекает «машину», а открывает символизируемую ею духовную истину.

Закономерно, что статья, где детализируется анализ «Петербург» (Биржевые ведомости. 1916. 1 июля; вошла в «Кризис искусства»), декларативно озаглавлена – «Астральный роман». Также закономерно, что в обобщающей статье «Кризис искусства», которая специально писалась для книги 1918 г. и дала ей заглавие, Бердяев относит Белого не только к кубизму, но и определенно к футуризму: «Все эти вихри – астральные вихри, а не вихри физического мира или мира человечески-духовного. Футуристическое мироощущение и футуристическое творчество А. Белого тем радикально отличается от других футуристов, что оно связано у него с большим духовным ведением, с созерцанием иных планов бытия»²⁶.

Варьируя газетную топику и играя ее проекциями (в культурологическом, мессианском, астральном планах), Бердяев подвергает футуризм своего рода «молекулярному анализу» и разлагает на несколько «футуризмов». Футуризм – не только искусство, но духовная основа «машины» и германского милитаризма. Вместе с тем славянство, ведя судьбоносную борьбу с германством, получает уникальную возможность воплотить мессианские чаяния – не отказаться от «машины», а поставить ее на службу новым духовным задачам и тем самым обрести «свободу духа». Футуризм – симптом: он вопрошает о будущем, хотя «внутренне скован реакцией на прошлое и старое». «Расой будущего» станут славяне, когда жертвенно посвятят себя выявлению «не выявленных еще мироощущений» человечества.

Н.А. Бердяев принадлежит к тем философам, которые вычеканили как своеобразное мировоззрение, так и своеобразный стиль изложения. Его мысль «мечется между крайностями, объединяя их в антиномии, которые то и дело смешивает с обычными логическими противоречиями», его речь – «сбивчивая, отрывистая, нервная»²⁷. В текстах Бердяева тема не развивается постепенно, а играет роль повода для интеллектуальных вариаций. Последующая фраза

не продолжает предыдущую, но ее перифразирует или неожиданно трансформирует, вводя обязательный намек на «чужое слово» или беглый очерк идеи, которая порой разворачивается в другом тексте самого философа. Изучение статьи «Футуризм на войне» предсказуемо оборачивается распутыванием такого рода неожиданных ходов. Для исследователя это распутывание увлекательно. Однако не исключено, что в силу тех же причин (или горечи несбывшихся ожиданий на великое культурное возрождение?) автор статьи и не републиковал ее в составе итоговых книг «Судьба России» и «Кризис искусства».

Примечания

- ¹ *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 3.
- ² Здесь и далее цит. по: *Бердяев Н.А.* Футуризм на войне // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: Публицистика времен Первой мировой войны. М.: КАНОН+, 2004. С. 17–21.
- ³ *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 1. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 485.
- ⁴ Там же; ср.: *Йовович Т.* Зинаида Гипшиус и авангард // Авангард и идеология: русские примеры / Ред.-сост. К. Ичин. Белград: Филол. фак-т Белград. ун-та, 2009. С. 348–356.
- ⁵ Цит. по: *Харджиев Н.И.* «Веселый год» Маяковского // Харджиев Н.И. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. М.: Гиля, 2006. С. 123.
- ⁶ *Бердяев Н.А.* Чувство Италии // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. / Сост. Р.А. Гальцева. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 370.
- ⁷ *Бердяев Н.А.* Война и возрождение // Бердяев Н.А. Футуризм на войне... С. 8.
- ⁸ См.: *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 130–138.
- ⁹ Ср.: *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Regnum, 2011. С. 11.
- ¹⁰ *Бердяев Н.А.* Россия и Польша // Бердяев Н.А. Футуризм на войне... С. 15.
- ¹¹ *Бердяев Н.А.* Германия, Польша и Константинополь // Там же. С. 69.
- ¹² *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 104.
- ¹³ *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М.: Республика, 1996. С. 271; ср.: *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* Указ. соч. 110–116.
- ¹⁴ *Аксенова Е.П.* Славянская идея в русской философской мысли (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский) // Славянский альманах 2000. М.: Индрик, 2001. С. 160–161.
- ¹⁵ *Бердяев Н.А.* Война и возрождение. С. 9.

- ¹⁶ *Корецкая И.В.* «Грядущий Хам» Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 146; ср. также: *Андрич Н. Д.С. Мережковский и футуризм: Созидание будущего как отрицание вечности // Авангард и идеология... С. 342–347.*
- ¹⁷ *Харджиев Н.И.* Поэзия и живопись (ранний Маяковский) // Харджиев Н.И. От Маяковского до Крученых... С. 61.
- ¹⁸ Здесь и далее статья цит. по: *Мережковский Д.С.* Еще шаг грядущего Хама // Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; несвоевременный дневник. 1914–1916. М.: Аграф, 2001. С. 344–353.
- ¹⁹ *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 217.
- ²⁰ Там же. С. 216.
- ²¹ Там же. С. 223.
- ²² *Бердяев Н.А.* Пикассо // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 421; ср. в «Судьбе России» цитировавшееся определение машины – «путь духа в процессе его освобождения от материальности»; ср. также: *Бычков В.В.* Кризис культуры и искусства в эсхатологическом свете философии Николая Бердяева // Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. В.Н. Поруса. М.: Библио. богослов. ин-т св. апостола Андрея, 2007. С. 220–228.
- ²³ *Бердяев Н.А.* Пикассо. С. 422.
- ²⁴ *Спивак М.Л.* Андрей Белый в 1913 году: в поисках альтернативы слову // 1913: «Слово как таковое»: к юбилейному году русского футуризма / Сост. Ж.-Ф. Жаккар, А. Морар. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2014. С. 181–193.
- ²⁵ *Белый Андрей.* На перевале. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 48.
- ²⁶ *Бердяев Н.А.* Кризис искусства // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 411.
- ²⁷ *Порус В.Н.* От редактора // Н.А. Бердяев и единство европейского духа. С. VIII.

Е.В. Арутюнова

«ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОРФОГРАФИИ» 1964 г. И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ В ПРЕССЕ (на материале публикаций 22 сентября – 16 октября 1964 г.)

В статье проанализированы «Предложения по усовершенствованию орфографии», опубликованные в советской прессе в сентябре 1964 г., и рассмотрена реакция общества на эти предложения, отраженная в СМИ, в период с 20 сентября по 16 октября 1964 г.

Ключевые слова: орфография, реформа орфографии, реформа языка, языковая политика, «Предложения по усовершенствованию орфографии».

Полемика по поводу возможной реформы русской орфографии и пунктуации начала 1960-х годов велась на протяжении нескольких лет – с марта 1962 г. и почти до конца 1960-х годов. Наиболее острые формы дискуссия приобрела после публикации в конце сентября «Предложений по усовершенствованию русской орфографии»¹. С этого момента началось бурное обсуждение нововведений, разработанных Орфографической комиссией АН СССР (далее – ОК). Продлился этот этап полемики недолго – до 16 октября, когда был смещен Н.С. Хрущев и характер дискуссии резко изменился.

Целесообразно сначала рассмотреть содержание и структурные особенности опубликованного в прессе проекта, а затем обратиться к материалам дискуссии.

«Предложения» предварялись короткой преамбулой. В ней сообщалось о создателях проекта – специальной комиссии, образованной Президиумом АН СССР и включившей в свой состав «представителей Академии наук СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Союза писателей, Министерства просвещения и Академии педагогических наук РСФСР,

ученых-языковедов, преподавателей средней и высшей школы, методистов, психологов»; об основной задаче комиссии – устранении отдельных недостатков, затрудняющих изучение русского языка, отрицательно сказывающихся на работе школ и уровне грамотности; о структуре проекта. Особо подчеркивалось, что «существующая система правил русской орфографии и пунктуации не нуждается в кардинальном пересмотре».

Проект состоял из трех разделов. Первый – «Новые правила» – включал 14 правил, которые должны были заменить полностью или частично 24 параграфа Правил 1956 г. Приведем оглавление первого раздела, отражающее суть изменений.

1. Оставить один разделительный знак *ь*.
 2. После *ц* писать всегда *и*.
 3. После *ж, ч, ш, щ, ц* писать под ударением *о*, без ударения – *е*.
 4. После *ж, ч, ш, щ* не писать *ь*.
 5. Отменить чередования в корнях: *зар-зор, раст-рост, гар-гор, плав-плов* и т. д.²
 6. Вместо двух суффиксов *-инский* и *-енский* писать только *-енский*.
 7. Вместо двух суффиксов *-ец-* и *-иц-* писать только *-ец-*.
 8. Отменить двойные согласные в иноязычных словах.
 9. Упростить написание *н-ни* в причастиях.
 10. Сочетание *пол-* (*половина*) с последующим родительным падежом существительного или порядкового числительного писать всегда через дефис.
 11. Сложные существительные, начинающиеся с элементов *вице-, унтер-, обер-, экс-, лейб-, штаб-*, писать слитно.
 12. Писать все частицы раздельно.
 13. Допустить факультативные написания флексий существительных³.
 14. Изъять исключения:
 - а) писать *жури, брошура, парашут*;
 - б) писать *заенька, паенька, баеньки*;
 - в) писать *достоев, заец, заечий*;
 - г) писать *деревянный, оловянный, стеклянный*.
- Второй раздел – «Правила, подвергшиеся уточнению или частичным изменениям» – состоял из пяти частей (в скобках будут коротко охарактеризованы предлагаемые орфографические изменения).
1. Гласные *ы* и *и* после приставок. (Допускалась вариативность для слов, включающих заимствованные корни: *предисторический* и *предысторический*.)

2. Слитное, раздельное и дефисное написания.

а) Написание отрицания *не*. (14 подпунктов с 5 примечаниями действующих правил сводились к трем. Они закрепляли семантически обусловленную вариативность написания прилагательных с *не* – *не большой* и *небольшой*; изменяли написание с *не* полных причастий без пояснительных слов: их предлагалось писать с *не* раздельно.)

б) Правописание наречий. (8 пунктов с большим количеством подпунктов и примечаний сокращались до 5 коротких формулировок. Дефисное написание отменялось, основным становилось слитное написание и допускалась вариативность в «наречных единицах, которые представляют переходный тип между наречиями и предложно-падежными конструкциями».)

3. Прописные буквы. (В 18 параграфов было внесено множество изменений разного рода: предлагалось изменить порядок параграфов, ряд правил удалить, часть обновить. Основное направление изменений – унификация написаний, устранение противоречий.)

4. Правила переносов. (Отменена рекомендация учитывать при переносе морфемные границы.)

5. Пунктуация.

Эта часть затрагивала 31 орфографический параграф Правил 1956 г.

Третий раздел проекта – «Правила 1956 г., обсуждавшиеся комиссией, но оставшиеся без изменений».

Анализ содержания проекта показывает, что изменения должны были коснуться значительной части действующего свода – 55 орфографических параграфов из 124. Однако предложения, как и заявляли реформаторы, не нарушали основ русской графики и орфографии. Значения букв остались неизменны, устранение из алфавита разделительного *ъ* и отмена *ь* после шипящих не нарушали слогового принципа, хотя и меняли привычный облик достаточно значительного количества общеупотребительных слов. Гласные и согласные в слабых позициях по-прежнему необходимо было проверять сильной позицией, т. е. принцип единообразия в написании морфем также был сохранен. Более того, действие последнего было расширено за счет унификации написания корней с чередованием и суффиксов в словах на *-инский/-енский*, суффиксов *-ец/-иц-*, а также отмены исключений *зайнька*, *паицька*, *баицьки*, *достоиц*, *заяц*, *заячий*, *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный*. Спорным с точки зрения Ленинградской фонологической школы стали антиморфологические написания *о/е* после шипящих (*шолк*, но *шелка*) и *ци* вместо *цы* (*огурци*). Эти нововведения соответствовали

ли Московской фонологической теории и увеличивали количество фонологических написаний.

Неаргументированным с точки зрения теории орфографии является предложение ввести вариантные написания в окончаниях существительных на *-ий, -ие, -ия*. Вероятно, предложенная вариантность окончаний – это компромисс между желанием унифицировать окончания, т. е. писать в соответствии с морфолого-фонематическим принципом (*к земле – к линии, о земле – о линии, о враче – о Василии*), и опасением слишком больших и резких перемен в графическом облике слов. Та же причина просматривается в новом правиле о вариативности *и/ы* после приставок на согласный в заимствованных корнях. И морфологический, и фонологический подходы должны были выразиться в написании таких слов с *и*. Но сложившаяся традиция, отражающая фонетический процесс, вызвала сомнения в приемлемости полной унификации.

Остальные изменения не затрагивали центрального раздела орфографии – передачи буквами звукового (фонемного) состава слов, но также заключались в стремлении упростить орфографию, систематизировав разнобойные написания.

Обратим внимание на то, что причины, побудившие составителей проекта предложить вариантные написания в разделе передачи фонем буквами и разделе слитных, раздельных и дефисных написаний, были разными. Если в первом разделе вариативность была вынужденной, носившей скорее социальный, нежели собственно лингвистический характер, то разрешение двойного написания наречий (слитного и раздельного) отражало переходный характер этой части речи, избавляло от необходимости условной, не оправданной реальным состоянием языка кодификации, а возможность писать *не* с прилагательными и слитно, и раздельно закрепляла в орфографии тонкие семантические различия слов с *не*.

В заключение отметим такую особенность опубликованного проекта, как трудность для восприятия неподготовленным читателем. Хотя авторы «Предложений» и попытались удобным образом структурировать информацию, но сказать, что им это вполне удалось, нельзя. Каждая часть первого и второго разделов состояла из трех элементов. Первая – часть Правил 1956 г., которую предлагалось упростить; справа от нее печаталось новое правило или объяснялось, что именно необходимо изменить; под этими двумя столбцами располагались комментарии комиссии – аргументация в пользу принятого решения. Однако академический характер изложения, вполне естественный для академического свода правил, был доступен не всем. Встречались в проекте недоговоренности и

противоречия⁴. Все это не способствовало взаимопониманию ОК и общества, вызывало недоверие и раздражение. «Чем дальше вчитываешься в текст, – писал впоследствии Б.В. Заходер, – тем труднее сохранять спокойствие»⁵.

Перейдем к анализу полемики, вспыхнувшей после публикации проекта. За три осенние недели газеты «Известия», «Литературная газета», «Учительская газета», «Неделя», «Советская Россия», «Литературная Россия» разместили около 50 статей, заметок и писем об орфографии.

Однако оценить научные основы предложенных изменений нелингвисты, не обладавшие специальными знаниями, безусловно, не могли. Поэтому размышления, доводы в общественной дискуссии были поверхностными, чаще основанными на наблюдениях за соотношением орфографии и звучанием речи, на выявлении графических аналогий. Критики довольно часто делали на основе прочитанного неправильные выводы или задавали вполне закономерные вопросы. Так, многие были совершенно убеждены, что составители свода стремились реализовать фонетический принцип в орфографии⁶, что разделительный *ь* в формах типа *мышью* по новым правилам тоже отменен⁷, что появляются формы типа *огурцами*, *щоками*⁸ и написания *цолый* (*целый*), *цорковь* (*церковь*)⁹. Л. Коптева спрашивала, почему слово *зоря* проверять нужно словом *зори*, а не *заревом*¹⁰. В. Смирнин в принципе не понял предложения комиссии о написании наречий¹¹. Таким образом, одной из причин негативного отношения к проекту следует признать недостатки в изложении орфографических новшеств.

Если на протяжении более чем двух лет реформа обсуждалась преимущественно языковедами, учителями и методистами, то в сентябре–октябре 1964 г. наиболее активными участниками дискуссии стали писатели, поэты, литературоведы и представители разных других профессий, не столь тесно связанных с письмом. Большинство из них восприняли проект остро отрицательно, хотя и соглашались с отдельными новациями. Педагоги и филологи, за редким исключением, выразили готовность принять значительную часть орфографических и пунктуационных нововведений. Однако диапазон мнений в обоих лагерях был очень широк.

Категорически против всех предложений выступили поэт Л. Кондырев, офицер запаса Г. Чикнаверов и учительница С. Рабина. Н.П. Задорнов и Б. Коган считали спорными почти все предложения. Незначительную часть новых правил согласны были одобрить писатели и поэты С.И. Кирсанов, Л.М. Леонов, В.М. Инбер,

Г.И. Серебрякова, С.И. Шуртаков, А.Е. Адалис, а также А. Спасокукоцкий, А. Тудоран и В. Пеку, П. Зимин, методист Л. Невинская.

Большинство изменений было поддержано писателем С.С. Тхоржевским, журналистом В. Калугиным, литературоведом В.Я. Кирпотиним. К ним примкнули филологи И. Пехтелев, А.В. Калинин, Ю. Солоницын, А. Балыбердин, Л. Санжаров, методист И. Пленкин, историк В. Смирнин, учителя И. Лизогубова, А. Щагина, группа учителей из Севастополя (Ц.Г. Одинокая и другие), а также не указавшие своей профессии Ж. Хаймашева, В. Удалов и некоторые другие.

Проект не вызвал никаких возражений у филолога и писателя Л.В. Успенского, литературоведа В.Б. Шкловского, методиста Т.А. Ладыженской.

Создатели проекта, сотрудники Института русского языка, также публиковались в этот период. Их позицию можно охарактеризовать как оборонительную: они отвечали на выпады и упреки. 8 октября разъяснения, «почему *огурци*, а не *секция*», в «Известиях» дает Н.А. Еськова¹², а Л.К. Максимова в «Литературной газете» старается убедить, что *доч* не потеряет своего очарования¹³. 12 октября М.В. Панов для читателей «Известий» аргументирует те предложения, которые больше всего возмутили критиков¹⁴. Лишь в газете «Неделя» за 20–26 сентября превентивно была опубликована статья секретаря комиссии Б.З. Букчиной и Л.К. Максимовой о том, как работали авторы проекта¹⁵.

Прежде чем обратиться к содержанию орфографических материалов сентября–октября 1964 г., следует отметить одну их важную особенность. Создается впечатление, что появление проекта стало для большей части общества полной неожиданностью и с продолжительной дискуссией по поводу необходимости изменения орфографии, которая протекала до сентября 1964 г., новые участники полемики незнакомы. Из статьи в статью повторяются недоуменные вопросы: «Зачем и почему? Кому надо? Для чего надо?»¹⁶, «Зачем же тогда делать реформу?»¹⁷, «Какой насущной необходимостью вызвано усовершенствование русской орфографии?»¹⁸, «К чему она?»¹⁹, «“Заец”? Почему?»²⁰ и т. п.

Ответы, объясняющие необходимость реформы, у всех ее сторонников, кроме М.В. Панова (его статья завершала этот период), не были подробными:

- «жизнь потребовала решения этого вопроса»²¹;
- «освободится огромное количество времени» и «можно будет уделять больше внимания творческим упражнениям по развитию речи школьников, воспитанию логического мышления»²²;

– «все народы от времени до времени бывают вынуждены перестраивать системы своего правописания, подгоняя и приравнивая их косные и неподвижные рамки к вечно изменчивым, вечно развивающимся все новым и новым состояниям живой речи»²³.

Вероятно, следившим за дискуссией сторонникам реформы не казалось нужным опять отстаивать ее необходимость: этот этап они уже прошли в 1962–1963 гг. Предыдущие годы полемики убеждали, что без упрощения письма не обойтись и что «так думают все»²⁴.

Однако оказалось, что многие думали иначе. Реформа провоцирует порчу языка – заявили В.Я. Кирпотин (именно он употребил это сочетание слов), Г.И. Серебрякова и С.И. Шуртаков. Механизм обеднения языка объяснялся ими ненаучно, но часто очень поэтично:

[Слова с орфографическими корнями *-зар-* и *-раст-*] обогащают художественную палитру языка, сообщают ему тончайшие оттенки и придают ему ту самую певучесть и музыкальность, которые мы так любим и ценим. Сравните, как звучит заря-зоренька и зоря-зоренька. Если первое дает как бы своеобразную раскраску языку и похоже, скажем, на двухцветный иван-да-марью, то второе уже просто тавтологично, одноцветно. Вряд ли кому-то захочется в будущем употреблять подобные одноцветные сочетания... Да и в наших великолепных сказках при переизданиях, видимо, пришлось бы многое переименовывать – мести, так чисто²⁵.

Писательница Г.И. Серебрякова почувствовала серьезную опасность для «лучших поэтических произведений, где, как в час землетрясения, рассыплются многие рифмы и по-другому зазвучат строфы стихов»²⁶.

«...Ни одна, даже самая авторитетная комиссия не располагает и не может располагать таким точным компасом, который бы безошибочно указывал: вот это трогать в языке можно, а это нельзя», – уверял Шуртаков²⁷.

Заставлял усомниться в необходимости значительных преобразований в орфографии целый ряд экстралингвистических причин:

– десятки миллионов грамотных людей вследствие реформы окажутся неграмотными, а тысячи потеряют профессиональную квалификацию (Г. Чикнаверов, С.И. Шуртаков, И. Тырин, В. Смирнин);

– придется переучивать миллионы людей, а значит, создавать новые хлопоты, заботы людям, отрывать их в часы досуга от чтения классиков и заставлять штудировать новые правила (Н.П. Задорнов, С.И. Шуртаков);

– так как человек учится орфографии читая, огромные книжные богатства, сотни миллионов книг старого издания, станут «рассадниками неграмотности» (Г. Чикнаверов, В. Смирнин, С.И. Шуртаков);

– на переучивание, переиздание литературы уйдут колоссальные суммы (Г. Чикнаверов, И. Тырин, А. Тудоран и В. Пеку);

– придется изменить порядок слов в словарях (В. Смирнин).

Своевременна ли реформа? – спрашивали Н.П. Задорнов и И. Тырин, а Л.М. Леонов и В.М. Инбер напоминали, что всего семь лет назад, в 1956 г., уже состоялась реформа орфографии, и призывали не менять правописание столь часто. Нужнее стабильность – добавлял к их рассуждениям С.С. Тхоржевский.

Но важнее для многих были не все вышеперечисленные факторы, а, как написал В.Я. Кирпотин, чувство отчуждения, которое вызывают новые написания. «Нет, что-то рука не идет», – сообщает о своих ощущениях Н.П. Задорнов после попытки записать *Мыши свела огурци*²⁸. «...Мне трудно отказаться от того, с чем я сроднилась», – рефлексировал В.М. Инбер²⁹. «У русского языка есть звуко-буквенная эстетика», – уверен С.И. Кирсанов³⁰. «Лично я негодую по поводу огурцов и пловцов: это что за огурци и пловци?! Ни за что на свете не стану привыкать к таким словам. Это же просто некрасиво!» – восклицает школьница А. Глущенко³¹.

Заместитель председателя ОК М.В. Панов в статье 12 октября³² – завершающей публикации этого короткого периода – старается отразить все антиреформаторские нападки. Он уверяет, что некоторая часть закрепленных традицией написаний – «бессмысленных атавизмов» – нелогична, противоречит общей системе, а их изучение «берет десятки часов, нужных для других дел», что орфография должна меняться, приравливаясь к постоянно меняющемуся языку, что орфография должна быть последовательна и что изменений требует внутренняя логика русской орфографии. Лингвист рассказал о той большой подготовительной работе, которую проделала комиссия: «были изучены все труды по теории и практике русской орфографии», «были подняты все архивы с материалами прежних обсуждений». В результате специалисты выявили важную тенденцию в развитии русского письма – из него «постоянно и неизменно убывали “дифференцировочные написания”». Составители проекта старались следовать этому эволюционному направлению. «Ни одно предложение комиссии не затрагивает язык», язык не будет испорчен – успокаивал М.В. Панов. Причина подобных страхов основана на «убогом и невежественном» отождествлении орфографии и языка. Все предложения, вынесенные

комиссией на обсуждение, – результат кропотливой научной работы десятков ученых.

Интересно, что многие критики проекта сравнивали «Предложения» с изменениями, произведенными в 1918 г. Они все были убеждены, что та реформа прошла единогласно и безболезненно: «Это было закономерно. Алфавит обрел ясность, законченность, его формы стали рельефнее и строже»³³, «...думается, никто не оплакивал их [ера и ятя. – Е. А.] утрату»³⁴. М.В. Панов опроверг эти идиллические представления: фортунаговской комиссии также пришлось выслушивать упреки в искажении языка, а при принятии проекта в 1918 г. список изменений подвергся случайному сокращению и только по этой причине ь все еще пишется после шипящих.

Хотя в центре внимания критиков снова оказался вопрос о целесообразности реформы орфографии, они рассуждали и о приемлемости проекта в целом, и о необходимости конкретных нововведений. Можно выделить три основные точки зрения на «Предложения». Первая заключается в положительной оценке проекта: новые правила проще, разумнее, уменьшают количество детализаций, исключений, поэтому они облегчат усвоение правописания, сократят перегрузку учащихся. Так считали И. Лизогубова, Н. Пленкин, В. Калугин, В.Я. Кирпотин, Т.А. Ладыженская. Н. Пленкин отметил, что новшества «не ломают общих традиций», не образуют непроходимой пропасти между старым и новым письмом, что проект «тщательно продуман и обстоятельно составлен»³⁵.

Однако была и противоположная точка зрения: введение предложений комиссии не облегчит усвоение орфографии (Б. Коган); лингвисты, стремясь к унификации, создают новые исключения, исходят из противоречивых принципов (С.И. Кирсанов); проект содержит немало «непродуманных, не до конца выверенных предложений» (И. Тырин); изменения непременно скажутся на произношении (В. Смирнин). Нужно отметить, что, критикуя проект, участники дискуссии чаще всего не подкрепляли свои тезисы никакими весомыми аргументами, рассуждали наивно, демонстрируя низкий уровень лингвистической компетенции.

Помимо названных точек зрения, существовала еще одна. И. Лизогубова, А. Калинин, Ю. Солоницын, Н. Пленкин, В. Калугин, Ц.Г. Одинокая не были вполне удовлетворены проектом, потому что, по их мнению, сделано недостаточно, обновленные правила не решают в полной мере поставленной задачи, они все равно сложны и требуют еще большего упрощения. Вызывало неудовольствие и то, что ничего не сделано для облегчения написания сложных прилагательных.

Обсуждая отдельные нововведения, участники дискуссии довольно часто не называли правил, которые они одобряют, а перечисляли лишь те, с которыми не были согласны. Поэтому определить с достаточной точностью, что казалось критикам приемлемым, не удается.

Рейтинг непринятых изменений возглавили написание *ци* (17 голосов «против») и отказ от *ь* после шипящих (12 голосов). Далее с большим отрывом следуют новые правила об *о* и *ё* после шипящих, о разделительном *ь* (по 5 голосов) и о написании окончаний глаголов (4 голоса). Предложения отменить чередования в корнях слов, удвоенные согласные в заимствованных словах, унифицировать некоторые суффиксы, упростить правило написания частиц и некоторые другие вызвали возражения одного-двух человек. Никто не имел ничего против написаний *парашут* и *брошура, пол*, новых принципов употребления прописной буквы.

Положительные отзывы получили изменения в правилах о разделительных знаках (6 голосов «за»), об удвоенных согласных в заимствованных словах и об *и* и *ни* (по 5 голосов), о переносе слов и прописной букве (по 4 голоса) и ряд других (менее 3 голосов). Но, подчеркнем еще раз, этот список неполон, так как участники дискуссии, выражая согласие с некоторыми предложениями, чаще не конкретизировали их.

Особого внимания заслуживает полемика, завязавшаяся по поводу факультативных написаний. В целом за обоснованность орфографических вариантов высказались филолог Л.Н. Санжаров, учительница И. Лизогубова и методисты Л. Невинская, Н. Пленкин, Т.А. Ладыженская. Последняя наиболее подробно аргументировала необходимость таких написаний:

С одной стороны, это позволит показать учащимся, что язык постоянно развивается и совершенствуется и что поэтому в нем есть много переходных случаев, когда трудно регламентировать правописание. <...>

С другой стороны, сознательное владение некоторыми правилами, допускающими двойное написание... требует внимания к смысловой стороне речи. И учитель должен будет показать, что от того, как ты напишешь, зависит то, как тебя поймут.

Поможет это и учителю быть более гибким при оценке письменных работ. Ученика перестанут карать за незнание некоторых тонкостей орфографии (а их все, увы, и знать невозможно). <...>

Таким образом, в конечном итоге повысится требовательность к овладению школьниками основными правилами орфографии и пунктуации³⁶.

Нашлись и противники некоторых элементов орфографической свободы. Г. Чикнаверов, Б. Коган и преподаватель МГУ А. Калинин были возмущены самой идеей: «поражает такое предложение комиссии: слова, которые употребляются в роли наречий, но ими еще не стали, – писать и так и этак – как кому удобнее»³⁷, «думается, что всякая необязательность, “двойкость” вредит орфографии, делает ее зыбкой, допуская у пишущих мысль: а может, и другие правила тоже “факультативны”?»³⁸. «Представляют ли себе члены Орфографической комиссии, к какой чудовищной безграмотности может привести одно только “право” факультативного письма?» – спрашивали А. Тудоран и В. Пеку³⁹.

Обоснования неприемлемости тех или иных написаний чаще всего умозрительны: «не нахожу в этом никакого оправдания»⁴⁰, «логика упрощения ломает живую логику языка»⁴¹, нововведения «противоречат духу языка»⁴², «вряд ли такое новшество облегчит учащимся усвоение языка»⁴³. Большинству критиков казалось, что новые написания повлекут за собой изменения в произношении. Очевидно, что для них письменная форма языка казалась первичной, определяющей устную. Вот несколько характерных утверждений:

Буква *o* [например, в слове *течот*. – Е. А.] сообщает звуку *ч* несвойственную ему твердость⁴⁴...

...Предлоги *от, под, об, из, раз, перед* звучат твердо, что и обозначается внутри слов твердым знаком⁴⁵.

А вот слово *касса* с одним *с* непривычно для слуха⁴⁶.

Подобные высказывания выражают недоверие к знаниям ученых. Даже после разъяснений по поводу произношения в словах типа *революция* и *огурцы*, *ночь* и *врач* лингвисты продолжали утверждать, что разница в произношении между *ци* и *цы*, *ч* и *чь* есть. Б.В. Захoder, сравнивая предложение ОК отказаться от *ь* после шипящих и отмену в 1917–1918 гг. *ъ* на конце слов, категорически не желал соглашаться с учеными: «Ну разве не ясно, что слова *дом* и *стол* невозможно произнести иначе, а написание, которое нам предлагают [*ноч, доч*. – Е. А.], дает простор орфоэпической фантазии читателя?»⁴⁷

Стремясь к большей убедительности, критики проекта высказывали опасения в том, что изменения, допущенные в отдельных правилах, реформаторы захотят распространить на всю орфографическую систему: «...видимо, недалеко и до следующего шага, когда языковеды предложат нам в будущем писать все так, как

слышится. Тогда начнутся споры о произношении. Лиха беда начало!»⁴⁸. Того же боялись А. Спасокукоцкий и Б. Коган. А.Е. Адалис даже пыталась составить новые словоизменительные парадигмы, которые, как она поняла из проекта, станут следствием орфографической реформы: ей казалось, что нужно будет, «мучительно гримасничая, ломать себе язык *огурцами, концами и наглецами*», а также формами *щокам, щоками, о щоках*.

Последнее замечание еще раз доказывает, что участникам дискуссии не удалось до конца понять саму суть предложений, из текста проекта они делали неверные выводы. Ошибки в толковании положений проекта встречаются в статьях сентября–октября 1964 г. довольно часто. Конечно, и в случае принятия новых правил кормить нужно было бы *огурцами*, а бить *по щекам*. Орфография этих форм не изменилась бы. Принцип «писать в соответствии со звучанием» был отвергнут учеными еще на ранних стадиях обсуждения.

Вообще недопонимание, недоверие стали серьезными помехами дискуссии. И это притом, что и сторонники реформы, и ее противники возлагали большие надежды на общественное обсуждение, очевидно, веря, что в споре будет найдена истина. «Впервые в мире реформа правописания проводится столь демократическим способом: обычно ученые-языковеды с высоты своего величия предписывали новые законы орфографии. Теперь сам народ-языкотворец будет судить о нововведениях, принимать или отвергать их большинством своих мощных голосов. И это лучшая гарантия того, что новая реформа, выработанная крупнейшими специалистами и обсужденная всенародно, окажется наилучшей из возможных реформ», – писал Л.В. Успенский⁴⁹. «Чем больше людей примет в этом [обсуждении проекта. – Е. А.] участие, тем полноценнее будет сделанное», – также был уверен П. Зимин⁵⁰.

Однако согласия достичь не удалось, проектом в целом оказалось недовольно большинство: одни по причине его радикальности, другие в связи с его недостаточностью. Дискуссия в прессе привела к взаимным обидам. Лингвистов оскорблял уровень ведения дискуссии⁵¹, неспециалисты подозревали ученых в игнорировании мнения учителей, общества, а также тех, «кто со словом работает», – писателей и поэтов.

Детальный анализ публикаций этого периода показывает, что, несмотря на обилие отрицательных отзывов в адрес проекта, против всех изменений орфографии выступили единицы. Даже самые суровые критики видели в проекте, как выразился Л.М. Леонов, «нечто разумное и целесообразное»⁵². Но положительные оценки высказывались в самом общем виде, достоинства не подчеркива-

лись, приемлемые предложения не перечислялись, и в результате создавалось ощущение, что общество отвергло саму идею реформы.

Обращает на себя внимание, что многие лингвисты ограничивались общими суждениями о проекте и не так детально анализировали нововведения, как это было на первых двух этапах полемики. Рассуждения их не выдерживали научной критики.

Однако нельзя сказать, что писатели и поэты были всегда категорически неправы и проигрывали в научном споре. Им совершенно справедливо удавалось подметить некоторые неточности формулировок, возможность разнотолкований и несогласованность новых правил. Они обратили внимание на значимость орфографической традиции в художественном тексте, на психологические трудности, к которым приведет орфографическая реформа.

Примечания

- ¹ Предложения по усовершенствованию русской орфографии. См.: Известия. 1964. 23 сент. С. 3–4; 24 сент. С. 3–4; Советская Россия. 1964. 24 сент. С. 3–4; 25 сент. С. 3–5; Учительская газета. 1964. 24 сент. С. 2–5.
- ² Новое правило отменяло также чередование в корнях *лаг-лож, клан-клон, скак-скок, кас-кос*.
- ³ Предлагались варианты окончаний для существительных м. р. на *-ий*, ср. р. на *-ие* и ж. р. на *-ия*: *о Василии – о Василие, на линии – на линии, к линии, о здании – о здании*.
- ⁴ Одно из наиболее очевидных было отмечено Б.В. Заходером. Предлагая отменить *ь*, авторы проекта в разделе о переносе оставили формулировку: «Нельзя отрывать буквы *ь* и *ь* от предшествующей согласной».
- ⁵ *Заходер Б.В.* «Заец»? Почему? // Литературная Россия. 1964. 9 окт. С. 19.
- ⁶ *Пехтелев И.* Мои замечания // Советская Россия. 1964. 3 окт. С. 2.
- ⁷ *Заходер Б.В.* Указ. соч.
- ⁸ *Адалис А.Е.* Стихия речи // Литературная Россия. 1964. 9 окт. С. 18–19.
- ⁹ *Заходер Б.В.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Коптева Л.* Чего ради «усовершенствование»? // Советская Россия. 1964. 3 окт. С. 2.
- ¹¹ *Смирнин В.* «Логика» упрощения и живая логика языка // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.
- ¹² *Еськова Н.А.* Почему огурцы, а не секция? // Известия. 1964. 8 окт. С. 4.
- ¹³ *Максимова Л.К.* Усваивать правила будет легче // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.
- ¹⁴ *Панов М.В.* О силе привычки // Известия. 1964. 12 окт. С. 3.

- 15 Букчина Б.З., Максимова Л.К. Так работала комиссия // Неделя. 1964. 20–26 сент. С. 14.
- 16 Адалис А.Е. Указ. соч.
- 17 Недзвецкий Я. Не забывать о музыке слова // Советская Россия. 1964. 3 окт. С. 2.
- 18 Кондырев Л.Н. Едва ли это благотворно // Литературная газета. 1964. 1 окт. С. 2.
- 19 Леонов Л.М. Прошу слова // Там же. 3 окт. С. 2.
- 20 Заходер Б.В. Указ. соч.
- 21 Лизогоובה И. Яснее и разумнее // Известия. 1964. 26 сент. С. 2.
- 22 Удалов В. Если уж мести, так чисто // Литературная газета. 1964. 26 сент. С. 2.
- 23 Успенский Л.В. Наконец-то // Неделя. 1964. 20–26 сент. С. 15.
- 24 Лизогоובה И. Указ. соч.
- 25 Шуртаков С.И. Упрощение... Не опрощение ли? // Литературная Россия. 1964. 9 окт. С. 18.
- 26 Серебрякова Г.И. Осторожно! // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.
- 27 Шуртаков С.И. Указ. соч.
- 28 Задорнов Н.П. «Доч цигана съела огурци» // Литературная газета. 1964. 26 сент. С. 2.
- 29 Инбер В.М. Давайте подумаем хорошенько... // Там же. 1964. 8 окт. С. 2.
- 30 Кирсанов С.И. Вопреки букве и духу... // Там же. 1 окт. С. 2.
- 31 Глуценко А. Мнение тех, кто учится // Советская Россия. 1964. 9 окт. С. 3.
- 32 Панов М.В. Указ. соч.
- 33 Зимин П. Семь раз отмерь... // Литературная газета. 1964. 26 сент. С. 2.
- 34 Инбер В.М. Указ. соч.
- 35 Пленкин Н. Продуманно и обстоятельно // Учительская газета. 1964. 1 окт. С. 3.
- 36 Ладьяженская Т.А. Для учителя и ученика // Известия. 1964. 30 сент. С. 3.
- 37 Коган Б. И так и эдак? // Литературная газета. 1964. 26 сент. С. 2.
- 38 Калинин А.В. Позвольте омрачить праздник // Неделя. 1964. 20–26 сент. С. 15.
- 39 Тудоран А., Пеку В. Зачем это? // Учительская газета. 1964. 10 окт. С. 3.
- 40 Спасокукоцкий А. Берегите русский язык // Литературная газета. 1964. 1 окт. С. 2.
- 41 Смирнин В. Указ. соч.
- 42 Шуртаков С.И. Указ. соч.
- 43 Коган Б. Указ. соч.
- 44 Кирсанов С.И. Указ. соч.
- 45 Спасокукоцкий А. Указ. соч.
- 46 Глуценко А. Указ. соч.
- 47 Заходер Б.В. Указ. соч.
- 48 Задорнов Н.П. Указ. соч.
- 49 Успенский Л.В. Странное и непривычное станет привычным и обычным // Литературная газета. 1 окт. С. 2.
- 50 Зимин П. Указ. соч.
- 51 М.В. Панов писал: «...письмо убого и невежественно отождествляется с языком» (Известия. 12 окт. С. 3.)
- 52 Леонов Л.М. Указ. соч.

Е.П. Буторина

СТАНДАРТ И ЭКСПРЕССИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

(по материалам Национального корпуса русского языка)

В статье рассматриваются особенности употребления и написания наименований, состоящих из нескольких слов, в официальных текстах и медиа. Исследование проводится на базе материалов Национального корпуса русского языка. Выдвигается гипотеза о причинах возникновения и механизмах выбора различных вариантов орфографической нормы и природе узуальных предпочтений.

Ключевые слова: медиа, русский язык, деловой дискурс, официальный дискурс, орфографические нормы, n-граммы.

Среди особенностей языка медиа В.Г. Костомаров выделял сочетание стандарта и экспрессии. Стандарт может рассматриваться как используемые для описания фактов точные и общепризнанные наименования объектов и явлений, а экспрессия – как средства воздействия на адресата текста, формирующие его отношение к фактам. Стандарт связан с соблюдением нормы, конвенции, неслучайно термину «литературный язык»¹, используемому в отечественной традиции, соответствует термин «standard language»² в англоязычном языкознании. Экспрессия может возникнуть, в частности, при нарушении ожидаемого стандарта.

Проблемы

Является ли нарушение стандарта официального дискурса ошибкой в текстах медиа или можно говорить о соблюдении разных стандартов? На каких уровнях языковой системы проявляется это различие стандартов: затрагивает ли оно только лексику

Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

© Буторина Е.П., 2015

или проникает в такие, казалось бы, унифицированные и жестко регламентированные сферы культуры речи, как, например, орфография?

Единицы исследования

Вероятно, наиболее убедительную картину можно получить, анализируя употребление и написание составляющих основу официального дискурса наименований, которые представлены несвободными сочетаниями слов³ – *n*-граммами.

Как правило, при компьютерном анализе текст проходит две основные фазы обработки: первая (предварительная, подготовительная) заключается в сегментации текста на графическом или звуковом уровне, вторая (основная) включает лингвистический анализ речевого произведения на различных уровнях. В процессе первой обработки письменный текст разделяется на графические слова и знаки препинания. Единицы этой фазы рассмотрения называют *токенами* (англ. *token*). В общем случае комбинацию токенов называют *n-граммами* (англ. *n-grams*), для обозначения комбинации из двух токенов пользуются термином *биграмма* (англ. *bigram*), а из трёх – *триграмма* (англ. *trigram*) и т. д.

После обработки письменного текста на графическом уровне следует переход к его исследованию на уровне лингвистического анализа. По отношению к единицам этого уровня принято использовать термин *лексическая единица* (англ. *lexical item*, *lexical unit*), чтобы различать слова-токены, часто понимаемые как *графические слова*, и *лексические единицы* как комплекс формы и значения. Лексические единицы могут представлять собой сочетания из нескольких графических слов⁴.

Для целей нашего исследования мы выбираем такие лексические единицы, как, например, *Правительство Российской Федерации*, *органы государственной службы занятости населения*, *Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации*⁵ и т. п. Именно эти единицы используются в официальных текстах.

Основные понятия и определения

Официально-деловой (деловой) стиль определяется исследователями как «один из функциональных стилей кодифицированного литературного языка. Используется в сфере деловых и официальных отношений между людьми и учреждениями, в области

права, законотворчества и законодательства. Характерные черты: безличность и сухость изложения (*выносится на обсуждение, а не мы выносим на обсуждение; отмечаются случаи невыполнения договора* и т. п.), высокая степень стандартности выражений, отражающая определенный порядок и регламентированность деловых отношений, стремление к точности формулировок, которая исключала бы неоднозначность понимания сказанного»⁶. Возможности варьирования единиц в официальном дискурсе крайне невелики и строго регламентированы.

Принципиально иная ситуация с использованием вариантов этих наименований наблюдается в текстах медиа. «Варианты языковых единиц – формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождественной функции различаются частичным несовпадением, обычно регулярным, своего звукового состава»⁷. Различия вариантов могут быть закреплены в письменной форме. Например, написания наименований некоторых должностей с прописной/строчной букв активно конкурируют в деловых медиа⁸. Для выявления причин и механизмов выбора используемых вариантов недостаточно как подхода с позиций функционального стиля, так и системно-структурного подхода к языку, поскольку с их помощью возможна только фиксация различий в наименованиях, используемых в текстах медиа, по сравнению с официальными наименованиями (например, *Президент Российской Федерации* в официальных текстах и, помимо этого, написания *президент России, Президент России, Президент РФ, президент РФ, президент Российской Федерации* в медиатекстах). Представляется, что анализ в системе понятий, выработанных в рамках коммуникативно-антропоцентрического подхода, мог бы дать более дифференцированное объяснение или хотя бы позволил сформулировать гипотезу для проверки.

В частности, уточним понятие делового общения. «Деловое общение – это особый вид общения, который реализуется в совместной профессионально-предметной деятельности людей и содержание которого определяется социально значимым предметом общения и взаимным психологическим влиянием субъектов общения и формально-ролевым принципом их взаимодействия»⁹. Деловой дискурс выступает в тесной связи с деловым общением. А.А. Кибрик считает, что «дискурс – это единственный заведомо реальный лингвистический объект. Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами. Это отличает дискурс от других языковых единиц, которые представляют собой научные конструкты, плоды того или иного

анализа, а раз так, то и трудно достичь согласия относительно их состава и природы. Поэтому единственное построение лингвистики как науки и следовало бы начинать с исследования дискурса, а лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы, полученные в результате аналитических процедур»¹⁰.

Для того чтобы провести исследование того или иного типа дискурса, можно начать с определения его целей. «Дискурсы одного жанра имеют общий набор коммуникативных целей, признаваемых дискурсивным сообществом <...> Научиться создавать дискурс определенного жанра – значит войти в соответствующее дискурсивное сообщество»¹¹.

В зависимости от цели взаимодействия Л.Г. Титова выделяет следующие виды делового общения: эмоциональное, информационное, убеждающее, конвенциональное, суггестивное, императивное, манипулятивное, партнерское¹². Цель информационного делового общения – передача профессиональной информации, в то время как целью конвенционального является «поддержание и закрепление договорно-правовых отношений в деловом мире; соблюдение делового протокола, делового этикета, следование национальным и профессиональным традициям, создание новых традиций»¹³. Институциональное (официальное) общение, как правило, конвенционально, т. е. подчиняется действующим нормам и поддерживает их.

Современные нормы русского литературного языка о написании наименований

Обратимся к современным нормам русского языка, регулирующим написание наименований, в частности, должностей. «Названия должностей, званий, титулов пишутся со строчной буквы, напр.: *президент, канцлер, председатель, министр, премьер-министр, заместитель министра, мэр, император, королева, хан, шейх, генеральный секретарь, заслуженный деятель культуры, лауреат Нобелевской премии, посол, атташе, директор, генеральный директор, академик, доктор наук, профессор, член-корреспондент, генерал-майор, командующий войсками, руководитель департамента, заведующий отделом, управляющий делами*. В официальных текстах названия высших государственных должностей и титулов пишутся с прописной буквы, напр.: *Президент Российской Федерации, Председатель Правительства РФ, Председатель Государственной думы, Премьер-министр Индии, Ее Величество Королева*

Англии <...> Однако в неофициальных текстах эти названия пишутся со строчной буквы, напр.: *выборы президента, выступление председателя Госдумы, распоряжение премьер-министра, прием у королевы*¹⁴. Следовательно, переход от официально-делового дискурса к медиадискурсу отражается даже на таком формальном уровне, как правописание, т. е. прагматический фактор определяет означающее языкового знака.

Если обратиться к медиатекстам, то обнаруживается, что написание наименований должностей со строчной буквы не всегда последовательно выдерживается¹⁵. Кроме того, можно наблюдать вариативное написание с прописной / строчной букв не только названий высших государственных должностей, но других наименований¹⁶. Можно ли выявить закономерности предпочтения того или иного написания?

Метод исследования

Для изучения случаев написания наименований должностей в текстах медиа мы опирались на материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), поскольку представительная база данных дает возможность получения убедительной статистики написаний с распределением по году публикации, жанру, источнику и т. п.

Кроме различий в употреблении прописной или строчной буквы, нами зафиксированы и различия в составе n-грамм. В НКРЯ встречается 316 вхождений в 165 документов написаний Президент (президент) Российской Федерации и 129 вхождений в 113 документов Президент (президент) РФ. Рассмотрим контексты, в которых встречаются те или иные написания.

(1)

*Как справедливо подчеркивал **президент РФ** В.В. Путин, борьба с терроризмом требует активных, упреждающих действий (Махмут Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // Отечества. зап., 2003)*

(2)

*Презда, в исключительных случаях **Президент РФ** вправе издать технический регламент без его публичного обсуждения (От стандартов к регламентам // Металлы Евразии. 2004.04.23)*

В случае (1) можно говорить об информационной цели медиадискурса, случай (2) ближе к официальному дискурсу, в котором реализуется конвенциональная цель коммуникации. В случае (1) речь идет о действиях президента-личности, в случае (2) – о полно-

мочиях Президента как института. Можно предположить, что выбор прописной / строчной буквы зависит не от типа текста (официальный / неофициальный), а от типа дискурса (конвенциональный / информационный). В официальных текстах чаще реализуется конвенциональная цель делового дискурса, поэтому орфографическая норма была сформулирована с опорой на понятие функционального стиля и типа текста. Но наблюдения за узусом позволяют выдвинуть уточняющую *гипотезу*: написание наименований высших государственных должностей определяется целью дискурса: информационная цель коррелирует с предпочтением строчной буквы, конвенциональная – прописной.

Полученные результаты

Результаты проверки гипотезы на материале НКРЯ выглядят следующим образом.

1. Строчная буква предпочитается в наименовании должности бывшего президента. Выявлено 93 % случаев написания *президент* в контексте *президент Ельцин*. Случаи написания с прописной буквы встречаются в начале предложения или в контексте *...звонил сам Президент Ельцин!* (Вадим Громов. Компромат для олигарха (2000)).

2. В сочетании *Президент Российской Федерации*, как правило, встречается написание *Президент* с прописной буквы – 94 %, по данным НКРЯ. В оставшиеся 6 % входят такие контексты, как *президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин* и *президент Российской Федерации футбола*.

3. В сочетании П(п)резидент РФ выбор прописной буквы коррелирует с употреблением в позиции подлежащего и наличием активного перформатива¹⁷. С прописной буквы пишется наименование должности субъекта, если он выполняет конвенциональное действие, описываемое перформативным глаголом: *обязуется, подписал, назначил* и т. п.

(3)

Если кандидатура дважды отклоняется или просто не принимается никакое решение, Президент РФ назначает исполняющего обязанности главы региона и – самое интересное – по собственному усмотрению имеет право распустить местный парламент или оставить его работать и дальше (Л. Грудцына. К вопросу об отмене всенародных выборов губернаторов (1 часть) // Адвокат. 2004).

В примере (3) мы видим, что хотя написание *РФ* вместо *Российская Федерация* допустимо только в неофициальных текстах, но значение слова *Президент* как института означает институциональное, т. е. конвенциональное, употребление сочетания в целом, поэтому требует прописной буквы.

Можно видеть различные написания и состав п-грамм, обозначающих наименования, в одном жанре официально-делового или публицистического стиля, но в разных дискурсах с разными целями. В официальных документах преобладает конвенциональный дискурс, а в медиа – информационный, поэтому сложилось мнение о том, что написание зависит от жанра определенного функционального стиля, но на самом деле, как показывает исследование, это мнение нуждается в уточнении: написание и состав п-граммы, обозначающей наименование, зависит от дискурса и его цели. При этом наблюдается следующее: при описании институциональных ситуаций используется полное написание наименования, в других случаях достаточно сокращенного варианта написания, допустимо лишь указать на объект, а не точно назвать его. В официальных текстах институциональных (официальных) описаний ситуаций больше, но такие описания встречаются и в медиатекстах, и в таких случаях предпочитается точное наименование. В медиатекстах также может быть реализована *конвенциональная* функция делового общения, распространяющая и закрепляющая конвенции в социуме. Использование официальных полных п-грамм при описании неофициальных ситуаций при этом зачастую стилистически маркировано, т. е. экспрессивно.

Примечания

- ¹ К основным признакам литературного языка относятся наличие письменности, норм и развитая система функциональных стилей.
- ² Стандартный язык.
- ³ Подобный подход используется, например, при сравнении языковых систем на базе сопоставления паремий, также представленных несвободными сочетаниями слов.
- ⁴ См., например, соображения по этому поводу: *Sinclair J. The lexical item // Contrastive Lexical Semantics / Ed. by E. Weigand. Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 1–24.*
- ⁵ Справочник по оформлению нормативных правовых актов в Администрации Президента Российской Федерации. М., 2012. 106 с.

- ⁶ *Крысин Л.П.* Официально-деловой стиль или деловой стиль // Культура русской речи: Энциклопед. слов.-справ. / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширияева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 400–401.
- ⁷ *Граудина Л.К.* Варианты языковых единиц // Культура русской речи... С. 107.
- ⁸ Обсуждение: Президент Российской Федерации [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обсуждение:Президент_Российской_Федерации (дата обращения: 02.03.2015).
- ⁹ *Яковлева Н.Ф.* Деловое общение [Электронный ресурс]: Учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 269 с.
- ¹⁰ *Кибрик А.А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопр. языкознания. 2009. № 2. С. 3.
- ¹¹ Там же. С. 10.
- ¹² *Титова Л. Г.* Деловое общение: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 63–65.
- ¹³ *Яковлева Н.Ф.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁴ Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академ. справ. / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
- ¹⁵ Обсуждение: Президент Российской Федерации [Электронный ресурс].
- ¹⁶ Губернатор с какой буквы пишется [Электронный ресурс] // Фонд развития инноваций и модернизации в медицине и спорте «Гераклион». URL: <http://geraklion.ru/journals/page/gubernator-s-kakoy-bukvi-pishetsya> (дата обращения: 02.03.2015).
- ¹⁷ Перформатив – высказывание, эквивалентное действию.

Библиография

П.П. Лебедев

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
МАГРОНТ М. НОВОСТИ КАК ПРОФЕССИЯ:
УЧЕБ. ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ.
М.: Аспект Пресс, 2015. 120 с.

М.В. Магронт (Ахвледиани) – телевизионный журналист, успешно совмещающий режиссерскую, продюсерскую и преподавательскую деятельность.

По признанию автора, книга «адресована не только начинающим журналистам, сценаристам и редакторам, она также ориентирована на широкий круг людей, которые мечтают связать свою жизнь с телевизионной индустрией» (с. 5). Пособие посвящено производству новостных программ – основе информационного вещания.

Привлекает авторская позиция – не углубляться в историю журналистики, а сосредоточить внимание на современном этапе и уже в начале текста определить место новостей в телевещании. М.В. Магронт убедительно доказывает доминирующую роль новостного сегмента: «Новости в сравнении с другими программами уверенно лидируют по широте охвата аудитории» (с. 7). Раскрывается главный принцип работы над телепередачей: «<...> сделать так, чтобы даже если в телевизоре не будет работать звук, зритель понимал, о чем идет речь» (с. 62).

Книга состоит из нескольких разделов, посвященных профессиональным качествам журналиста, секретам успеха телепередачи, своеобразию телетекста, требованиям к сюжетам информационных выпусков. Строится алгоритм работы над телевизионными новостями: от редакционного задания до выхода в эфир. Автор подробно излагает требования к работе журналиста в кадре и за кадром, знакомит читателя с правилами работы с оборудованием, камерой и микрофоном, выделяет главное в подготовке телевизионного репортажа, приводит систему критериев оценки новостных выпусков, очерчивает круг обязанностей ведущего теленовостей. Особо подчеркиваются «потребности аудитории в объективных, интерес-

ных и кратких новостях» (с. 98). Приведенные примеры монтажных листов информационных программ, образцы верстки полезны для овладения техникой и технологией СМИ.

В заключение рассматриваются вопросы этики на телевидении на примере работы журналистов в экстремальных условиях. Подчеркивается сложность стоящей перед тележурналистами задачи – соотнести морально-этические принципы с передачей объективной и всесторонней информации. Несмотря на то что в пособии подчеркивается необходимость стремления журналистов к высокому рейтингу, его достижение, по глубокому убеждению автора, не должно быть самоцелью и оправданием вседозволенности.

Особую ценность представляет позиция журналистов разных телеканалов, проинтервьюированных М.В. Магронт. Все аспекты журналистской деятельности в работе над выпусками новостей освещаются в форме вопрос–ответ. Учтены также взгляды зарубежных журналистов. Такой широкий спектр мнений позволяет сопоставить точки зрения (в некоторых случаях полярно противоположные), что повышает уровень доверия читательской аудитории.

Автор книги сочла возможным опубликовать журналистские тексты «без купюр», сохранив такие колоритные формулировки, как «старайтесь поменьше “желтить”» (с. 9), «“коротыши” в одном предложении в 5–7 секунд выглядят в эфире как заплатки» (с. 21), «добавить к [этим словам. – П. Л.] можно только “представлялку”» (с. 42), «иногда канал при смене власти начинает заявлять “болванку”» (с. 58), «обязательно должна быть готова “рыба”, потом на месте текст гораздо легче корректировать» (с. 81). С одной стороны, журналистский сленг – элемент профессиональной деятельности, с другой – в данном пособии профессионалы, освещая работу на телевидении, выступают в роли педагогов, речь которых могла бы быть академичнее.

Наряду с изложением основных теоретических знаний в книге есть и практическая часть. Начинающие журналисты учатся писать сценарный план сюжета, им даются примерные схемы рассказов разной тематической направленности. Дидактический аппарат издания включает контрольные вопросы, упражнения, задания, содержащие подробный анализ развернутых ответов. Необходимые пояснения, углубляющие знания студентов, даются в виде четких, развернутых формулировок.

Через всю книгу проходят анализируемые автором слагаемые мастерства тележурналиста, которые ведут к успеху в работе над новостями. Несомненное достоинство книги – доступность изложения, что позволяет рекомендовать издание широкой аудитории.

Хроника

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕКСТОЛОГИЯ И ЭДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА» В ИНСТИТУТЕ МАССМЕДИА РГГУ (12 мая 2015 г.)

Эта конференция продолжает академическую традицию, складывавшуюся на протяжении последних нескольких лет. Так, 23–25 июня 2008 г. в РГГУ проводилась VI Международная конференция «Проблемы текстологии и эдиционной практики». Ее обзор также можно найти в «Вестнике РГГУ»¹.

РГГУ, Главный корпус, ауд. 517

10.00–13.00

Владимир Гопман (РГГУ)

К вопросу о текстологии творчества А. и Б. Стругацких

Анастасия Готовцева (РГГУ)

«Природа» vs «Свобода»: несколько текстологических замечаний к стихотворению А.С. Пушкина «К Плюсковой»

Оксана Киянская (РГГУ)

«Свободомыслием заразился я во время похода во Францию»: из комментариев к показаниям декабристов на следствии

Хенрике Шталь (Трирский ун-т),

Катина Бахарова (Трирский ун-т / Саарландский ун-т)

Рукопись трактата «История становления самосознающей души» Андрея Белого и проблема композиции текста

Игорь Корин (Геттингенский ун-т)

Журнал-альманах «Новь»: принципы редактирования, проблемы и споры

14.00–17.00

Михаил Одесский (РГГУ)

Пьеса И.А. Вырыпаева «Кислород»: проблемы текстологии и комментария

Евгения Бродская (РГГУ)

Из комментария к документам обсуждения фильма Г.И. Пололки «Интервенция»

Юрий Бит-Юнан (РГГУ)

Текстологические и эдиционные проблемы подготовки романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» к печати в 1988–1989 гг.

Давид Фельдман (РГГУ)

Поэт-мемуарист: Из комментариев к мемуарам С.И. Липкина

Примечания

¹ См.: VI Международная конференция «Проблемы текстологии и эдиционной практики» в Институте массмедиа РГГУ (23–25 июня 2008 г.) // Вестник РГГУ. 2010. № 8 (51). Серия «Журналистика. Литературная критика». С. 241–244.

Abstracts

E. Arutyunova

“THE PROPOSALS TO IMPROVE RUSSIAN ORTHOGRAPHY” 1964 AND DISCUSSION IN THE PRESS (ON THE BASIS OF PUBLICATIONS OF 22 SEPTEMBER – 16 OCTOBER 1964)

In the article “The proposals to improve Russian orthography”, published in the Soviet press in September, 1964 are analysed and the response of the public to these suggestions, reflected in mass media since the 20th September to the 16th October is considered.

Key words: orthography, reform of the orthography, reform of the language, language policy, “The proposals to improve Russian orthography”.

Yu. Bit-Yunan, A. Mityushova

BETWEEN THE “NOVY MIR” AND “POSSEV” JOURNALS: ON THE FATE OF E. GINZBURG’S AND V. GROSSMAN’S BANNED WORKS

The researchers reconstruct the story of assessment procedure of E.S. Ginzburg’s “chronicle” “Into the whirlwind” in the Soviet literary journals “Novy mir” and “Yunost”. It is assumed that the work was rejected primarily due to the fact that it had been printed by the so-called “samizdat” and later – in the illegal almanac “Feniks 1967”, after which some fragments of the book appeared in the anti-Soviet emigrant journals “Possev” and “Grani”. Another argument contrary to “chronicle” publication was that Ginzburg could possibly be prosecuted with regard to the commencement at that time of the trial against A. Sinyavsky, Yu. Daniel and the associated persons. The scholars also compare the case with the similar one concerning Grossman’s novel “Life and Fate” publication and assert that various algorithms depriving an author of his works were being formed within the Soviet system of the 1960s.

Key words: E.S. Ginzburg, V.S. Grossman, A.T. Tvardovsky, B.N. Polevoy, V.P. Aksyonov, “Novy mir”, “Yunost”, “Possev”, “Grani”, A.D. Sinyavsky, Yu.M. Daniel.

E. Butorina

THE STANDARD AND EXPRESSION
IN THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA
(BASED ON THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)

The article considers specifics of usage and writing names consisting of several words, in official texts and media. The research is conducted on the basis of materials Russian National Corpus. The hypothesis about the causes of occurrence and mechanisms of selection of different variants of spelling rules and the nature of usual preferences is proposed.

Key words: media, the Russian language, business discourse, formal discourse, spelling standards, n-grams.

V. Gopman

CONCERNING THE HISTORY
OF THE “WELLSIAN” JOURNAL – THE OFFICIAL EDITION
OF THE H.G. WELLS SOCIETY (GREAT BRITAIN)

The article is devoted to the analysis of the history of “The Wellsian” journal – the official edition of H.G. Wells Society (Great Britain). The article speaks also on the history of H.G. Wells Society formation and defines the place for “The Wellsian” journal in nowadays British culture.

Key words: “The Wellsian”, H.G. Wells, British science fiction, British periodicals.

O. Kiyanskaya, D. Feldman

HISTORICAL NOTES ON ANTI-SOVIET MOOD
IN MOSCOW JOURNALISM OF THE 1930s:
M. VOLPIN’S CRIMINAL CASE

The researchers analyse the anti-Soviet moods among Moscow journalists in the 1930s. The M. Volpin’s criminal case materials are used to characterize the journalists’ private conversations regarding their attitude to current events in the USSR. New facts concerning some literary men’s lives are revealed.

Key words: M.D. Volpin, L.V. Sayansky, “The Crocodile” journal, I.M. Shtern, P.T. Gorgulov, communism, fascism, USSR domestic policy.

M. Kornev

THE CONCEPT OF “JOURNALISM”
IN MODERN DIGITAL ENVIRONMENT

This article discusses some features, trends, and actual changes in modern journalism, media and mass communications. Information and communication technologies (ICT) are transforming not only the media, but also social practices. The functions of the media, the competence of employees in the fields of media and communications, technological innovations – all that transforms the concept of “journalism”.

Key words: journalism, new media, social communication, digital environment.

M. Odessky

N.A. BERDYAEV’S PUBLICISM AND THE GREAT WAR

The paper deals with N.A. Berdyaev’s articles dedicated to the World War I. The famous Russian philosopher argues that essence of the German militarism is the nihilistic program realised by the prewar Futuristic art. This approach allows to analyse the Great War from the cultural point of view.

Key words: publicism, World War I, N.A. Berdyaev, D.S. Merezhkovskiy, futurism.

M. Spivak

ANDREY BELY AND IVANOV-RAZUMNIK
IN “THE SCYTHIANS” ALMANACH
ON THE REVOLUTIONARY AND THE TENDENCY

After returning from Dornach to Russia in 1916 Andrey Bely joined the literary group “The Scythians” and published a number of articles and essays pretending to be a manifesto. The article analyses Andrey Bely’s views on the issue of a reflection of modernity (the World War I and revolution) in the literature as well as an influence of Ivanov-Razumnik’s (the leader of “The Scythians” group) ideas upon Andrey Bely.

Key words: Andrey Bely, Ivanov-Razumnik, “The Scythians” almanach, Russian revolution, creative manifesto.

O. Ushakov

THE STAFF OF THE NEWSPAPER
“RUSSKY INVALID” IN THE 1820s

This article tells us about the role of the co-workers of “Russky invalid” in the formation and development this edition. The main focus falls on the two journalists – censor foreign periodicals St. Petersburg post office I.P. Odenthal and litterateur V.I. Kozlov. Their journalistic activities are most interested to the researcher.

Key words: P.P. Pesarovius, “Russky invalid”, I.P. Odenthal, V.I. Kozlov, “Severnaya pchela”, A.Ch. Vostokov, F.V. Bulgarin.

S. Voloshina

N.P. OGAREV: AN AUTOBIOGRAPHIC
PUBLICISM IN VERSE

The article considers non-trivial aspect of an autobiographic publicism by the material of N.P. Ogarev’s texts – the set of his poetic autobiographic works. There is an analysis of their cultural and historical context and a conclusion that the considered texts contain all the characteristic features of that author’s autobiographic publicistic work, such as his manifested sincerity and directness, citizenly pathos, in-depth psychological analysis and practical interests.

Key words: autobiography, publicism, N.P. Ogarev, lyrics, autobiographical lyrics, history of publicism.

E. Yavorskaya

ODESSA LITERARY MAGAZINE “ZHIZN”
IN THE HISTORICAL-POLITICAL SITUATION OF 1918

The article covers the history of the Odessa literary journal “Zhizn” under the Austro-German occupation of 1918. The periodical contents reveal the Odessa writers’ and artists’ interests and concerns and let us reestablish the connections between the Odessa journalism and the contemporary European and Russian literary and press work.

Key words: The “Zhizn” journal, A. Blok, Austro-German occupation, literature, journalism, criticism.

E. Zimareva

MONASTERY HOSPITALS IN XI–XIII CENTURIES
RUSSIAN LITERATURE AND PUBLICISM

The function of monks-doctors' activity description in XI–XIII centuries Russian publicism is analysed in this article. Medical practice was almost requirement for monks. The strongs payed them for it and meanwhile non-gently born parishioners became stronger in faith – the monks helped people at no cost.

Key words: publicism, Ancient Russia, medicine, Kievo-Pecherskiy Paterik, monastery.

Сведения об авторах

Арутюнова Елена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, arutyunova.elena@gmail.com

Бит-Юнан Юрий Геваргисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, bityunan@gmail.com

Буторина Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ, butorinaelena@gmail.com

Волошина Светлана Михайловна – кандидат филологических наук, s.m.voloshina@gmail.com

Гопман Владимир Львович – кандидат филологических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, vlgopman@mtu-net.ru

Зимарева Елизавета Аркадьевна – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, lizosom@mail.ru

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, kianoks@inbox.ru

Корнев Максим Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры телевизионных, радио- и интернет-технологий факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, mxm.kornev@gmail.com

Лебедев Павел Павлович – аспирант и преподаватель кафедры медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, lebedevp-rggu@yandex.ru

Митюшова Алина Сергеевна – выпускница кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, alina.mityushova@gmail.com

Одесский Михаил Павлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, modessky@mail.ru

Спивак Моника Львовна – доктор филологических наук, заведующая музеем «Мемориальная квартира Андрея Белого» (филиал Государственного музея А.С. Пушкина), monika_spivak@mail.ru

Ушаков Олег Александрович – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, o-ushakov@list.ru

Фельдман Давид Маркович – доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, dmfeld@inbox.ru

Яворская Елена Леонидовна – заместитель директора Одесского государственного литературного музея, yavors@i.ua

General data about the authors

Arutyunova Elena V. – senior lecturer, Department of Media Discourse, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, arutyunova.elena@gmail.com

Bit-Yunan Yury G. – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, bityunan@gmail.com

Butorina Elena P. – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, butorinaelena@gmail.com

Feldman David M. – Dr. in History, professor, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, dmfeld@inbox.ru

Gopman Vladimir L. – Ph.D. in Philology, professor, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, vlgopman@mtu-net.ru

Kiyanskaya Oksana I. – Dr. in History, professor, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, kianoks@inbox.ru

Kornev Maxim S. – Ph.D. in Philology, lecturer, Department of TV, Radio and Internet Technologies, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, mxm.kornev@gmail.com

Lebedev Pavel P. – postgraduate student, lecturer, Department of Media Discourse, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, lebedevp-rggu@yandex.ru

Mityushova Alina S. – graduate, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, alina.mityushova@gmail.com

Odessky Mikhail P. – Dr. in Philology, professor, head, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, modessky@mail.ru

Spivak Monika L. – Dr. in Philology, Director, Andrej Bely Museum (Moscow), monika_spivak@mail.ru

Ushakov Oleg A. – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, o-ushakov@list.ru

Voloshina Svetlana M. – Ph.D. in Philology, s.m.voloshina@gmail.com

Yavorskaya Elena L. – deputy director, Odessa Literary Museum, yavors@i.ua

Zimareva Elizaveta A. – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, lizosom@mail.ru

В ночь с 26 на 27 июля 2015 года скоропостижно скончался профессор факультета журналистики РГГУ Владимир Львович Гопман.

Он родился 31 мая 1947 года. После окончания средней школы учился в Московском химико-технологическом институте. Однако, по его словам, на четвертом курсе понял: инженерное дело уже не так интересно, как раньше. Тогда и решил, что история литературы, которой раньше был отведен лишь досуг, станет профессией.

К цели шел последовательно. Поступив на 2-й Московский подшипниковый завод, два года работал электромонтером, затем монтером-ремонтником, готовился к поступлению на филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

Он стал студентом романо-германского отделения филологического факультета в 1969 году. Изучил три иностранных языка, был талантливым переводчиком, со студенческих лет работал в Центральной научно-технической библиотеке. Однако именно научные интересы были в области истории фантастики.

В аспекте карьеры и заработка это была тогда отнюдь не перспективная область для советского филолога. Но Гопман, или, как с детства его называли друзья, Гопа, если и не всегда делал то, что хотел, никогда не делал того, что не хотел. Знание иностранных языков обеспечивало минимально достаточный доход, а главным делом была наука и литературная критика. Печататься начал с 1974 года, еще до поступления в аспирантуру МГУ.

Как фантастовец он был замечен сразу – и в СССР, и за границей. Был лауреатом нескольких международных премий, под его редакцией, с его предисловиями и комментариями издавались классики мировой фантастической литературы. Он считался редактором высочайшей квалификации, а преподавателем стал уже в 1990-е годы. В РГГУ работал с 1996 года.

Успел он многое – более трехсот статей, две монографии, уже сейчас признанные классическими. Мог бы успеть гораздо больше.

Он был талантливым ученым с мировым именем, выдающимся критиком, замечательным преподавателем, которого любили и студенты, и аспиранты, и коллеги. Для нас же, работавших с ним издавна, он был не только верным другом, но и эталонным порядочности.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Н.К. Егорова*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,7.
Тираж 1050 экз. Заказ № 127

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru